

ПРОВИНЦИАЛЬНЫЕ
НАУЧНЫЕ ЗАПИСКИ

II-2020

ЧОУ ВО «Региональный открытый социальный институт»

ПРОВИНЦИАЛЬНЫЕ НАУЧНЫЕ ЗАПИСКИ

**№ 2 (12)
2020**

Курск

2020. №2 (12)
Научный журнал

ПРОВИНЦИАЛЬНЫЕ НАУЧНЫЕ ЗАПИСКИ

Основан в 2015 г.

Выходит два раза в год

Учредитель: ЧОУ ВО
«Региональный открытый
социальный институт»

ISSN 2411-0736

Редакционный совет:

Председатель: В.Н. Петров, канд. ист.
наук, доцент, ректор РОСИ

Члены редакционного совета:

Акперов И.Г., д-р экон. наук, ректор ИУБиП
(Ростов-на-Дону), Апанасенок А.В., д-р ист.
наук, доцент, проректор по науке и между-
народным связям РОСИ (Курск) (замести-
тель председателя), Закс Л.А., д-р филос.
наук, профессор, ректор ГУ (Екатеринбург),
Зернов В.А., д-р тех. наук, профессор,
ректор РосНОУ (Москва), Львович Я.Е., д-р
тех. наук, профессор, президент ВИНТ
(Воронеж), Тарасова Е.Е., д-р экон. наук,
профессор, первый проректор БУКЭП
(Белгород)

СОДЕРЖАНИЕ

От главного редактора 4

ИСТОРИЯ. КУЛЬТУРА 5

А.В. Апанасенок

«Матушка с кипарисовым сундучком»: к вопросу о влиянии
паломничества в Святую Землю на персональную историю
сельского верующего в первой половине XX века 5

Д.В. Силакова

«Соловьиная провинция» как журнальный эксперимент 14

Е.И. Емельянова

К истории Курского Свято-Троицкого женского монастыря:
1942 – 1950 гг. 19

Т.В. Ежова

Информационная культура: новый тип мышления и общения
для адаптации человека к социальным реалиям XXI века 28

С.А. Кравченко

Региональные практики сохранения культурного наследия:
европейский опыт и его российская интерпретация 33

С.А. Кравченко, И.В. Вьюшкова

Возможности использования модальностей арт-терапии в работе
с детьми дошкольного возраста в условиях ДОУ 40

ПРАВО 45

А.В. Самойлов, Р.С. Булавинов

Трасологическая экспертиза: понятие, объекты, задачи и виды 45

А.В. Самойлов, А.О. Пазухина

Понятие и виды преступлений, совершаемых
на железнодорожном транспорте 50

О.Л. Свеженцева

Проблемы реализации конституционных ценностей
в Российской Федерации 54

И.С. Пудякова

Особенности правового регулирования туризма в России в условиях
пандемии Covid-19 58

ИНФОРМАТИКА. ТЕХНОЛОГИИ 62

Р.В. Глаголев, С.Г. Новиков

Моделирование характеристик нарушителя информационной
безопасности на объекте коммерческой деятельности 62

С.Г. Новиков, В.В. Малыхин, М.Д. Будылина

Экспериментальные исследования упруго-прочностных характеристик
мелиоративных плоскостворачиваемых трубопроводов 65

Редакционная коллегия:

Главный редактор –

В.Н. Петров, канд.ист. наук, доцент

Зам. главного редактора –

А.В. Апанасенок, д-р ист. наук, доцент

Члены редколлегии:

Должиков А.А., канд. тех. наук, доцент

Кликунов Н.Д., канд. экон. наук, доцент

Лагутин И.Б., д-р юр. наук, доцент

Ходусов А.Н., д-р пед. наук, профессор

Отв. секретарь –

Кравченко С.А., канд. пед. наук

Адрес редакции:

305009, г. Курск, ул. Маяковского, 85.

Телефон: (4712) 34-38-48

Факс: (4712) 34-38-48

E-mail: nio@rosi-edu.ru

Макет обложки: В.В. Ситников

Верстка: А.А. Бескровный

Подписано в печать: 30.10.20

Формат 60×84/8.

Отпечатано: «Деловая полиграфия»,

305029, г. Курск, ул. К. Маркса, 61 Б

Бумага офсетная. Усл. печ. л. 18.

Тираж 300 экз. Заказ № 243 Цена свободная.

Опубликованные в номере статьи отражают позицию авторов, выраженные в них мнения могут не совпадать с мнением редакционной коллегии.

Ответственность за соблюдение законодательства Российской Федерации об авторском праве несут авторы статей.

© Региональный открытый социальный институт

А.А. Кролевец, В.Ю. Худякова, К.М. Семичев, Е.М. Мамаева

Наноструктурированный сухой экстракт левзеи и его использование в качестве перспективного препарата для ликвидации транспортного стресса у животных 70

А.А. Кролевец, Е.М. Мамаева

Свойства наноструктурированного стрептоцида 77

ЭКОНОМИКА. УПРАВЛЕНИЕ 84

А.А. Золотарев, О.В. Телегина, Е.Л. Золотарева

Современные особенности и проблемы развития экономики Курской области 84

А.А. Золотарев, О.В. Телегина

Денежные доходы населения региона: динамика и пропорции 89

И.В. Шалимов

Реализация управленческих решений в условиях неопределенности и риска 93

И.В. Шалимов, Л.П. Скрипова

Особенности реализации международного бизнеса 98

ТРУДЫ ФРАНКО-РОСССИЙСКОГО НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ЦЕНТРА РЕГИОНАЛЬНЫХ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ 104

Б. Курмон, Н. Гильви-Суликашвили

Управление пандемией Covid-19 в Китае и России: сравнительный анализ 104

Б. Курмон

Туристические путеводители по странам Азии: спутники в «инаковости» 114

Н. Гильви-Суликашвили, Г. Кизаба, А. Ассаиди

Культура и городской туризм: инновационное позиционирование территории на Севере Франции 123

СОБЫТИЯ 142

Конференция «Проблемы противодействия религиозному экстремизму и преодоление межконфессиональных противоречий в России и ЕС» (Курск, РОСИ, май 2020 г.) 142

Конференция «Государственная политика в области образования и культуры как фактор регионального развития: опыт ЕС и российская практика» (Курск, РОСИ, май 2020 г.) 143

К сведению авторов 144

От главного редактора

Дорогие читатели!

Редколлегия «Провинциальных научных записок» выносит на Ваш суд очередной, двенадцатый выпуск журнала. Он получился достаточно объемным и, сохраняя мультидисциплинарный характер, подобрал в себя ряд интересных материалов из разных предметных областей.

Прежде всего, хотелось бы обратить внимание на появление в журнале новой рубрики – «Труды франко-российского научно-образовательного центра региональных социально-культурных исследований». Этот центр был организован Региональным открытым социальным институтом при поддержке Католического Университета Лилля в 2018 г. Его цель – содействовать сотрудничеству отечественных специалистов с коллегами из ЕС, знакомить наших ученых с достижениями «европейцев» и наоборот. Исходя из этой цели, мы предложили нашим партнерам из Франции прислать для публикации наиболее свежие результаты их исследований. В результате журнал получил три объемные статьи, одна из которых (под-

готовленная в популярном теперь жанре «вопрос-ответ») посвящена осмыслению влияния пандемии Covid-19 на жизнь «великих» держав – России и Китая. Две другие работы отражают региональную специфику исследовательской работы центра. Статьи написаны на английском и французском языках, однако мы снабдили их развернутыми аннотациями на русском.

Говоря о традиционных рубриках журнала, можно указать на удачную (по крайней мере, на наш взгляд) подборку материалов раздела «История. Культура». Здесь опубликованы статьи, в полной мере отражающие «провинциальный» дух «ПНЗ». Монастырская история, сельские конфессиональные традиции, региональные практики сохранения культурного наследия, провинциальные СМИ – эти и другие темы представлены нашими авторами оригинально и увлекательно.

Небезынтересными выглядят и материалы из раздела «Право». Наиболее злободневной, пожалуй, является работа, посвященная особенностям правового регулирования туризма в России в условиях пандемии Covid-19 (да, тема коронавируса представлена в журнале дважды). В рубрике «Информатика. Технологии» можно найти любопытные и также по своему злободневные выкладки относительно моделирования характеристик нарушителей информационной безопасности на объектах коммерческой деятельности, а также описания уникальных свойств наноструктурированных продуктов. В разделе «Экономика. Управление» читатель найдет преимущественно теоретические материалы, хотя статья о проблемах экономического развития Курской области может заинтересовать и практиков.

Уверен, что результаты исследований авторов «ПНЗ» найдут заинтересованную аудиторию и окажутся полезными как теоретически, так и практически.

*Ректор РОСИ,
кандидат исторических наук,
Почетный работник высшей школы
В.Н. Петров*

ИСТОРИЯ. КУЛЬТУРА

УДК 27-1(051)

А.В. Апанасенко, д-р ист. наук, профессор, ЧОУ ВО «Региональный открытый социальный институт» (Курск), (e-mail: apanasenok@yandex.ru)

«МАТУШКА С КИПАРИСОВЫМ СУНДУЧКОМ»: К ВОПРОСУ О ВЛИЯНИИ ПАЛОМНИЧЕСТВА В СВЯТУЮ ЗЕМЛЮ НА ПЕРСОНАЛЬНУЮ ИСТОРИЮ СЕЛЬСКОГО ВЕРУЮЩЕГО В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА¹

В статье рассматривается персональная история курской монахини Мисаилы, в первой половине XX в. стяжавшей славу подвижницы. Изучая путь духовного становления старицы, автор обращает особое внимание на ее паломничество в Иерусалим, резко поднявшее авторитет Мисаилы в глазах односельчан. На основе фактов из биографии монахини, вплетенных в контекст социально-культурной истории российской провинции, делаются выводы о значимости образов Святой Земли для сельских жителей в поднеимперский и раннесоветский периоды отечественной истории.

Ключевые слова: персональная история, биография верующего, православие, паломничество, Палестина, монашество

В 35 километрах от Курска есть небольшое село, ставшее местом притяжения тысяч православных верующих из разных регионов страны. Это Зорино (другое название – Муравлево), родина знаменитой подвижницы монахини Мисаилы (1860-1953). В первой половине XX в. Мисаила прославилась благочестием, прозорливостью и необыкновенным даром исцелять и духовно поддерживать людей, обращавшихся к ней. Вскоре после ухода из жизни монахини на ее могилу потянулись люди, верившие в способность «зоринской матушки» помочь им даже «с неба». Год из года таких верующих становилось все больше, а в условиях церковного «ренессанса» постсоветского периода на необыкновенное место обратила внимание и Русская православная церковь. На могиле была возведена часовня, рядом построено два храма, неподалеку освящен источник. Создан и успешно функционирует специальный сайт (www.misaila.ru), на котором можно найти немало материалов, отражающих память о необыкновенной монахине. В настоящее время поставлен вопрос о канонизации Мисаилы.

Естественно, история жизни старицы не раз привлекала интерес журналистов, пи-

савших заметки про Зорино (Муравлево). У монахини появилось, по меньшей мере, два биографа – ее собственная внучка Людмила Соколова, написавшая интересные и содержательные воспоминания, а также курский публицист Светлана Борисова. Благодаря их публикациям рядовой читатель вполне может составить представление об образе жизни и, главное, делах старицы, прославивших ее на многие десятилетия вперед.

Однако, жизненный путь Мисаилы интересен и с научной точки зрения. Его изучение – хорошее подспорье для понимания особенностей духовной атмосферы провинциального социума в поднеимперский и советский периоды отечественной истории. Думается, что персональная история старицы вполне может стать предметом для масштабного научного труда (по крайней мере, она этого заслуживает), при этом даже анализ ее отдельных эпизодов окажется эвристически важным. В частности, очень интересен вопрос о том, как Мисаила (долгое время бывшая простой крестьянкой) стала почитаемой «матушкой», к которой стояли очереди нуждавшихся в поддержке посетителей? Что сподвигло ее взять на себя роль наставницы, а людей – поверить в

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект №20-09-41017

эту миссию? В посвященных Мисаиле брошюрах можно найти сюжет о посещении ее Богородицей после совершенного в середине жизни путешествия в Иерусалим. Разумеется, рассуждать о первом – вне компетенции историка, а вот второе (паломничество в Святую

Землю) вполне может быть разобрано в контексте социально-культурной истории соответствующего периода. Собственно говоря, влияние паломничества в Палестину на судьбу сельского верующего в первой половине XX в. и является предметом для данной статьи.

Верующие на могиле монахини Мисаилы в с. Муравлево, 2015 г.
(фото В. Ситникова)

В рамках этой работы автор старается ответить на следующие вопросы. Прежде всего, зачем простые крестьяне – подданные Российской империи стремились посетить Палестину в начале XX в.? Далее, как такое путешествие воспринималось окружающими – соседями, односельчанами? И, наконец, можно ли говорить о наличии в русской провинциальной культуре первых десятилетий XX в. настолько сильного и привлекательного образа Святой Земли, приобщение к которому меняло духовный статус человека? Чтобы дать ответы на сформулированные выше вопросы, опираясь на историю жизни монахини Мисаилы, нужно иметь представление о ее биографии до и после паломничества.

Будущая монахиня Мисаила – Матрена Гавриловна Зорина (в девичестве Гранкина) – родилась в 1860 г. в семье бедных государственных крестьян в селе Муравлево (Зорино) Курского уезда. В три года из-за несчастного случая она осиротела – родители погибли от печного угара. Из-за отсутствия близких родственников, способных содержать девочку, Матрена была отдана на попечение местной

сельской общины и, по решению последней, вплоть до замужества поочередно жила в домах местных поселян [1, с. 4-5]. В семнадцать лет она (опять же по решению сельского схода) была выдана замуж, однако это мало изменило трудное полунищенское существование сироты. Муж оказался инвалидом, а ей самой в доме фактически была отведена роль прислуги. Согласно воспоминаниям внучки будущей подвижницы, слышавшей и записавшей рассказы своей бабушки, Матрена вынуждена была выполнять наиболее тяжелую работу по хозяйству и по уходу за лежащим мужем, при этом не могла входить в жилую часть дома без разрешения хозяев, спала в сарае или сенях. А в двадцать шесть лет Матрена овдовела, имея на руках трехлетнего сына. Пытаясь заработать на жизнь, в последующие годы она была вынуждена совмещать традиционный крестьянский труд с «подработками»: например, перевозила вечерами на пароме желающих перебраться через местную реку Сейм [12, с. 10].

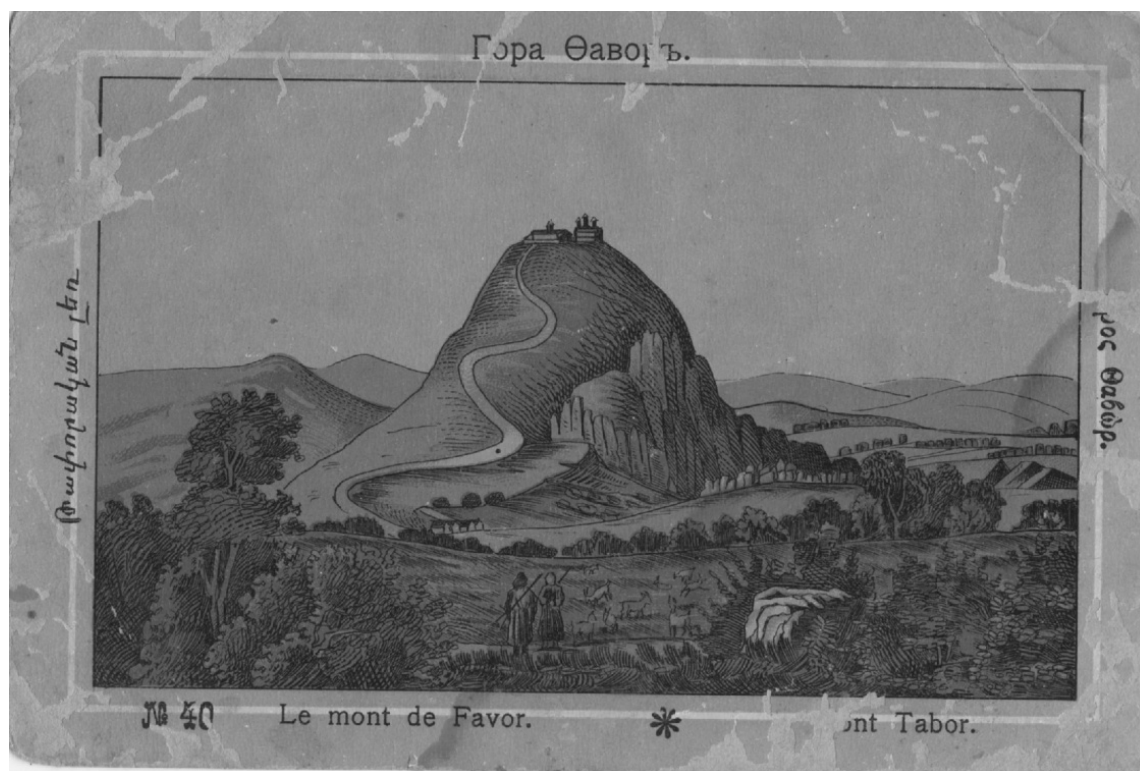
Сохранившиеся источники свидетельствуют, что и в молодости Матрена Зорина

была весьма набожным человеком. Она регулярно посещала церковные службы, много молилась дома (зачастую – в погребе, чтобы никому не мешать) [1, с. 6; 12, с. 8]. Однако эта набожность, судя по всему, не обращала на себя особого внимания окружающих – вплоть до сорока с лишним лет Матрена оставалась в глазах односельчан «бедной сиротой».

Событием, в корне изменившим жизнь бедной крестьянки, стало паломничество в Палестину (в то время являвшейся территорией Османской империи). Ее потомки расходятся в датировке этого эпизода, называя как конец XIX [11, 12, 13], так и начало XX в. [1]. Наиболее логичной, впрочем, представляется версия С. Борисовой, предложившей считать датой путешествия 1905 г. [1, с. 7]. К этому времени сын Матрены Зориной достиг совершеннолетия и оказался в состоянии себя обеспечивать. Не имея никого на иждивении, женщина получила возможность заручиться рекомендациями сельской общины, волостного правления, а также свидетельством от местной полиции об отсутствии препятствий к выезду за границу – все эти документы требовались от потенциальных паломников из крестьян в рассматриваемый период [5].

В общих чертах богоугодное путешествие Матрены Зориной выглядит следующим образом. Она нашла спутницу, получила необходимые документы, испросила благословения местного архиерея. Кроме того, будущая

подвижница получила своеобразное «благословение» и от светской власти в лице курского губернатора, пожертвовавшего на паломничество 50 руб. Несмотря на возможность купить билеты (в это время из Курска уже было нетрудно добраться в Одессу через Киев посредством железнодорожного транспорта), женщины отправились в путешествие пешком, посещая известные монастыри – Глинскую Пустынь, Киево-Печерскую Лавру. Добравшись до Одессы, они в конце концов нашли пароход, который доставил их в Яффу. Оттуда Матрена попала (видимо, тоже пешком) в Иерусалим [12, с. 10]. Находясь на Святой Земле, она наблюдала за таинством освящения реки Иордан во время праздника Крещения и в тот же день получила от незнакомого монаха в дар камень и шапочку (впоследствии на родине Матрены, в с. Муравлево, распространилось мнение, что это камень, на котором стоял Иоанн Креститель, а шапочка принадлежала одному из древних святых). В Иерусалиме паломница собиралась принять монашеский постриг, однако этому помешали (согласно ее воспоминаниям, записанным внучкой), вещие сны, призывавшие вернуться домой. Кроме уже упомянутых камня и шапочки, из Палестины Матрена взяла в Россию списки икон «Успение» и «Тайная вечеря», кипарисовый сундучок, набор открыток с видами Святой Земли и монашеские одежды для будущего пострига [1, с. 7; 12, с. 11].

Одна из открыток, привезенных Матреной Зориной из Иерусалима
(из семейного архива потомков м. Мисаилы)

Вскоре после возвращения домой Матрена сильно заболела. Впав в кому и будучи сочтена умершей, она оказалась в гробу. Однако, незадолго до похорон внезапно очнулась, сильно испугав читавшего над ней молитву псаломщика. Согласно бытующему среди потомков и жителей с. Муравлево преданию, в этот момент женщина увидела Богородицу, благословившую ее и одарившую «прозорливостью» и способностью врачевания [13, с. 4].

После исцеления жизнь Матрены стала совершенно иной. Она наконец-то приняла монашеский постриг и новое имя (Мисаила), поселившись при этом в оставленном ей свекровью доме (это жилище вскоре получило название «монахов дом»). Статус Мисаилы среди односельчан сильно изменился – она перестала быть для них «сиротой», превратившись в «матушку». К новопостриженной монахине пошли люди, нуждавшиеся в совете, духовной и даже физической поддержке. Судя по всему, эта поддержка была очень действенной: в нескольких изданиях, посвященных монахине Мисаиле, можно найти массу примеров, исцелений, сохранения семей, преодоления конфликтов благодаря «матушке» [1, 2, 11, 12, 13].

Даже в самые тяжелые для верующих времена авторитет «Зоринской матушки» спасал ее. Так, в 1931 г. был арестован сын Мисаилы, следствием чего явилась конфискация дома. Мисаила уехала в Курск, где провела почти восемь лет. Там она продолжала духовно помогать людям, при этом жила в чужих домах, будучи там «уважаемой и желанной гостьей». Важно отметить, что власти хорошо знали о пребывании Мисаилы в Курске, но не арестовали ее – очевидно, авторитет старицы среди верующих пугал даже партийных работников. Впрочем, и сами высокопоставленные функционеры не раз к ней обращались. В воспоминаниях Л. Соколовой можно найти упоминания о приезжавшем к монахине секретаре обкома КПСС, опасавшемся снятия с должности, полковнике милиции, пытавшемся помочь не ходившему с детства шестилетнему сыну [12, с. 22-40]. В 1937 г., в разгар репрессий, Мисаиле внезапно разрешили вновь поселиться в родном селе и построить там новый дом (что опять же говорит об авторитете монахини). В новопостроенном доме старица прожила до конца жизни (т.е. до 1953 г.), по-прежнему принимая там обращавшихся за помощью и советом людей (среди них по-прежнему часто встречались представители советской «элиты» – например, жена

секретаря обкома, неоднократно приезжавшая к Мисаиле на автомобиле по ночам) [12, с. 36].

В том, что примеры необычайного авторитета монахини Мисаилы не вымышленные, автор убедился самостоятельно, беседуя со старожилами с. Зорино (Муравлево). Один из них (сосед, в детстве и молодости наблюдавший за жизнью монахини), охарактеризовал ее так: «Хорошая была ... Очередь к ней стояла, особенно много после войны было... Из Москвы даже приезжали... И коммунисты за советом к ней ходили. И все местные – если кто заболел, или кого в армию отправляли» (записано автором 11.07.2020 со слов Е.С.Халина, 1932 г.р., с. Муравлево Курского района Курской области).

Портрет монахини Мисаилы, написанный одним из ее благодарных посетителей – главным архитектором г. Тулы Т. Фроловым (семейный архив потомков м.Мисаилы)

Приобретенные Матреной Зориной в Палестине предметы превратились в реликвии и одновременно средства врачевания: камешек и шапочку со Святой Земли монахиня регу-

лярно прикладывала к болеющим [1, с. 7]. Эти вещи хранились в кипарисовом сундучке, также привезенном из Иерусалима. Этот сундучок, ставший легендарным, открывался очень часто, так как использовать реликвии со Святой Земли приходилось постоянно. К двум привезенным из Иерусалима иконам вскоре добавилась третья – образ Божией Матери «Троеручица», которую приблизительно в 1910 г. привезли матушке в дар монахи из Иерусалима. Эта икона, пожалуй, в конечном итоге оказалась самым знаменитым напоминанием пребывания Матрены Зориной в библейском регионе. Около двадцати лет она находилась в домашнем иконостасе монахини, оставаясь предметом самого благоговейного отношения со стороны односельчан (Л. Соколова в своих воспоминаниях описывает массу случа-

ев исцелений перед иконой «Троеручица») [11,12,13]. Во время коллективизации, когда дом Зориных был конфискован, соседи спасли икону, впоследствии передав ее в местный храм. После его закрытия в 1937 г. «Троеручица» вновь оказалась под угрозой уничтожения, но вновь была спасена местными жителями, по очереди прятавшими ее у себя в домах. С возобновлением приходской жизни в с. Зорино в 1944 г. икона была передана в организованный тут молитвенный дом, а в 1961 г. – в церковь расположенного неподалеку села Колодного [2, с. 19-21]. В настоящее время эта икона является наиболее почитаемой в округе, ежегодно в июле верующие совершают с ней два крестных хода – с места нынешнего пребывания образа в родное село монахини Мисаилы и обратно.

Группа участников крестного хода с иконой «Троеручица», июль 2020 г.
(фото В. Ситникова)

Таким образом, путешествие в Святую Землю стало водоразделом между двумя половинами жизни Матрены Зориной. В первой части она – сирота, бедная крестьянка. Во второй – почитаемая матушка, подвижница, обладательница знаменитого кипарисового сундучка и освященных в Палестине образов. Изложенные факты сами по себе в какой-то

мере отвечают на вопрос о влиянии паломничества в Иерусалим на судьбу провинциального верующего в начале XX века. Но, конечно, эти факты можно дополнить, опираясь на контекст истории сельской жизни в начале XX столетия.

Прежде всего, почему Матрена Зорина отправилась в Иерусалим? Отвечая на вопросы

о мотивах паломничества, российские публицисты того времени традиционно указывали на характер русского человека, стремящегося к непосредственному созерцанию святынь и который «невольно влечется туда, где духовная родина его, где родник самых глубоких, самых чистых, самых заветных его чувствований, где источник самых светлых надежд его» [6, с. 497]. При этом замечалось, что наиболее набожные русские люди реализуют эти стремления в паломничестве в Святую Землю [6, с. 498]. Зная об особенностях личности монахини Мисаилы, описанных выше, можно согласиться, что к ней вполне применимо такое объяснение. Однако, уместно вспомнить и о других обстоятельствах. В частности, наверняка существенную роль в принятии решения о паломничестве сыграл ее предшествующий жизненный путь. Детство без родителей, скитания по чужим домам, бедность, тяжелый труд, низкий социальный статус – все это давало мало возможностей увидеть светлые стороны жизни и принесло немало страданий. В этих условиях мечта посетить Палестину должна была стать мостиком, переносящим сначала мысленно, а затем и физически из печальной действительности в «обетованную» землю, где страдание приобрело великий смысл еще в новозаветные времена, и которая с тех пор дарит надежду всем страждущим.

Наконец, нужно сказать и о культурных веяниях начала XX в. В 1899 г. в Курске был создан отдел Императорского Православного Палестинского общества (ИППО), ставившего перед собой задачи распространения знаний о Священной истории и Святой Земле, а также помощи паломникам. Как и в ряде других регионов, в Курской губернии стали ежегодно организовываться Палестинские чтения, на которых наиболее подготовленные лекторы из среды духовенства рассказывали слушателям из народа (вход на эти мероприятия был свободным) о Святой Земле и величайших христианских святынях, раздавали «Палестинские листки» и карточки с видами Святой Земли. Чтения организовывались более чем в сотне населенных пунктов губернии, в том числе и селах. Судя по отчетным сведениям курского отдела ИППО, они регулярно проходили и в с. Муравлево Курского уезда. В 1901 г., например, кроме учащихся местной школы, на чтения пришло около ста крестьян (что означало аншлаг, поскольку в селе в общей сложности проживало не более пятисот человек), которые слушали лекторов «с заметным удовольствием» [7, с. 876, 879]. В 1903 г., говоря об аналогичных чтениях в Курской

губернии, составители аналогичного отчета отмечают сильное впечатление на слушателей от таких мероприятий: «под влиянием чтений... у некоторых возникает мысль самим посетить Святую Землю, увидеть грешными очами те места, в которых родился, жил и пострадал за нас Богочеловек Спаситель наш» [8, с. 359]. Набожная Матрена Зорина наверняка бывала среди таких слушателей, а усвоенная информация должна была укрепить ее решимость и помочь оформлению паломнических планов.

Постоянно проживая в одном кругу людей, будущая подвижница должна была считаться с их мнениями и взглядами на предполагаемое путешествие. Известно, что православные люди традиционно смотрели на паломников с уважением. Как пишет Х.В. Поплавская, паломничество предпринимается для спасения души и потому образ паломника, странника всегда в русской культуре был близок к образу святого [9, с. 16]. Этот же автор, основываясь на материалах Этнографического бюро князя Тенишева, приводит многочисленные примеры гостеприимства и уважения по отношению к паломникам в течение XIX в. [9, с. 9–18]. Насколько характерны такие взгляды оставались для начала XX в.? Известно, что предреволюционные десятилетия оказались периодом интенсивной социальной модернизации России. Система ценностей широких слоев общества начала меняться: в их поведении наблюдался рост рационализма, прагматизма, расчетливости, индивидуализма, не свойственных патриархальному обществу. Нормой становились капиталистические отношения, зачастую предполагающие утилитарное отношение к окружающим явлениям [4, с. 334]. Священники и архиереи в это время все чаще жаловались на «порчу» духовно-нравственного облика прихожан, растущее безразличие к религии и христианским обязанностям [10, оп. 442, д. 2158]. Не только в городах, но и в сельской местности стало явно проявляться стремление к моде и пренебрежение к «дедовским» традициям со стороны значительного количества людей, особенно молодежи [4, с. 334].

Думается, однако, что такого рода веяния не умаляли, а в каком-то смысле и увеличивали значимость паломничества в Святую Землю в глазах большинства сельских обывателей. «Высшим подвигом паломничества православного народа русского было и остается хождение в Святую Землю, во святой град Иерусалим, на поклонение гробу Господню», – писал в 1899 г. ректор курской семинарии И.

Новицкий [6, с. 498]. В условиях растущей (но еще не ставшей массовой) религиозной индифферентности попытка совершить подвиг ради веры не могла не вызывать уважения. В том, что это действительно подвиг, никто не сомневался: даже в начале XX в. путешествие в Османскую империю для бедного крестьянина было сопряжено с большим количеством опасностей. «Жар и холод, снег и дождь, скудное питание ... изнурительные болезни, неприятные встречи по пути... Нередко мать-сырая земля служит им ложем, заплечная сума с сухариками – изголовьем, звездное небо – покровом», – писал современник о пешем путешествии русских паломников к Черному морю [3, с. 280]. Затем их ожидало мучительное двухнедельное плавание в трюме или на палубе одного из старых судов (нередко рядом с перевозимыми там животными), переход из Яффы в Иерусалим при явном недостатке воды, непривычный жаркий климат и т.д. [3, с. 281-283]. Решиться на такое могли единицы. Так, согласно подсчетам В. Хитрово, к 1899 г. в Курской губернии один паломник, решившийся отправиться в Палестину, приходился на 8811 жителей [14, с. 144]. При этом далеко не все паломники выживали, среди выживших многие возвращались больными или истощенными (болезнь Матрены Зориной – тому пример). Однако, вернувшись, они приобретали среди окружающих совершенно иной духовный статус. «Божьим человеком, счастливец вступает такой паломник в родной дом, встречаемый всеми слезами радости... В ранние зимние вечера, в темную непроглядную осеннюю ночь, среди воя вьюги и метелей, этот Божий ратник соберет в свою теплую хату всех домочадцев и соседей, друзей и знакомых и поведет им длинную речь о тех святых местах, которые он видел своими очами, исходил своими ногами, где солнце вечно светит и греет, где нет злых метелей и снега, и всем слушателям его станет легче, светлее и теплее на душе. Счастливый человек, скажут его слушатели, что ему Господь привел видеть такие святые места!», – так в 1903 г. (то есть примерно в то же время, когда Матрена Зорина совершила свое путешествие) характеризовал возвращение из паломничества известный знаток этого явления А.А. Дмитриевский [3, с. 295-296].

Известные факты о путешествии будущей монахини Мисаилы подтверждают, что, уходя, она получила все необходимые «благословения», как со стороны духовенства, так и односельчан, а по возвращении превратилась в почитаемую «матушку». Детального описания

соответствующих обстоятельств у нас нет, но их вполне можно представить, основываясь на аналогичной истории, произошедшей в другой губернии и записанной местным священником. Тут речь идет о некоей Анисье Романовой, из Луговой слободы Богородицкого уезда Тульской губернии. Еще в отрочестве она дала обет безбрачия и монашеской жизни. Живя келейницей в отдельном домике и обучая местных детей грамоте, Анисья со временем решила посвятить себя странствованию по святым местам. Обойдя многие отечественные святыни, она решила пойти в Святую Землю. Девушка «приискала себе и благотворителей, и странниц и, отправляясь в путь, просила нас отслужить молебен. Мы при этом объявили всей церкви, что Анисья Романова отправляется во святой Град Иерусалим и сделали начинания посильных пожертвований, чему последовали и другие, как скоро узнали о таком неслыханном у нас путешествии». Вернувшись из паломнического путешествия, «Анисья начала свои повести о Святой Земле. Народ всех званий и чинов начал стекаться к ней толпами» [цит. по: 9, с. 17].

Что же думали о Святой Земле люди, столь благоговейно относившиеся к посетившим ее паломникам? Получить соответствующее представление можно, обратившись к отзывам современников. Так, ректор курской семинарии И. Новицкий, один из создателей курского отдела ИППО и организатор первых Палестинских чтений в Курской губернии, писал, что Иерусалим для простого русского человека – центр христианского мира, «единственное место на свете, способное примирить всех людей» [6, с. 586]. Уже упоминавшийся исследователь русского паломничества А.А. Дмитриевский в 1903 г. утверждал, что Палестина в глазах русских крестьян – земля, «текущая молоком и медом», «где солнце вечно светит и греет, где зеленая листва круглый год услаждает взоры своих обитателей, где всякий овощ родится в изобилии и труд с избытком вознаграждает человека ... где жили, учили и страдали Сам Господь... апостолы, сонмы святых мучеников и подвижников» [3, с. 279]. На страницах отчетов курского отдела ИППО можно встретить упоминания о сравнении курскими крестьянами Иерусалима с местом, откуда молитвы быстро доходят до Бога и, даже, с раем. Паломничество туда периодически именуется «путешествием к Богу» [7, 8]. И в любом случае Святая Земля представлялась как мир, принципиально отличающийся от российской действительности.

Члены курского отдела ИППО регулярно отмечали большой энтузиазм, который порождали Палестинские чтения и беседы о Святой Земле и «возрастающее усердие» к их посещению [7, с. 874]. В первые годы существования этого отдела он вынужден был увеличивать количество пунктов ведения Палестинских чтений «ввиду все более возрастающего интереса к их слушанию» [8, с. 359]. «Нельзя было не видеть, – тогда же писал один из курских священнослужителей о слушателях, – в какой восторг, в какое умиление приходили простые, но глубоко верующие слушатели от одной мысли побывать на Святой Земле [8, с. 359]. Например, в 1903 г. Палестинские чтения в Курской губернии посетило 80800 слушателей, основную часть которых составляли крестьяне. Их могло бы оказаться гораздо больше, если бы организаторы располагали большим количеством лекторов и точек проведения чтений [8, с. 359]. Судя по тому факту, что интерес к «палестинским реликвиям», привезенным Матреной Зориной на родину, не угасал у односельчан и в советский период, можно говорить о сохранении привлекательно-возвышенного образа Святой Земли длительное время.

Какие же выводы можно сделать, опираясь на историю матушки Мисаилы? Во-первых, эта история показывает, что, несмотря на модернизационные веяния первых десятилетий XX в. (в том числе падение влияния церкви на жизнь масс), паломничество в Святую Землю продолжало иметь безусловную ценность в глазах провинциальных обывателей. Путешествие туда рассматривалось как мостик к спасению, в первую очередь духовному, но также, в определенном смысле, житейскому – давало возможность оставить тяжкие однообразные проблемы ради высоких целей.

Длительное паломничество в Палестину, сопряженное со множеством испытаний, воспринималось большинством крестьян в качестве своеобразного подвига ради веры. На фоне рационализации общественной жизни и общественного сознания, развития капиталистических (а затем социалистических) отношений, «расцерковления» молодежи такой подвиг вызывал большое уважение. Последнее существенно отражалось на общественном и духовном статусе паломника. Из приведенных выше фактов видно, что Матрена Зорина и в молодости была набожным человеком, а особенно ее личности вполне соответствовали высоким христианским стандартам. Однако, «раскрыться» (в том числе поверить в себя и

невольно убедить других в своей близости к Богу) Матрене удалось только после путешествия в Святую Землю.

Как правило, крестьянское сознание наделяло библейский регион свойствами, которых не хватало в провинциальной российской действительности: чудесами, сопричастностью к великой истории, изобилием и, главное, непосредственной близостью к Богу. Конкретные и зачастую разнившиеся крестьянские представления о Палестине сходились на признании ее необыкновенности. Такое отношение к Святой Земле предопределило особое отношение к людям, там побывавшим. Причем, это отношение не менялось вместе с социально-политической повесткой. По крайней мере, революция, атеистическая пропаганда, антицерковные кампании не отразились на росте духовного авторитета «зоринской матушки», которая до конца жизни с благоговением использовала освященные в Иерусалиме предметы.

Список литературы и источников:

1. Борисова С.Л. Зоринская матушка: краткое жизнеописание курской старицы Мисаилы. – Курск: Мечта, 2019. – 23 с.
2. Борисова С.Л. В своем кругу: монахиня Мисаила (Зорина) и церковнослужители. – Курск: Мечта, 2016. – 39 с.
3. Дмитриевский А.А. Современное русское паломничество в Святую Землю // Труды Киевской духовной академии. – 1903. – №6. – С. 274-319.
4. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи: XVIII – начало XX века: в 2 тт.. – СПб.: «Дмитрий Буланин», 2003. Т.1. – 583 с.
5. Нечаева М.Ю. Епархиальные отделы Императорского Православного Палестинского общества и организация паломничеств в Святую Землю // Материалы II Всероссийской научно-богословской конференции «Церковь. Богословие. История». – Екатеринбург, 2014. – С. 170-177.
6. Новицкий И. Паломничество в святыне Палестины и содействие ему Императорского Православного Палестинского общества // Прибавление к Курским епархиальным ведомостям. Часть неофициальная. 1899, №29. – С. 495-501; №31. – С. 517-522; №34. – С. 562-568; №36. – С. 585-589).
7. Отчет о деятельности Курского отдела Императорского Православного Палестинского общества за 1901–1902 год // Прибавление к Курским епархиальным ведомо-

стям. Часть неофициальная. 1902, №25. –С. 871-885.

8. Отчет о деятельности Курского отдела Императорского Православного Палестинского общества за 1902-1903 год // Прибавление к Курским епархиальным ведомостям. Часть официальная. 1903, №25. – С. 344-360.

9. Поплавская Х.В. Русское паломничество к христианским святыням Востока и Запада и отражение этой традиции в паломнических сочинениях разных веков // Традиции и современность. – 2007. – № 6. – С. 3-19.

10. Российский государственный исторический архив. Ф. 796.

11. Соколова Л.М. По молитвам бабушки – молитвенницы земли Курской. Воспоминания внучки курской старицы Мисаилы. – Курск: Мечта, 2007.

12. Соколова Л.М. Курская молитвенница монахиня Мисаила. – Курск, 2010.

13. Соколова Л.М. По молитвам бабушки (воспоминания внучки курской старицы Мисаилы). –Курск: Мечта, 2015. –142 с.

14. Хитрово В. Откуда идут в Святую Землю русские паломники // Сообщения Императорского Православного Палестинского общества. Т. XI. – СПб., 1900. – С. 128-155.

A.V. Apanasenok, Doctor of Science, Professor, Regional Open Social Institute (Kursk), (e-mail: apanasenok@yandex.ru)

«MOTHER WITH A CYPRESS CHEST»: ABOUT THE IMPACT OF PILGRIMAGE TO THE HOLY LAND ON THE PERSONAL HISTORY OF A RURAL BELIEVER IN THE FIRST HALF OF THE XX CENTURY

The work deals with the personal history of the Kursk nun Misaila, who gained fame as an ascetic in the first half of the XX century. Studying the way of spiritual development of the woman, the author pays special attention to her pilgrimage to Jerusalem, which sharply raised the authority of Misaila in the eyes of fellow villagers. There are conclusions about the significance of images of the Holy Land for rural residents in the late Imperial and early Soviet periods of Russian history which basing on the facts from the biography of the nun and the context of the socio-cultural history of the Russian province.

Keywords: *personal history, biography of a believer, Orthodoxy, pilgrimage, Palestine, monasticism.*

УДК 070.3

Д.В. Силакова, канд. фил. наук, доцент, ФГБОУ ВО «Курский государственный университет» (Курск), (e-mail: dinasilak@mail.ru)

«СОЛОВЬИНАЯ ПРОВИНЦИЯ» КАК ЖУРНАЛЬНЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ

В статье рассмотрена история и структурно-содержательные особенности курского еженедельного общественно-политического журнала «Соловьиная провинция». Исследуются причины типологической неопределённости издания, оценивается роль журнала в информационном пространстве Курской области.

Ключевые слова: периодическая печать, Курская область, еженедельный журнал, «Соловьиная провинция».

Анализируя основные тенденции развития рынка еженедельных журналов, А.В. Вырковский обратил внимание на то, что в 2000-е годы несмотря на то, что «столичная аудитория еженедельников как “общего интереса”, так и деловых, уменьшается – причем у вторых гораздо быстрее», количество еженедельников «общего интереса» увеличивалось, отражая сохранение спроса на качественную социально-политическую, общественно значимую информацию [1, с. 177]. Оценивая процессы, разворачивающиеся в региональной журнальной периодике, в частности историю еженедельного журнала «Соловьиная провинция», можно говорить о том, что в Курской области проявила себя та же тенденция.

Первый номер «Соловьиной провинции» вышел в свет 27 апреля 2006 года. Это время журнального «ренессанса», когда в Курске одна за одной предпринимаются попытки выпускать региональный журнал. Большинство из них оказались недолговечными, но тем не менее каждый журнальный эксперимент по-своему интересен.

Среди местных журналов того времени («VIP. Взгляд. Информация. Партнерство», «Город: инструкция по применению») «Соловьиная провинция» выделялась стремлением к универсально-тематическому содержанию. С одной стороны, издание явно тяготело к общественно-политической проблематике, делало ставку на аналитику острых проблем и глубокую проработку новостей, ориентировалось на ту часть курян, которая не просто недовольна положением дел в регионе, но и готова к конструктивному их обсуждению, способна предложить свои пути выхода из экономического или социального тупика. С другой – в журнале заметное место займут развлекательные материалы и прикладная информация, причем по

мере развития издания, их роль будет возрастать.

Формат журнала А4. Объем от 32 до 48 страниц. Тираж первых выпусков 999 экземпляров, далее он поднимется до 6 000. Распространялся журнал бесплатно.

Первым редактором журнала был П.В. Зуев, до этого полтора десятилетия возглавлявший газету «Городские известия», поэтому костяк коллектива «Соловьиной провинции» составили сотрудники «ГИ»: журналисты В. Воробьев, И. Татарская, фотокорреспонденты и художники О.Сизов, В. Безугольников, А. Гурский, В. Мочалов и др. Позже с ноября 2006 года главным редактором станет Наталья Плетнева.

Как и значительная часть общественно-политических еженедельников, журнал не стремился к тому, чтобы привлекать внимание броскостью дизайна, изобразительной насыщенностью. Но при этом фотографии, рисунки и карикатуры всегда отличаются публицистической остротой и актуальностью. Обложки «Соловьиной провинции» (как правило, это фотографии, сделанные на улицах Курска) всегда содержательны, точно соотнесены с ключевыми материалами выпуска. Со временем, когда на обложке станут размещать анонсы центральных публикаций номера, редакция будет тщательно следить, чтобы они не разрушали художественной выразительности фотографий. Благодаря участию в издании таких фотокорреспондентов, как спецкор ИТАР ТАСС Олег Сизов, Валерий Безугольников, иллюстрации «Соловьиной провинции» рассказывали о происходящем не менее емко, чем текстовые материалы. А вскоре (с 10 номера) важное место в структуре издания займет рубрика «Ваш фотоальбом», где для курян печатались открытки с видами Курска, из которых в перспективе постоянные читатели

могли составить подборку самых красивых пейзажей области.

Но очевиднее всего притязания на то, чтобы стать качественным изданием, удовлетворяющим широкие интересы «среднего класса» отражает структура журнала, в которой преобладают разделы, предполагающие фактологичность, злободневность, экспертный характер суждений, острую публицистичность, плюрализм оценок.

Основные рубрики «Соловьиной провинции»: **Хроника событий недели** («Недельные были и небыли», «Что власть на неделе заботило?», «Дело было на неделе», «Что власть на неделе делала?»); **Площадь гласности** (Проблема, Горячая тема); **Краеведение** («Вглядываясь в темь веков»), **Общество**; **Исторический календарь** («Листая календарь», «Арткалендарь»); **Золотое перо**; **Проблема**; **Из первых уст** (Личный взгляд, Гость номера); **Курск литературный**; **Эхо событий**; **TV-анонсы и TV-программа**; **Афиша** («Стоит посмотреть?!»); **Гороскоп**; **Нравы**; **Это интересно** («Самое! Самое!»); **Для тех, кому сотки не в тягость** («Садик»); **«Русская кухня»**; **Зверье мое** («Зверинец»); **Юмор** («В час досуга», «Большой недельный кроссворд», «Веселая минутка», «Старые комиксы»), **Спорт и др.**

Даже на первый взгляд заметно, что, несмотря на наличие развлекательного контента, главная цель журнала не релакс, а информирование и анализ, комментирование событий, акцентирование внимания на проблемных ситуациях, столкновение политических позиций.

Открывает журнал рубрика «Дело было на неделе», в которой приводятся и комментируются нормативно-правовые акты областных и городских властей. Информация об официальных постановлениях сопровождается развернутыми комментариями, разбором целесообразности и эффективности, плюсов и минусов предпринятых шагов, детально показывающим, как выполнение принятых решений отразится на жизни и интересах всех слоев населения.

Часть материалов этого раздела размещена под подзаголовком «Площадь гласности», что еще раз подчеркивает экспертно-аналитический уклон официальной хроники. Эти заметки ориентированы на ту часть аудитории, которой не просто интересно узнать, что происходит в области, но и важно понять, как это отразится на их жизни, работе, городском быте и т.д. Таким образом, «СП» пыталась удовлетворять не только чисто информа-

ционные, но и более сложные социальные запросы. Журнал дает многоплановые, в том числе и критические оценки принимаемых решений, что на фоне растущей лояльности местных СМИ по отношению к органам власти всех уровней, было проявлением четкой гражданской позиции. Заметим, что к ангажированно-оппозиционным изданиям «Соловьиную провинцию» отнести нельзя. Речь скорее идет о сохранении верности стандартам качественной аналитической прессы.

За относительно короткий период существования журнал успел разместить добротные проблемно-аналитические статьи на актуальные темы как регионального, так и общенационального уровня, предлагая подчас весьма эмоциональный взгляд на освещаемую проблему. Таковы, к примеру, публикации, анализировавшие роль «молчаливого большинства», «среднего человека» в экономических и политических проблемах 1990-2000-х годов (Светлана Бабаева «Идеология простейших», Евгений Ясин «Оппортунисты не готовы платить» и др.) или публицистические обозрения о причинах ухудшающейся демографии. В монокультурном регионе, с традиционно неоднозначным отношением к «понаехавшим», знакомство с точкой зрения Виктора Переведенцева («Мир въезжающему», «Беглые песни о главном», «СП», 2006, № 9), который убедительно доказывал, что труд – главный дефицит в экономике страны, и проблему эту пока можно разрешать за счет трудовой миграции, было, конечно, важным.

Иногда такие полемически заостренные оценки привязаны к событию недели, как, к примеру, комментарий ухода генерального прокурора РФ Владимира Устинова (В. Волчкова «Но обещал вернуться?», «СП», 2006 № 8).

Стараясь удерживать высокий уровень публицистики, «СП» активно сотрудничает с авторитетными публицистами федеральных изданий: перепечатывает резонансные материалы, берет интервью специально для своего журнала, развивает рубрику «Золотое перо» (Андрей Коломийцев «Мы все – меньшинство»; Леонид Млечин «Октябрьский позор Москвы»; Александр Яковлев «Человек попадает в систему и становится дураком»; Борис Васильев «Слуга помыкает хозяину»; Тофик Шахвердиев «Охмырение» и др.). Постоянным автором «Золотого пера» был Леонид Жуховицкий («Пророк на балу у сатаны», «Аура Волошина»). Чаще всего «Соловьиная провинция» использовала публикации изданий

«Большая политика», «Московские новости», «Новое время», «Профиль» и др.

В журнале чувствуется последовательная приверженность к проблематике и интонациям публицистики перестроечного периода. Это проявляется в пристальном внимании к вопросам исторического прошлого, настойчиво звучащих требованиях объективного освещения драматических периодов истории. Статьи Александра Водолазова «Две войны, две победы» (№8-9), Михаила Поликарпова «Ржавые мифы» (№8-9) – это размышления о недопустимости мифологизации событий 1941-1945 гг., в то время как «общество нуждается в том, чтобы, отбросив «урапатриотизм», назвать вещи своими именами, разобраться в той войне, создав некую новую каноническую – но объективную ее версию» («СП», № 9, 2006).

Отдельные тезисы публикаций таких исторических исследований весьма полемичны, а то провокативны. Так, М. Поликарпов довольно резко судит о том, что часть ветеранов Великой Отечественной войны обладают этим статусом не вполне заслуженно «ветеранами (а то и участниками) числятся и те, кто сидел «на передовой» в благословенных Ташкенте, Алма-Ате, Казани, штабисты, бесчисленная обслуга – те, кто командовал заградотрядами» («СП», № 9, 2006). Но при всей спорности отдельных публикаций, попытка журнала шире развернуть социальную полемику в отношении истории была оправдана уже тем, что возвращала дискуссионность в региональную журналистику. Столь же важны были призывы к объективному осмыслению проблем, с которыми сталкивалась страна, надежда на то, что удастся удержаться от возвращения к чрезмерной идеологизации истории, мифотворчества вокруг национально значимых событий.

Еще один блок публикаций журнала идейно, эмоционально и стилистически связан с проблематикой публицистов-интеллектуалов 1985-1991 годов. Это статьи о демократических ценностях, личной ответственности за «образ времени». Таковы интервью с Виталием Гинзбургом с говорящим заголовком «Демократия – это образ мыслей» или работа Бориса Васильева «Слуга помыкает хозяину». Рассчитанные на интеллектуального, думающего читателя, такие публикации задавали дискуссионные линии, которые в целом были не характерны для курской прессы.

Следуя традициям региональной журналистики, серьезное внимание «СП» уделяет краеведческой проблематике. Рубрики «Твор-

чество земляков», «Ваш фотоальбом», «От Руси Киевской до Руси Московской», «Несуетные мысли» (№ 9, 2006) так или иначе затрагивали вопросы прошлого страны и края. Особо следует выделить публикации Иды Татарской, которая вела несколько краеведческих рубрик («Позвольте напомнить!», «Временник», «Арткалендарь», «Знай наших, курских!»). Каждый из ее авторских разделов – это своего рода локомотив читательских интересов, настолько силен и заразителен был просветительский пафос ее материалов. Заголовков одной из ее статей «Жить в провинции и не быть провинциалом...» отражал ее жизненное и творческое кредо, которое она адресует и аудитории «Соловьиной провинции».

Примечательно, что диапазон краеведческих разысканий широк не только с проблемно-тематической точки зрения. Среди материалов по местной истории есть как добротные научно-популярные краеведческие очерки Владимира Степанова, Николая Пахомова, Иды Татарской, так и исторические курьезы, байки и анекдоты, «занимательные» истории («Бдения курских уфологов», «Инопланетяне воруют курский чернозем», № 11, 2006). Подобное сочетание профессионального и любительского краеведения так же отражает тяготение к типу универсального издания.

Журнал явно стремился стать площадкой координации интеллектуально-творческих ресурсов региона. «Соловьиная провинция» активно привлекает к сотрудничеству курских писателей, от номера к номеру расширяя круг имен авторов (И. Зарецкий, В. Васильев, В. Латышев, В. Воробьев, П. Еркини др.). Время от времени предлагает оценить дебютные размышления на актуальные темы начинающих журналистов (Н. Левкова «Когда диплом в кармане»; Е. Иванишина «Маленьких принцев должно быть больше» и др.).

В духе перестроечной публицистики образца 1985-1990-х годов «СП» предпринимает попытки возродить общественные дебаты, активизировать и оптимизировать общественный диалог, сделать его максимально конструктивным, неформальным и вовлечь в обсуждение «горячих тем» местную интеллектуальную элиту и «обычных» читателей.

Установка на диалогичность прослеживается в большинстве публикаций. Типичная ситуация, когда та или иная проблемно-дискуссионная публикация заканчивалась прямым приглашением к обсуждению. Критический обзор системы «приема граждан первым лицом города» Е. Зинченко подытоживал вопрос, обращенный к аудитории журнала:

«Почему обсуждение программы развития Курска закончилось пшиком?.. Есть что сказать? Приглашаем к разговору!» (№ 1, 2006). Сходный мотив важности диалога поколений и звучит в эссе Ирины Чучеровой «Открытые письма потомкам». Отклики, комментарии, предложения активных читателей, в свою очередь, выставлялись на общественное обсуждение. В пятом номере за 2006 год под подзаголовком «Вношу предложение» опубликована очень эмоциональная статья Василия Воробьева, энергично продвигающего идею «Поставить памятник курскому соловью!».

История издания интересна и тем, что «Соловьиная провинция» претендовала на то, чтобы составлять равноправную общественно-политическую оппозицию государственным СМИ. Журналом руководит человек, полтора десятилетия возглавлявший официальное издание, и скорый и явный переход к тотальной критике был бы странен, и, вероятно, вызвал бы неоднозначную реакцию аудитории, которая частично перешла вслед за ним из городской газеты, поэтому ни явной политической пристрастности, ни открытой тенденциозности оценок в журнале нет, но тем не менее мнение о необходимости более критичного отношения к некоторым явлениям звучит в журнале регулярно. Чаще это выступления, затрагивавшие системные вопросы социально-политического устройства, такие, как перепечатка из «Нового времени» беседы Наира Овсепян с Георгием Сатаровым («Болезнь бюрократии», № 10, 2006) или «Накопление крика» Ильи Мильштейна (№ 7, 2006). Где, к примеру, центральная тема интервью Г. Сатарева – противостояние гражданской и силовой бюрократии, ее коррумпированность в целом.

Но время от времени и о положении на местах «Соловьиная провинция» пишет в памфлетных интонациях. Центральным материалом четвертого номера стала статья о многомиллионных потерях городского бюджета, вызвавшая большой резонанс.

Яркой отличительной чертой рассматриваемого журнала стали юмористические разделы. В то время как социально-политическая сатира, требовавшая недюжинного таланта, постепенно утрачивала свои позиции в региональной периодике, в «Соловьиной провинции» подзабытые фельетоны и памфлеты, сатирические зарисовки получали новое дыхание. Причем, как и в других разделах, в сатирическом органично сочетаются разноуровневые материалы: юмористические

зарисовки о житейских курьёзах, исторические анекдоты, нравственно-политические фельетоны и др. И уж совсем необычным для курской прессы было то, что «СП» регулярно печатала карикатуры («Как после «Гаврилиады» Пушкина можно удивляться «Коду да Винчи?» № 9, 2006); «Новый тур карикатур» № 10, 2006 и др.).

Но в целом преобладает политическая сатира, темы которой весьма серьезны. Фельетон «Охмырение» комментировал активные поиски «национальной идеи». Выводы автора полны идейных отсылок к традициям сатиры М. Салтыкова-Щедрина. «Национальная идея пропитала сознание всех слоев населения и легко распространилась по стране. Ясная, всепобеждающая идея: урвать денег где можно, сколько можно – побыстрее!». Еще прямолинейнее о вневременном характере оценок российских реалий в творчестве Салтыкова-Щедрина скажет Павел Зуев в статье «Генералы и скандалы», зло и беспощадно рассуждая о казарменных методах руководства, стремлении отдельных губернаторов-генералов «подраспלאцдармить и длань свою над каким-нибудь штатским регионом распростереть». Столь же серьезна проблематика статьи З. Зиника, размещенная в разделе «Юмор» о повсеместном сносе памятников.

В условиях борьбы за читателя «СП» предлагала материалы, рассчитанные на широкие массы. Таковы развлекательные разделы «Юмор», «В час досуга», «Это интересно», «Гороскоп». Кроме того, она берет на себя функции полезного культурного и телегида, вводя анонсы передач ТВ и афишу мероприятий на различных концертно-театральных площадках области.

Как справедливо указывает В.П. Мингинос, ориентация на стандарты качественного издания может проявляться в том, что общественно-политическое издание «неохотно представляют свои площади для PR-информации даже крупных коммерческих компаний» [2]. Подмеченная особенность характерна и для «Соловьиной провинции»: в журнале очень мало рекламных материалов и статей, которые можно было бы расценить как пример скрытого продвижения. Возможно, что недооценка экономических механизмов во многом предрешила судьбу журнала на местном информационном рынке.

Типологические характеристики «Соловьиной провинции» достаточно неопреде-

ленные, размытые. По одним признакам – оперативность, тип информации, объем, дизайн – издание сближалось с газетой, по другим – анализ закономерностей и тенденций развития региона и страны, глубина анализа проблем – соответствует формату информационно-аналитического журнала. Но именно поиски типологической идентичности, попытки реализовать в непростых политико-экономических условиях модель качественно-массового журнала делают историю издания особенно интересной. Как, впрочем, и последовательная установка на интеллектуализацию аудитории, поддержание и развитие политической культуры читателей. В 2006 году в региональной прессе сохранялся очевидный дефицит плюрализма мнений, и опыт «Соловьинной провинции», ориентированной на самостоятельное, независимое осмысление социально-

политических проблем, значим и с этой точки зрения.

Список литературы и источников:

1. Вырковский А.В. Тенденции развития рынка еженедельных журналов // Вестн. Моск. ун-та. сер. 10. Журналистика. – 2010. – № 6. – С.170-177.
2. Мингинос В.П. Характеристика общественно-политической прессы как типа издания, повествующего об экономике // Современная филология: материалы III Междунар. науч. конф. (г. Уфа, июнь 2014 г.). – Уфа: Лето, 2014. – С.139-143. [Электронный ресурс]. – URL: <https://moluch.ru/conf/phil/archive/108/5823/> (дата обращения: 22.05.2020г.).
3. Соловьинная провинция. Курский еженедельный журнал. Архив номеров.2006 г.

D.V. Silakova, Candidate of Science, Docent, Kursk State University (Kursk), (e-mail: dinasilak@mail.ru)

«SOLOVINAYA PROVINCIA» AS A JOURNAL EXPERIMENT

The article reviews history and structural-substantive features of the Kursk weekly socio-political magazine «Solovinaya Provincia». The article explores causes of typological uncertainty and evaluates magazine's role in the information space of the Kursk region.

Keywords: *periodical press, Kursk region, weekly magazine, «Solovinaya Provincia».*

УДК 281.93:271-055.2(091)(470.323)"1942/1950"

Е.И. Емельянова, канд. ист. наук, архивист историко-церковного кабинета Курского Свято-Троицкого женского монастыря (Курск), (e-mail: elenakursk@yandex.ru)

К ИСТОРИИ КУРСКОГО СВЯТО-ТРОИЦКОГО ЖЕНСКОГО МОНАСТЫРЯ: 1942 – 1950 гг.

В статье рассматривается история монастыря в период Великой Отечественной войны и до закрытия обители в 1950 году в контексте государственной политики Советского правительства в отношении Русской православной церкви. В научный оборот впервые вводятся документы Государственного архива Курской области по данной тематике.

Ключевые слова: Свято-Троицкий монастырь, Русская православная церковь, верующие, община, монахини, уполномоченный, совет, война.

Прежде чем приступить к рассмотрению истории Курского Свято-Троицкого женского монастыря следует охарактеризовать положение Церкви в СССР в исследуемый период. Как отмечает Т. А. Чумаченко: «К концу 30-х гг. отношения между советским государством и РПЦ достигли той критической точки, за пределами которой само понятие «отношения» лишалось содержания – Православная Церковь в СССР как социальный институт стояла на пороге полного уничтожения» [20]. Великая Отечественная война, став испытанием для всего русского народа, привела к возрождению церковной жизни в Советском Союзе. Руководствуясь целым рядом причин, как во внешнеполитической сфере, так и во внутренней жизни страны, И. В. Сталин пошел на значительные уступки Русской православной церкви [13, с. 211-220]. Вместе с тем оставался ряд острых противоречий в законодательной базе, регламентирующей отношения власти и Православной Церкви. Самым главным было параллельное сосуществование правового комплекса, легитимизирующего жизнь Церкви, и антирелигиозного законодательства 1920-30-х гг. [9, с. 53-69].

Условно историю монастыря этого периода можно разделить на три: 1-й: март 1942 г. (открытие монастыря) – 8 февраля 1943 г. (освобождение г. Курска); 2-й: февраль 1943 г. – лето 1947 г.; 3-й: лето 1947 г. – лето 1950 г. (закрытие обители).

По всей стране храмы стали стихийно открываться уже в конце 1941 г. Особая ситуация складывалась на оккупированных территориях, куда вошли г. Курск, Курская область и часть Курской епархии. Здесь стали открываться многие ранее закрытые приходы. Разумеется, делалось это не из любви к христианству. Обнародованные после окончания войны документы вермахта свидетельствуют, что

большая часть открытых церквей подлежала закрытию после окончания войны [13].

Вначале этот процесс открытия проходил независимо от руководства СССР, не имевшего возможности контролировать ситуацию на захваченной фашистами территории. Однако и после освобождения западных регионов страны от оккупантов храмы продолжали действовать. В Курской области были открыты 37 церквей [13]. В г. Курске в период оккупации было открыто 11 православных храмов [1, с. 66]. На начало 1945 г. в Курской области действовали 303 церкви и молитвенных дома (до войны их было всего 3) [13, с. 210].

Особенностью Курской епархии в оккупационный период, по мнению протоиерея о. Владимира (Асеева), было открытие здесь храмов и приходов, относящихся к Обновленческой церкви, автокефальной Украинской православной церкви и Московской патриархии в дополнение к законодательным противоречиям. Кроме того, назначаемые Московской патриархией на Курскую кафедру епископы до г. Курска просто не могли добраться. В оккупационной области немцами было образовано Епархиальное управление. Фактически в оккупационный период открывающимися храмами и приходами руководил протоиерей Иоанн (Коплинский), а после него некоторое время – протоиерей Петр (Костенич) [10].

Документы курского Уполномоченного Совета по делам РПЦ за 1945 г. свидетельствуют, что в период оккупации «монахини вновь организовали Троицкий женский монастырь в Курске» [7. Оп.1. Д.5. Л. 12-об]. В отличие от других церквей, где организаторами их открытия и возобновления служб стали священники, оставшиеся на оккупированной территории и работавшие до этого в различных гражданских учреждениях и организациях [1, с. 66]. Для богослужений была отрыта только часть церкви монастыря. Примечатель-

но, что это произошло 21 марта 1942 г., в день памяти чудотворной иконы Божией Матери «Знамение» Курская Коренная [12, с. 44]. До оккупации церковь была занята Областным Архивом, а жилые дома – Жилуправлением и Курским Обкомом ВКП(б) [2]. В период оккупации здесь также располагался Городской Научно-Исторический Архив [6. Оп.1. Д.47. Л.28].

Управлять монастырем стала игуменья Емилия, в миру Лебедева Екатерина Васильевна, руководившая им с 1909 г. и жившая после ликвидации монастыря в 1923 г. в г. Курске на квартире, предположительно по ул. Володарского [2]. Родилась она в 1862 г. в Москве. В 29 лет по благословению старца Курской Коренной пустыни она поступила послушницей в Курский женский монастырь, где проходила послушания учительницы в монастырской школе, потом казначеи. В 1904 г. приняла монашество с именем Емилия. В 1909 г. Архиепископом Курским Питиримом посвящена в сан игумении [12, с. 35].

С открытием обители она перешла на квартиру в доме около церкви во дворе монастыря и на правах игуменьи стала управлять собравшейся вокруг нее общиной сестер, которые после закрытия монастыря в 1923 г. продолжали жить на разных квартирах в городе. На жизнь каждая зарабатывала как могла: кто-то числился на иждивении или попечении родственников, кто-то получал доход от дома, сдавая комнату в наём, или от земельного надела, некоторые жили милостыней и подаванием, другие работали портнихой, кухаркой, поденной рабочей, чернорабочей, домработницами. Некоторые были репрессированы, сосланы в лагеря, но вернулись [8, с. 56]. Небольшая часть из них устроилась на квартирах в ограде монастыря, а большинство продолжало жить на частных квартирах в городе, подчиняясь управлению своей игуменьи и выполняя по ее указанию различные монастырские послушания [2]. После освобождения г. Курска в феврале 1943 г. монастырь продолжал действовать как единственный в Курской епархии.

В послеоккупационный период с 1943 г. к противоречиям в законодательстве добавились противоречия во взаимоотношениях местных, областных, республиканских и союзных властей, в итоге негативно отразившихся на существовании монастырей в СССР 1943-1953 гг. Несмотря на то, что в октябре 1943 г. был образован специальный орган – Совет по делам РПЦ при Совнарком СССР для координации связей между руководством страны и

Московской патриархией и для реализации церковной политики государства [13, с. 219].

В 1943-1953 гг. местные органы власти стремились к устранению количества монастырей в своих областях, придерживаясь политики «в Советском Союзе должно было быть как можно меньше монастырей», при одобрении на уровне высших государственных органов. Надо отметить, что в первые послевоенные годы Совет по делам РПЦ распространял инструкции, согласно которым уполномоченные в регионах должны были обращать внимание на хозяйственное и материальное положение, но не закрывать монастыри и не преследовать монашествующих [15].

В Курской епархии после освобождения области стабилизировалась ситуация с назначением епископов: по очереди кафедру возглавляли архиепископы Питирим (Свиридов), Алексей (Сергеев), епископ Нестор (Сидорук) [17]. Уполномоченными совета по Курской области в этот период были В.Н. Ефремов, П.Л. Володин. Надо отдать им должное: они не позволяли себе грубых и незаконных действий по отношению к православным объединениям и не отнимали храм, если приход был достаточно большой [13, с. 218].

На освобожденной территории СССР храмы и монастыри стали официально открываться с 1943 г. В первую очередь, был урегулирован вопрос с порядком открытия и функционирования православных храмов и молитвенных домов [16]. Обязательными условиями для открытия и регистрации храма являлись наличие группы верующих не менее 20 человек, наличие культового здания или молитвенного дома и священника. Решение открыть храм или отказать верующим в их ходатайстве принадлежало обл(край)исполкомам и СНК союзных республик. Потом решение областных и республиканских органов через Совет по делам РПЦ передавалось на утверждение в правительство [20].

Исполком Курского Облсовета депутатов в феврале 1944 г. распространил Инструктивное письмо «во избежание ошибок и нарушений Законов и Постановлений Правительства СССР, относящихся к русской православной церкви» с пометкой, что духовенство и верующие не должны быть с ним ознакомлены. В нем разъяснялось, что разрешение об открытии церкви не выдается до окончательного разрешения, одобренного Правительством СССР, религиозная община не может быть организована, если нет культового помещения. Культовое здание (церковь), после

окончательного решения об открытии, в каждом отдельном случае передается верующим по договору в бесплатное и бессрочное пользование (взыскиваются лишь налоги за строение, рента и страхование). Никакой особой компенсации за передачу здания (в виде каких бы то ни было отработок или выплаты налогов за период, когда церковь была закрыта) с верующих не взимается. Приобретать в собственность какое-либо имущество религиозные организации не могли, так как они не обладали правом юридического лица» [7. Оп. 1. Д. 2. Л. 1.]

По сути, в послеоккупационный период и до 1947 г. существовала Свято-Троицкая церковь в бывшем женском монастыре г. Курска, в церковную общину которой вошли монахини и послушницы обители, зарегистрированная в июне 1944 г. в количестве двадцати человек [7. Оп.4. Д. 35. Л. 3-3об.]. Это были бывшие насельницы обители, в большинстве проживающие на тот момент на территории монастыря. Зарегистрирован церковный Совет и ревизионная комиссия (по три человека) [7. Оп.4. Д. 35. Л. 1-1об.]. Создана община верующих, куда вошли 287 человек [5.Оп.1.Д.67.Л.33-33об.]. По факту деятельность общины регулировалась до 1947 г. документами об открытии и деятельности приходов. С 1947 г., когда был принят Устав монастыря – правовой базой о монастырях.

С началом Великой Отечественной войны Московская патриархия развернула широкую патриотическую работу: послания, обращения иерархов РПЦ с призывами к борьбе против фашизма, сбор средств в Фонд Оборона, помощь госпиталям, детским домам, семьям погибших бойцов Красной Армии [20]. В Курской епархии: служили молебны о даровании победы русскому оружию, был создан епархиальный комитет помощи раненым, собирались средства в помощь Красной Армии и на нужды обороны [17]. По Курскому округу г. Курска было собрано 100658 руб. [7]. Курский Свято-Троицкий женский монастырь сдал за несколько месяцев 1944 г. 70 тысяч рублей [21, с.9].

1 декабря 1944 г. Совнарком принял постановление «О порядке открытия церквей и молитвенных зданий на территории, освобожденной от немецкой оккупации», согласно которому, регистрация церковного общества допускалась лишь при наличии здания для молитвенных целей. Это позволило 23 февраля 1945 заключить договор между религиозной общиной при Свято-Троицкой церкви в бывшем женском монастыре и Исполнительным

комитетом Сталинского райсовета депутатов трудящихся на бессрочное бесплатное пользование одноэтажным каменным зданием со сторожкой под храмом и богослужебными предметами по особой описи на условиях, закрепленных в этом же документе. По договору члены общины были обязаны беречь переданное им церковное здание и богослужебные предметы, пользоваться ими для удовлетворения религиозных потребностей, из своих средств производить оплату всех текущих расходов по содержанию церковного здания и сторожки, беспрепятственно допускать во внеслужебное время представителей власти для проверки и осмотра имущества. Все монахини и послушницы были зарегистрированы по монастырю как члены монастырского коллектива [7. Оп.4. Д. 35. Л. 5-5об.]. Официальное название храма в этот период: Свято-Троицкая церковь (в бывшем женском монастыре, ул. М. Горького №13), фактически это только правый придел Новодворской церкви с подвальным помещением под ним (сторожкой) и сараем для дров [7. Оп.4. Д. 35. Л. 5].

В течение 1945-1946 гг. был принят ряд документов, регламентирующих деятельность Церкви и монастырей и их положение в системе государственно-церковных отношений [9, 15, 16, 18, 20]. В них закреплялось руководство монастырской жизнью на основе Устава, утвержденного Святейшим Патриархом; монастыри получали право юридического лица, что позволяло им открывать банковские счета, заводить мастерские, покупать дома для церковных целей и транспортные средства, нанимать рабочую силу. Закрепление за монастырями уже используемых ими земельных и приусадебных участков, дополнительное выделение принадлежавшей им ранее земли или свободных площадей из государственного фонда в расчете по 0,15 га на насельника. Государство признало за монастырями право на осуществление любых видов хозяйственной деятельности.

Уполномоченный В.Н. Ефремов в 1945 году в руководящих документах писал: «монастырь ничего монастырского не имеет и существует лишь как организация монашек во главе с игуменией, имеют для молитвы небольшое помещение в здании собора бывшего монастыря, занятого Облархивом и частными жильцами. Занимаются различным личным трудом либо на дому, либо в прислугах у частных лиц, где проживают. Такое существование монастыря следует считать недопустимым, т.к. это является легализацией условного номинального существования монастыря в

такой форме, которую совершенно не знает история православных монастырей. Жизнь монашек среди населения города и в селах области усиливает религиозную пропаганду, поддерживая и подогревая в населении настроение, и без того сильно развитое как в самом городе, так и в области» [7. Оп.1. Д.5 Л. 12-об]. Уполномоченный предлагал решить проблему организации монастыря следующим образом. Архив перевести в свободное помещение бывшего Костела на ул. Марата. «Бывшие монастырские здания, находящиеся на расстоянии 5-10 метров от собора с левой стороны при входе в него, в количестве 6 зданий, не включая углового дома, занятого временно учебно-медицинской школой, следует освободить от немонастырских учреждений и лиц и передать монастырю. Двухэтажное каменное здание, занятое в настоящее время транспортным отделом и общежитием для приезжих Обкома ВКПб, следует освободить в первую очередь. В этом доме можно будет разместить квартиру епископа и епархиальное управление, монастырскую мастерскую. Остальные 5 корпусов и приспособленные помещения под самой церковью освободить от частных посторонних лиц. Тогда все монашки могут разместиться в этих зданиях и устроить монастырскую ограду» [7. Оп.1. Д.5 Л. 12-об]. Жизнь показала, что предложения не были реализованы.

Первые признаки охлаждения государственно-церковных отношений проявились в 1947 г. Партийные органы на местах стали открыто проявлять недовольство и критиковать не только работу уполномоченного Совета, но и всего центрального аппарата. Антирелигиозная работа стало носить антицерковный характер и сопровождалась политическими выпадами против духовенства. Результатом разногласий Совета по делам РПЦ и партии стало закрытие обителей по всей стране [15]. Коснулось это и Курской епархии

В 1947 г. Курский епископ Питирим неоднократно обращался к Патриарху Московскому и всея Руси Алексию по вопросу освобождения и передачи зданий, находящихся «в ограде Курского женского монастыря», в ведение обители. Патриарх Алексей в свою очередь – к Совету по делам РПЦ было принято положительное решение. Однако женский монастырь оставался в прежнем положении: здания на монастырской усадьбе не освобождались, как и церковь, из-за неимения помещения для Облархива. Освобождаемые же помещения в корпусах, намеченных к

передаче монастырю, занимались посторонними жильцами [7. Оп. 1.Д. 15.Л. 24, 41].

Ввиду отсутствия монастырского Устава до 1947 г. «в своей жизни монастырь руководствовался случайными указаниями Курского епископа Питирима» [2]. В результате возникло недопонимание между настоятелем Свято-Троицкой церкви и игуменьей по управлению монастырем. Архимандрит Израиль в июне 1947 г. в рапорте владыке Алексию просил: «...определить обязанности мои и игуменнии по управлению церковью женского монастыря, во избежание могущих быть потом недоразумений на этой почве» [2]. На что был получен ответ, что в этом вопросе он должен руководствоваться Уставом монастыря.

Проект Монастырского Устава был представлен Московскому патриарху на благоусмотрение и утвержден летом 1947 г. [2]. В нашем распоряжении есть только его проект, согласно которому права монастырской общины при церкви определялись общим положением о Церковных общинах, на основе Декрета Советской Власти об отделении Церкви от Государства. Община имела штамп и печать со своим наименованием. В монастырь принимались лица православного исповедания не моложе 18 лет. Насельницы монастыря разделялись на: мантийных монахинь, рясофорных инокинь и послушниц. Каждый член монастырской общины имел право выйти из состава ее, заявив об этом настоятельнице. Настоятельница монастыря избиралась пожизненно из членов монастыря общим собранием в присутствии Уполномоченного от Епархиального Архиерея, и утверждалась Епархиальным Архиереем, который сообщал об этом в Патриархию. Настоятельница являлась главным представителем общины в ее сношениях с различными правительственными учреждениями гражданской и церковной власти. При церкви имелся священник, диакон; обязанности псаломщика исполняли монахини. Священнослужители назначались Епархиальным Архиереем. Монастырская община в экономической жизни могла брать в пользование земельные участки для посевов или посадки огородов личными трудами для своих нужд и для нужд государства. Члены общины, которые не могли работать на огороде или земельном участке, работали в монастыре по шитью и починке белья, вязанию носков, рукавиц, перчаток и проч. нужд в интересах государства и для своих личных потребностей. При Монастыре можно было открывать мастерские по изготовлению предметов религиозного культа: шитье облачений, воздухов, покрывал, пере-

плет книг и прочее. Денежные и имущественные средства образовывались из добровольных пожертвований; кружечных сборов в храме; доходов от изделий общины и посевов огородных овощей, садовых фруктов и прочего. Церковная жизнь монастырской общины в основном определялась Церковным законом, утвержденным поместным Московским Собором 1945 года 31-го января и инструкцией по ведению Церковного хозяйства от Патриархии [2].

В Свято-Троицком монастыре происходят выборы новой игуменьи ввиду того, что 27 марта 1947 после продолжительной болезни в возрасте 85 лет скончалась игуменья Емилия. В этот же день было совершено отпевание в монастырской церкви собором из пяти протоиереев при двух протодиаконах в присутствии всех сестер монастыря и многочисленных ее почитателей из города. Погребена была матушка на Курском Никитском кладбище [2]. 8 июня 1947 г. Указом Святейшего Патриарха Алексия I (Симанского) новой игуменей была назначена монахиня Агния. В миру Меленина Анна Семеновна, 1870 года рождения из с. Вышний Реутец Реутчанской волости Обоянского уезда Курской губернии, которая поступила в монастырь еще в 5-летнем возрасте вместе со своею матерью. В 1912 г. приняла монашество с именем Агния. В разное время проходила послушания на клиросе и казначей. После закрытия монастыря в 1923 г. жила в деревне у родственников, потом вернулась в г. Курск. С открытием обители в 1942 г. вошла в число монастырской общины и несла послушание регента и уставщицы [12, с. 43].

В монастыре по-прежнему проходили постриги в монашество, к настоятельнице обители приходили прошения о принятии в монастырь. Так, в 1948 г. в мантию были пострижены десять послушниц обители и удовлетворены два прошения о принятии в монастырь [7. Оп.4. Д. 35. Л. 37].

В 1947 г. официальное название обители – «Курский Свято-Троицкий женский монастырь (своекоштный)», согласно Устава. В монастыре числились 155 насельниц. Из них 49 жили на территории монастыря, 106 на квартирах в г. Курске или у родственников в Курской области – все в прошлом насельницы этой обители. Один корпус был построен. Два больших каменных дома были заняты отделом кадров и орготделом обкома ВКП (б), большая часть помещения церкви занимал Областной архив. Храмовый комплекс включал в себя три церкви – две холодных (Смоленская и Троицкая) и одна теплая (Новодворская). Размер

комплекса – 1591 кв.м. В пользовании монастыря находился только придел Новодворской церкви, размеров в 88,44 кв.м., а остальное помещение занимал Архив. Монашествующие, 43 человека, вместе с другими жильцами, 53 человека, жили в 9 корпусах; находящихся в ведении Райжилуправления. Три сестры жили в бывшей церковной сторожке и три насельницы в подвальном помещении под церковью [2].

К 1949 г. все жилые дома находились в ведении Райжилуправления Сталинского Райсовета г. Курска и использовались, как жилищный фонд. Проживающие при монастыре сестры жили на общих основаниях квартиросъемщиков, в деревянных домах, и занимали 18 небольших комнат общей площадью 147 кв. м., выплачивая Райжилуправлению квартирно-арендную плату. Специально отведенных домов или квартир для них не было, жили во всех домах, где кто сумел занять, или получить комнату. Игуменья также не имела своей комнаты, а жила совместно с монахиней, которая работала дворником в Райжилуправлении и за это получила жилплощадь. Два больших каменных дома занимал Обкомом ВКП(б). В одном из них были расположены Финсекторы, Партколлегия, во втором было оборудовано общежитие для приезжавших, в остальных домах жили «прочие жильцы». Монастырю была передана только 1/6 часть общей площади церкви (78 кв. метров), а 5/6 занимал МВД, где размещался Областной архив [2].

Монастырь являлся «своекоштным» т.е. каждая из монашествующих должна была изыскивать самостоятельно средства к существованию [11]. Источником их заработка служили оплата за участие в хоре церкви, за уборку и обслуживание церкви; работали дворниками и рассыльными в учреждениях; получали выплаты как пенсионерки труда; случайные заработки от пошива одеял, вязания чулок, варежек, вышивания и пр. Нетрудоспособные монахини жили на иждивении сестер обители, а живущие в селах на иждивении родственников [7. Оп.1. Д.5 Л. 33-40]. Трапезы общей не было. Коллективного трудопроизводства при монастыре не было из-за отсутствия помещения, оборудования, инвентаря для мастерской и прочего. Натуралог не взимался, как не взимался с прочих лиц, имеющих индивидуальные огороды. Основным доходом монастыря являлся доход от церкви и церковно-кружечного сбора.

Для сестер, проживающих на территории монастыря, Горсоветом по ходатайству

Архиепископа Курского и Белгородского Алексия в 1947 г. был отведен участок под огороды, в количестве двух гектаров, который ими обрабатывался. Транспортных средств, скота, птицы, сельскохозяйственного инвентаря в монастыре не было. Обработка земли проводилась с помощью Епархиального управления, которое еще помогало семенами и вспашкой земли. Сажали в основном картофель, а так же свеклу, морковь и другие овощи. Обрабатывали огород сестры самостоятельно. Собранный урожай распределяли между всеми насельницами поровну. Получали и те сестры, которые по состоянию здоровья не могли работать [7. Оп.1. Д. 25 Л. 33-40].

Руководство монастыря мало обращалось к Уполномоченному по тем или иным вопросам, единственная их просьба была – выделить несколько деревянных домов с тем, чтобы объединить всех монашествующих, проживающих на территории монастыря вместе, т.к. «живя совместно с прочими жильцами им, иногда приходится выслушивать нежелательные споры, брань. Живя же отдельно от жильцов, они смогут совершать необходимые требы, также коллективно работать» [7. Оп.1. Д. 25 Л. 33-40].

Уполномоченный считал, что «если бы не столь напряженный жилищный вопрос в Курске, данную просьбу следовало бы удовлетворить, т.к. это, кроме положительного для окружающих жильцов ничего не дало. Проживание прочих жильцов совместно с монашествующими, и слыша их постоянное нашептывание молитв, несомненно имеет свое влияние на окружающих, особенно женщин и детей. Но вопрос об освобождении монастырских зданий при квартирном кризисе в г. Курске разрешить не представляется возможным. Жильцов, проживающих в указанных домах, без предоставления квартир выселить нельзя. Обком ВКП (б) также не может освободить помещение из-за отсутствия другого. Оставляя монастырь в таком положении как он есть, при его особенностях «своекоштный», он будет существовать пока будут живы работоспособные старухи монашки, а при выбытии их, монастырь условий существования иметь не будет». Посещаемость монастырской церкви, по сведениям Уполномоченного была крайне ограниченная, из-за малой площади, включая алтарь около 75 кв.метров. Посещение было в большинстве старухами [7. Оп.1. Д. 25 Л. 33-40]. Однако, «...при проведении пасхальной службы 1 мая 1948 г. в 23-24 часа ... в женском монастыре – 350-400 чел.», что достаточно много [7. Оп. 1. Д. 20.Л.30].

Русская Православная Церковь начинает активную работу по реставрации возвращенных ей храмов. За 1949-1957 гг. Московской Патриархией на восстановление и ремонт храмов и монастырей и на выдачу пособий епархиям было израсходовано 25151350 руб. [19, с. 78]. Между Управлением по делам архитектуры при Совете Министров Курского областного Совета депутатов трудящихся и религиозной общиной Свято-Троицкой церкви заключается охранный договор 28 апреля 1948 г. на передачу памятника архитектуры – церкви в храме Троицкого женского монастыря, состоящего на государственной охране, в пользование прихода Курского Троицкого женского монастыря. Судя по Акту технического осмотра памятника, к нему была отнесена территория Троицкого храма и южный придел Новодворского храма. В бесплатное пользование передавались только помещения памятника, предназначенные для совершения богослужений, и сторожка. С общиной заключался «охранно-арендный» договор с взиманием арендной платы в установленном порядке [7. Оп.4. Д. 35. Л. 15].

Закреплялись особые условия использования памятника. Здание могло быть использовано только для исполнения богослужений с соблюдением особых условий: разрешается проживание лиц, принадлежащих к религиозной общине в сторожках, выполнение правил «Технические инструкции по эксплуатации памятников архитектуры, состоящих на государственной охране». В пользование религиозной общине передавалась только церковь в правом приделе исторического Новодворского храма. Общее состояние церкви (правого придела) оценивалось как удовлетворительное, внутренних и внешних частей – либо хорошее, либо удовлетворительное. В целях сохранения памятника и создания нормальных условий для его использования «Арендатор» (религиозная община) обязан был провести текущий ремонт до 1 октября 1948 г., а капитальный в течение 1948-1952 гг. [7. Оп.4. Д. 35. Л. 37]. Стоял вопрос о реставрации главного монастырского Свято-Троицкого храма, отнесенного к ценным памятникам Архитектуры по Курску и Курской области, причем в случае реставрации оба придела к храму – правый и левый, как позднейшие пристройки, должны быть убраны. На реставрацию основного храма требовалась значительная сумма. Епархия полагала, что «община при Свято-Троицком храме вместе с входящим в нее монастырским коллективом не останутся в стороне от намеченного дела

реставрации основного монастырского храма и с радостью примут участие в этом деле своими средствами» [2]. Несмотря на то, что игуменья Агния с сестрами обращалась к Благочинному церковей г. Курска протоиереем Николаю Концевичу: «Имеем долг донести Вам о ремонте нашего храма. Всего на 16153 р., но на такой ремонт мы средств не имеем готовых, а располагаем на текущие церковные доходы» [2]. Таким образом монастырь был поставлен в крайне стеснённое финансовое положение как государственной властью, так епархиальным управлением.

Кроме того встал вопрос о перерегистрации храма не как монастырского, а как приходского, опять же с согласия Курского епископа Нестора. К 1949 г. по мнению Уполномоченного Курский женский монастырь мало чем отличался от прочих приходов церкви: «По существу такого, строго монастырского здесь нет, единственное, что объединяет монашествующих старух – это общая молитва и устав монастыря. Другого ничего нет». По годовому отчету за 1948 г., из 324-х церковей Курской епархии «одна Церковь значится, как монастырская, как Церковь Курского Свято-Троицкого женского монастыря. Наш Женский монастырь в настоящее время на территории старого Женского монастыря пользуется лишь правым приделом Церкви этого монастыря. Никаких других зданий на этой территории в распоряжении Женского монастыря в настоящее время не имеется. Сама игуменья монастыря Агния живет в одной из бывших келий при храме на положении квартирантки у своей послушницы, которая пользуется занимаемой ею комнатой по гражданской своей должности дворника от местного Управдома. Все монахини и послушницы, зарегистрированные по монастырю, как члены монастырского коллектива, рассеяны по всему г. Курску по частным квартирам, занимаются каждая своим мирским делом и объединяются около своей игуменьи лишь в своем храме за церковной молитвой» [7. Оп.1. Д. 25 Л. 33-40]. Благочинный Церковей г. Курска протоиерей Н. Концевич поддерживал мнение Уполномоченного: «Как и все храмы, храм Свято-Троицкого женского монастыря живет и действует на основании Положения об Управлении Русской Православной Церкви, имеет свой выборный и зарегистрированный в общем порядке исполнительный орган. Словом, особых специфических черт, которые бы выделяли этот храм из ряда прочих храмов Епархии, как монастырский, в нем нет. Поэтому правильнее было бы нынешний монастырский храм, не касаясь внутренней

жизни монастырского коллектива под руководством игуменьи, числить по регистрации не как монастырский, а как приходской храм» [2].

В результате 25 августа 1949 г. Свято-Троицкий женский монастырь был снят с регистрации у Уполномоченного Совета по делам РПЦ, бывшая монастырская Троицкая церковь зарегистрирована как общий приход. Настоятелем храма был назначен протоиерей Сергей Григорьевич Ханов. Была вновь организована община Свято-Троицкой церкви «двадцатка», церковный Совет и ревизионная комиссия остались в прежнем составе [7. Оп.4. Д. 35. Л. 35-36]. В течение лета 1950 г. был принят ряд документов, направленных на закрытие церкви и монастыря. Исполком Курского Облсовета депутатов трудящихся принял решение о немедленном выведении из здания бывшей Троицкой Церкви «действующей в настоящее время» ввиду угрозы с точки зрения пожарной безопасности как для памятника архитектуры, так и для государственных архивных ценностей [7. Оп.4. Д. 40. Л. 23]. Имущество передали в Свято-Троицкий храм на ул. Золотаревской (Нижне-Троицкий храм) (ныне улица Гайдара), плащаницу и иконы в Знаменский собор по распоряжению Епископа Курского и Белгородского Нестора [2]. Отдел Архитектуры при Исполкоме Курского облсовета принял решение, что «дальнейшее пребывание в действующей церкви признано угрожающим с точки зрения пожарной безопасности, как для памятника архитектуры, так и для Государственных архивных ценностей» [7. Оп.4. Д. 41. Л. 7]. Охранный договор между Областным отделом по делам Архитектуры и Церковным советом Троицкой церкви на пользование помещением церкви на основании Решения Исполкома Обласовета депутатов трудящихся был расторгнут. Помещение церкви надлежало освободить к 25 июля 1950 г. [7. Оп.4. Д. 35. Л. 18]. Решением Совета по делам РПЦ здание Троицкой церкви было изъято как памятник архитектуры на основании п.12 охранного договора, гласившего, что «В случае если возникает необходимость освобождения памятника архитектуры ..., когда использование памятника создает угрозу сохранности монументальной живописи и уничтожения памятника архитектуры в целом договор подлежит расторжению» [7. Оп.4. Д. 35. Л. 48]. Большую часть здания к этому времени уже занимал областной архив и только 6% – церковь [7. Оп.4. Д. 40. Л. 28]. Итогом такой интенсивной переписки руководства Курской области с Советом по делам РПЦ стало закрытие и монастыря, и приходской

церкви с согласия епархиального управления, хотя монастырь был единственным в Курской области.

В дальнейшем на территории монастыря в разное время находились архив Октябрьской революции, позже переименованный в ГАКО, Научно-методический центр Управления культуры и библиотека для слепых, другие учреждения [11, с 44]. Насельники монастыря, как и в 1923 г., частично расселились по частным квартирам в г. Курске, небольшая часть остались жить на территории монастыря как квартиросъемщики [3].

Монашеская жизнь на святом древнем месте возобновилась только спустя 44 года, в 1994 г., когда решением Священного Синода Русской Православной Церкви был открыт Курский женский монастырь.

Список литературы и источников:

1. Апанасенко А.В., Пудякова И.С., Апанасенко Е.С. Православная культура курян в зеркале статистики и оценках современников: XX – начало XIX вв. // Провинциальные научные записки. – 2015. – № 1. – С. 64-71.
2. Архив Курского Свято-Троицкого женского монастыря. Папка «Документы по истории монастыря 1923-1950 гг.».
3. Архив Курского Свято-Троицкого женского монастыря. Папка: «Документы по истории монастыря 1923-1950 гг.». Дело: «Воспоминания о насельниках Курского Свято-Троицкого женского монастыря».
4. Государственный архив Курской области (ГАКО). ГАКО. Ф.Р-2642. Управление милиции и уголовного розыска ЦЧО 1919-1933 гг.
5. ГАКО. Ф.Р-323. Курский Губернский отдел управления (ГОУ).
6. ГАКО. Ф.Р-3487. Курская городская управа, ее учреждения и предприятия.
7. ГАКО. Ф. Р-5027. Уполномоченный Совета по делам Русской православной церкви.
8. Емельянова Е.И. Судьбы монахинь Курского Свято-Троицкого женского монастыря накануне Великой Отечественной войны. Семнадцатые Дамиановские чтения: Русская православная церковь и общество в истории России и Курского края: материалы Всероссийской (национальной) научно-практической конференции, проводимой в рамках XVI Международных научно-образовательных знаменских чтений «Наследие Великой Победы: истоки и будущее». –

Курск: Изд-во Курск. гос. с.-х. ак., 2020. – 279 с.

9. Законодательство о религиозных культах: сб. материалов и документов: для служ. пользования. – М., 1971. – С. 53-69.

10. Иерей Владимир (Асеев). «Курская епархия в довоенный, оккупационный и послевоенный периоды» // Устное выступление. Круглый стол «Курская епархия в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.» регионального этапа в рамках Рождественских чтений: «Великая победа: наследие и наследники», 6 ноября 2019 г. г. Курск, Знаменский кафедральный собор [Электронный ресурс]. – URL: <http://kursk-sestry.ru/index.php/template/video/video?start=90> (дата обращения: 15.06.2020 г.)

11. Инокания Илария (Трофимова). Историко-источниковедческая реконструкция утраченных духовных традиций Курского Свято-Троицкого женского монастыря. Рукопись, 2008 г. // Архив Курского Свято-Троицкого женского монастыря. Папка «Статьи о монастыре».

12. Курский Свято-Троицкий женский монастырь в православной истории Курского края: краткая летопись. – Курск: Изд-во «Литера», 2018. – 128 с.

13. Макарова Д. Ю. Русская православная церковь и ее отношения с государством в Курской области в 1943-1953 годах // Вестник Пермского университета. – 2012. – 1 (18). – С. 211-220.

14. Мурзин Е. Русская православная церковь в годы Великой отечественной Войны: к 75-летию контрнаступления под Москвой // Православный портал «Покров» [Электронный ресурс]. – URL: <https://pokrov.pro/russkaya-pravoslavnaya-cerkov-v-gody-velikoj-otechestvennoj-vojny> (дата обращения: 05.07.2020 г.)

15. Платонов С. Монастыри в СССР: экономическое и юридическое положение 1943-1953 годов // Монастырский вестник [Электронный ресурс]. – URL: <https://monasterium.ru> (дата обращения: 05.07.2020 г.)

16. Постановлением СНК СССР от 28 ноября 1943 г. «О порядке открытия церквей» [Электронный ресурс]. – URL: <http://otambove.ru/antiqua/?p=6647> (дата обращения: 03.09.2020 г.)

17. Православная энциклопедия. Курская и Рыльская епархия. Т. XXXIX. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.pravenc.ru/text/2462311.html> (дата обращения: 02.09.2020 г.)

18. Русская Православная Церковь в XX веке / М.В. Шкаровский. – М.: Вече, Лепта, 2010. – 480 с.

19. Федотов А.А. Русская Православная Церковь в 1943-2000 гг.: внутрицерковная жизнь, взаимоотношения с государством и обществом. – Иваново: Ивановский государственный университет, 2005. – 136 с.

20. Чумаченко Т. А. Правовая база государственно-церковных отношений в 1940-

е – первой половине 1960-х годов: содержание, практика применения, эволюция [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovaya-baza-gosudarstvenno-tserkovnyh-otnosheniy-v-1940-e-pervoy-polovine-1960-h-godov-soderzhanie-praktika-primeneniya-evolyutsiya/viewer> (дата обращения: 02.09.2020 г.).

21. Якунин В. Тихие обители // Наука и религия. –1995. – №5. – С. 9-11.

E.I. Yemelyanova, Candidate of Science, archivist of the historical and church office of the Kursk Holy Trinity Monastery (Kursk), (e-mail: elenakursk@yandex.ru)

TOWARDS THE HISTORY OF THE KURSK HOLY TRINITY MONASTERY: 1942 – 1950

The article examines the history of the monastery during the great Patriotic war and before it was closed in 1950 in the context of the state policy of the Soviet government towards the Russian Orthodox Church. For the first time documents of the state archive of the Kursk region on this topic are being introduced into scientific circulation.

Keywords: Holy Trinity Monastery, Russian Orthodox Church, believers, community, nuns, the ombudsman, the council, war.

УДК 378.1

Т.В. Ежова, канд. техн. наук, доцент, ЧОУ ВО «Региональный открытый социальный институт» (Курск), (e-mail: t-ezhova@yandex.ru)

**ИНФОРМАЦИОННАЯ КУЛЬТУРА:
НОВЫЙ ТИП МЫШЛЕНИЯ И ОБЩЕНИЯ ДЛЯ АДАПТАЦИИ ЧЕЛОВЕКА
К СОЦИАЛЬНЫМ РЕАЛИЯМ XXI ВЕКА¹**

В статье рассматривается информационная культура как условие для комфортной адаптации человека к современной информационной среде. Опираясь на европейский и российский опыт, автор демонстрирует, что в настоящее время информационная культура — это новый тип мышления, формирующийся в результате освобождения человека от рутинной информационно-интеллектуальной работы. Кроме того, информационная культура представлена как новый тип общения, дающий возможность свободного выхода каждому члену общества в коммуникативное пространство на всех уровнях — от локального до глобального.

Ключевые слова: информационное общество, информационная культура личности, информационная культура общества, европейский опыт.

На современном этапе развития социума информационная культура становится одним из основных показателей общей культуры личности. Распространение и повышение уровня информационной культуры в обществе является важной задачей и социально-образовательной предпосылкой информатизации общества в целом, а также образования в частности [1].

Информатизация общества оказывает сегодня революционное воздействие на все сферы жизнедеятельности общества, кардинально изменяет условия жизни и деятельности людей, их культуру, стереотип поведения, образ мыслей. Стремительно формирующееся и под влиянием новых технологий коммуникации и цифровизации постоянно трансформирующееся современное информационное общество создаёт новые условия человеческого бытия. Это, безусловно, актуализирует проблему философского осмысления адекватной адаптации человека к современной информационной среде, в которой решающую роль играет информационная культура.

Термин «информационная культура» впервые появился в 70-х годах и поначалу означал культуру рациональной и эффективной организации интеллектуальной деятельности людей в новых условиях. Затрудняет

проблему определения информационной культуры многозначность данного понятия. Информационную культуру можно рассматривать с разных точек зрения и понимать по-разному: как феномен, как часть личностного знания, общей культуры человека; как уровень развития знаний, умений, навыков и т.п.; как область знаний, исследующую некоторые проблемы; как учебную дисциплину.

Содержание, характер, а, следовательно, и понимание информационной культуры меняются на разных этапах жизни общества и зависят от условий и результатов трансформации информационной среды жизнедеятельности.

Научные дискуссии о сущности и содержании понятия «современное общество» не утихают со времен К.А. де Сен-Симона, который впервые в начале XIX века использовал термин «индустриальное общество» для характеристики развитых западных государств. В настоящее время для такой характеристики используется термин «постиндустриальное общество», отражающий динамику в развитии и наступление следующего этапа развития общества.

Процесс осмысления эпохи постиндустриализма во второй половине XX века наиболее интенсивно проходил в США, Япо-

¹ Статья подготовлена в рамках проекта «Формирование информационной культуры студентов: интеграция европейского опыта в российскую действительность» при финансовой поддержке Европейского Союза (Программа ЕС по образованию, профессиональной подготовке, молодежи и спорта ERASMUS+ (направление Jean Monnet Activities, проект №599752-EPP-1-2018-1-RU-EPPJMO-MODULE).

нии и Западной Европе. Сам термин «постиндустриальное общество» получил широкое использование в начале 70-х гг. прошлого столетия благодаря научным трудам Д. Белла, хотя ещё в 60-х гг. японские учёные Ю. Хаяши (которому приписывается изобретение термина «информационное общество»), К. Кояма, И. Масуда обозначили первые контуры постиндустриализма в виде «информационного общества» [5, с. 56].

Как отмечает А.И. Ракитов [6, с. 69], все авторы именуют «информационное общество» по-разному: собственно «постиндустриальное общество» (Д. Белл); «технотронное общество», «сетевое общество» (С. Вассерман); «общество третьей волны» и «супериндустриальное общество» (Э. Тоффлер); «постэкономическое общество» (Г. Кан); «цивилизация услуг» (Ж. Фурастье); «информационное общество» (М. Кастельс); «информационно-компьютерное общество» (И. Масуда); «общество постмодерна» (Ж. Бодрийяр); «общество знаний» (П. Друкер) и др.

Уже в начале неизбежного формирования информационного общества в 70-х гг. XX века стало ясно, что техногенная цивилизация ведёт к социальному тупику: объективно поднимались вопросы о необходимости разворота и переориентации технического прогресса к направлению гуманизации производства, а также о необходимости привнесения и принятия самим обществом в новых условиях также и нового типа мышления и общения. Так, согласно концепции французского социолога Алена Турена, судьба мира находится в прямой зависимости от того, сможет ли человечество обеспечить «взаимосвязь между универсальностью техногенного объединенного развития и индивидуализацией ценностного выбора и социальными преобразованиями», а в трактовке М. Кастельса основная причина социальных катаклизмов и тупиковой направленности социального вектора развития техногенной цивилизации состоит в наличии «экстраординарного разрыва между технологической переработкой и социальной недоразвитостью».

Проанализируем, на первый взгляд простую и часто используемую лаконичную формулу: «информация + культура = информационная культура».

Содержание и развитие понятия «информация» не так просто, как это может показаться на первый взгляд: в философском осмыслении научные школы работают не только в направлении методологической универсальности, но также и в направлении онто-

логической всеобщности, способствуя формированию обобщающей науки об информации и информационных системах.

В отношении понятия «культура» всё также обстоит не менее сложно, поскольку трудно найти человека, который бы не имел своего представления об этом феномене. Как отмечал в своё время известный гуманист А. Швейцер, этот вопрос традиционно считался решённым, однако, «... сегодня, когда сами события с неумолимостью ведут нас к осознанию того, что мы живём в условиях опасного смешения элементов культуры и бескультурия, нам надлежит – хотим мы того или нет – попытаться определить сущность подлинной культуры». Это ранее сказанное символическое «сегодня» остается актуальным до настоящего времени.

Так как культура есть результат человеческой деятельности, то её (культуру) следует понимать в широком смысле слова как овеществленное бытие человека, и потому культура и человек неразделимы: человеческое бытие и эволюция культуры связываются в единое целое с жизнедеятельностью социума. Такой подход предопределяет, что и материальные, и духовные объекты и продукты человеческой деятельности одновременно являются и результатами, и социальными регуляторами духовно-практической деятельности людей, а в своём единстве они есть то, что можно именовать культурой в социально-философском смысле этого слова.

Таким образом, понятия «информация» и «культура» объединяет между собой творческая человеческая деятельность, благодаря которой они охватывают все сферы жизнедеятельности общества, а посредством материальных носителей информации духовное наследие и духовные ценности становятся всеобщим достоянием и передаются новым поколениям людей. Как отметил Брановский Ю.С. различные виды культуры, их формы, методы и средства есть, по сути, самостоятельные информационные системы, поскольку в основе их духовной и практической деятельности лежит не что иное, как информация – без информации нет культуры [2].

Под информационной культурой логично выступает информационный компонент человеческой культуры в целом, объективно характеризующий уровень всех осуществляемых в обществе информационных процессов и существующих информационных отношений.

Семенюк Э.П. характеризует информационную культуру как специфический уровень развития конкретных обществ, неразрывно

связанный с содержательной стороной субъект-субъектных и объект-объектных отношений, зарегистрированных при помощи различных материальных носителей [7, с. 3-7].

В философской трактовке информационная культура как специфическая часть общей культуры есть одновременно исторически обусловленные и уровень, и способ (метод) духовно-практического освоения действительности, зафиксированные и передаваемые от поколения к поколению посредством различных материальных носителей.

Информационная культура функционально не может быть оторвана от общей культуры, поскольку является её составной частью. Многоуровневость структуры общей культуры предопределяет и разнообразие её функциональных проявлений. Но наиболее важным свойством информационной культуры должна быть её гуманистическая направленность.

В конце XX столетия подчеркивали, что с момента промышленной революции в системе «природа-общество» «культура возоблада над природой» благодаря качественным трансформациям в социотехнической сфере жизни общества. Выдвигалось неоднозначное предположение, что это должно стать «началом нового бытия».

Можно согласиться с возможным наступлением «нового бытия» потому, что информационное общество знаменует собой новый этап цивилизационного развития, отличающийся от индустриального и постиндустриального этапов новыми качественными характеристиками, прежде всего, в социально-экономической жизни социума.

Несогласие и критику можно также выразить потому, что, во-первых, «начало нового бытия», рефлекслируемое как технологически самодостаточная целостная система, по сути, является всего лишь одной стороной происходящих социоприродных процессов, которая к тому же углубляет техногенную составляющую. Во-вторых, техногенный образ жизни постоянно выхолащивает главное, что сохраняет человеческое в человеке, – духовность.

Бездуховная культура – это нонсенс. Такая «культура» может лишь технологически характеризовать информационное общество, но никогда не сможет создать действительно гуманное информационное общество.

Содержание отдельных компонентов информационной культуры рассматривается у Т.И. Шамовой [8, с. 101].

Мировоззренческий компонент информационной культуры гуманного информационного общества содержит в себе представления о роли компьютерных технологий в оптимизации производственного и интеллектуального труда, о сущности информации и информационных процессов и т.д.

Коммуникативная составляющая информационной культуры современного гуманного информационного общества должна включать в себя следующие блоки: общение с людьми; «общение» с символической информацией; «общение» с компьютерной техникой.

Алгоритмический компонент информационной культуры рассматривается как один из рациональных способов мыслительной деятельности.

Ещё Цицерон в своё время выделил важную функцию «вращения духа» («cultura animi») человека, которая в современных условиях приобретает не только важнейшее, но во многом и символическое значение для формирования информационной культуры общества. Обретая гуманистическую направленность, она способствует «возвращению» духовности в «культуру Кастельса», без чего разговор об исключительной значимости вступления человечества в информационную стадию развития превращается в пустую риторику: развитие современного общества без доминирования в нём духовных начал ведёт к тупику, а не к «началу нового бытия».

Информационную среду можно представить, как взаимосвязанные между собой и взаимовытекающие друг из друга компоненты: информационный потенциал, информационные ресурсы, информационная инфраструктура, соединённые воедино и функционирующие в этом единстве посредством созидательной деятельности человека. В обобщённом виде она может быть представлена как совокупность организационных структур и средств информационного взаимодействия, непосредственно связанных с функционированием и развитием информационного пространства государства и обеспечивающих доступ граждан и организаций к его информационным ресурсам.

В характеристике понятия «информационный потенциал общества» многие авторы сходятся на том, что его основой являются информационные ресурсы. В отдельных работах информационный потенциал в широком смысле слова представлен как накопленный в обществе информационный ресурс в целом, а в узком смысле слова – используемый (введённый в действие) информационный ресурс, что

в итоге даёт возможность рассматривать информационный ресурс общества в единстве со средствами, методами и условиями его активизации и социально ориентированного использования [3, с. 152]. Следовательно, сущность информационного потенциала общества нужно рассматривать в единстве информационных ресурсов и информационных составляющих трудовых ресурсов.

XX и XXI вв., безусловно, уже вошли в историю под знаком глобального техногенного развития с доминированием техносферы. В этом смысле информационное общество является техногенным, со специфическим техногенным образом жизнедеятельности и специфической информационной средой обитания.

Важно заметить, что новые информационные и телекоммуникационные технологии, встраиваясь в социальную среду и обеспечивая её комфортность для человека, становятся важным фактором социальных трансформаций.

Сегодня уже отмечаются изменения в сфере духовной культуры, которые непосредственно связаны не с человекотворческой созидательной деятельностью, а с самой логикой прогресса, с процессами самоорганизации техносреды.

Так, информационные и телекоммуникационные технологии способствуют изменениям в общественном сознании: втягивая людей в планетарный информационный обмен, они фактически становятся действенным инструментом насильственного вторжения в эмоционально-волевую сферу человека [4, с. 121]. В этих условиях актуальной задачей образовательной деятельности становится формирование личностных норм и правил духовно-практического освоения школьниками, студентами, представителями молодежи и других слоев общества информационной культуры в современном обществе:

а) теоретические знания, касающиеся сущности (тезауруса), содержания, особенностей и закономерностей её функционирования в обществах с различными уровнями информатизации;

б) сформированное информационное мировоззрение, позволяющее выстраивать собственную стратегию информационной деятельности;

в) информационная грамотность, владение современными формами представления, хранения, переработки и трансляции информации и знаний;

г) «информационная этика» общения в социальных компьютерных сетях, нравствен-

ный (гуманистически направленный) информационно-коммуникационный диалог.

Главной интеллектуальной составляющей информационной культуры является информационное (постмодернистское) мировоззрение – новый тип мировоззрения, свойственный для информационного общества как новой организации социума с высоким уровнем развития информационных и телекоммуникационных технологий и всех интеллектуальных ресурсов. Именно такое мировоззрение должно лежать в основе формирования информационной культуры современного общества [5, с. 158].

Исходя из этой посылки, в духовно-практическом освоении информационной картины мира индивидуальный уровень информационной культуры может быть представлен как синтез информационного мировоззрения, знаний, навыков и умений, необходимых для полноценного удовлетворения личностных информационных потребностей, базирующихся на новых информационных, телекоммуникационных и использовании традиционных технологий, отвечающих общегуманистическим требованиям.

Формирование и развитие информационной культуры и ее составляющих достигается в процессе использования различных средств, форм и методов информационного образования [1]. В настоящее время многие факторы делают значение информационного образования чрезвычайно актуальным. Понятие информационного образования многогранно, исследователи трактуют его неоднозначно. В соответствии с положениями ЮНЕСКО, информационное образование следует понимать, как процесс приобретения теоретических знаний и практических умений использования средств массовой информации и коммуникации как специфического компонента в педагогической теории и практике [8, с. 212]. Это определение, в основном, верно отражает суть информационного образования, поскольку только специальная подготовка может гарантировать возможность и способность всех членов социума к жизнедеятельности в условиях информационного общества. Тем не менее, следует учитывать и тот фактор, что формирование информационной культуры идёт и за пределами педагогической образовательной среды, в том числе в ходе самообразования.

В условиях формирования современного информационного общества должна существовать государственная программа информационного образования, которая должна органически вписываться в парадигму концепции «образование в течение всей жизни»,

поскольку только идея непрерывного образования содержит в себе возможности разрешения объективного противоречия любой системы образования – противоречия между экспоненциальным ростом знаний и ограниченными возможностями их освоения человеком в ходе образовательной деятельности.

Таким образом, можно сделать вывод, что информационная культура создается не сама по себе и не ради себя самой. Она формируется и используется человеком для его всестороннего развития и адекватной адаптации к трансформации современного информационного общества. Информационная культура – это: а) новый тип мышления, формирующийся в результате освобождения человека от рутинной информационно-интеллектуальной работы; б) новый тип общения, дающий возможность свободного выхода каждому члену общества в информационное пространство на всех уровнях – от локального до глобального.

Список литературы и источников:

1. <http://www.infcul-rosi.ru/> – Сайт проекта «Формирование информационной культуры студентов: интеграция европейского

опыта в российскую действительность» («Developing Information Culture of Students: Integration of European Experience into Russian Reality») (дата обращения: 10.09.2020 г.).

2. Брановский Ю.С. Работа в информационной среде // Высшее образование в России. – 2017. – №1. – С.81–87.

3. Гуревич П.С. Философия культуры: пособие для студ. – М.: АО «Аспект-Пресс», 2014. – 317 с.

4. Зиновьева Н.Б. Информационная культура: учеб. пособие. – Краснодар: Краснодар. гос. акад. культуры, 2017. – 320 с.

5. Колин К.К. Фундаментальные основы информатики: социальная информатика: Учебное пособие для вузов. – Екатеринбург: Деловая книга, 2016. – 350 с.

6. Ракитов А.И. Философия компьютерной революции. – М.: МГУ, 2016. – 287 с.

7. Семенюк Э.П. Информационная культура общества и прогресс информатики // НТИ. – 2016. – №7. – С. 3-7.

8. Шамова Т.И. Управление образовательными системами: учеб. пособие. – М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2015. – 320 с.

T.V. Ezhova, Candidate of Science, Associated Professor, Regional Open Social Institute (Kursk), (e-mail: t-ezhova@yandex.ru)

INFORMATION CULTURE: A NEW TYPE OF THINKING AND COMMUNICATION FOR HUMAN ADAPTATION TO THE SOCIAL REALITIES OF THE XXI CENTURY

The work considers information culture as a condition for comfortable adaptation of a person to the modern information environment. Based on European and Russian experience, the author demonstrates that information culture is a new type of thinking that is formed as a result of a person's liberation from routine information and intellectual work. In addition, information culture is presented as a new type of communication that allows each member of society to freely enter the communication space at all levels – from local to global.

Keywords: *information society, information culture of the individual, information culture of society, European experience.*

УДК 378

С.А. Кравченко, канд. пед. наук, доцент, ЧОУ ВО «Региональный открытый социальный институт» (Курск), (e-mail: iris.007@mail.ru)

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ СОХРАНЕНИЯ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ: ЕВРОПЕЙСКИЙ ОПЫТ И ЕГО РОССИЙСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ¹

В статье актуализируется социальная и экономическая значимость реализации практик сохранения культурного наследия на региональном уровне. Анализируются особенности регионального измерения культурной политики Европейского Союза, опыт осуществления культурных программ и проектов. На примере проекта «Водяная мельница» автор делает вывод о широких возможностях его внедрения в России.

Ключевые слова: Европейский Союз, культура, культурное наследие, культурная программа, региональная практика, сельский туризм.

Культура любого государства является таким же достоянием, как и его природные богатства. Современный период развития общества характеризуется тем, что культура все более завоевывает позиции значимого ресурса в социально-экономическом продвижении. Зреет четкое понимание ее ведущей роли не только в сохранении, накоплении и передаче новым поколениям духовного опыта нации, обеспечении единства многонациональных народов, воспитании чувства патриотизма и национальной гордости, но и в экономической, социальной модернизации страны, ее интенсивном развитии, обеспечивающем готовность государства и общества ответить на вызовы современного мира.

Одной из приоритетных целей своего развития Европейским Союзом представляется сохранение культурного разнообразия, где согласно принципу субсидиарности важную роль играет региональное измерение наднациональной культурной политики. Культура становится неотъемлемой частью региональной политики ЕС с момента издания Еврокомиссией в 1969 году документа «Региональная политика Сообщества».

Главным содержанием данного документа выступило положение о «выравнивании регионов» с помощью развития сотрудничества между индустриально развитыми и отсталыми в этом плане регионами, а также создании полюсов развития в преимущественно сельскохозяйственных зонах. По мере расши-

рения Сообщества и интенсификации интеграционных процессов постепенно вычленились три измерения региональной политики, в рамках которых культура играет важную роль: прямая роль в росте занятости в индустрии культуры; косвенная роль в улучшении образа региона, с использованием культурных ценностей как части маркетинговых стратегий для привлечения инвестиций, и косвенная роль в содействии социальной интеграции и социальной сплоченности [5]. Эти направления уже нашли отражение в первых культурных программах, в рамках которых реализовалось большое количество региональных проектов.

Одной из таких программ является программа «Культурная столица Европы». С 1990-х годов в ЕС проводится политика по избранию «культурными столицами» преимущественно «вторичных городов», являющихся в первую очередь региональными центрами. Это позволяет акцентировать внимание на регионе и стимулировать его развитие на базе данных городов.

В период 2000-2006 гг. основная часть финансирования сферы культуры в регионах была направлена в туристическую сферу. Культурное наследие должно было способствовать и развитию регионального единения, и привлечению туристов. Зарождается более широкий взгляд на культуру региона как на «точку экономического роста» в силу её значения для инвестиционной привлекательности, связи с набирающими силу информационными

¹ Статья подготовлена в рамках проекта «Политика Европейского союза в сфере образования и культуры как фактор интеграции: история и современность» при финансовой поддержке Европейского Союза (Программа ЕС по образованию, профессиональной подготовке, молодежи и спорта ERASMUS+ (направление Jean Monnet Activities, проект № 611226-EPP-1-2019-1-RU-EPPJMO-CHAIR)

технологиями и высоким вкладом в модернизацию традиционных видов деятельности в регионе и формирование новых. Данный подход получил логическое продолжение в последующих программных периодах работы структурных фондов, которые занимаются их финансированием.

Так, в 2015 году в рамках программы «Креативная Европа» Еврокомиссией был запущен проект под названием «Культура для городов и регионов». Его цель состоит в том, чтобы проанализировать существующие культурные практики по всей Европе с целью обмена успешным опытом. Проект подразумевает участие в нем представителей городских и региональных администраций, для которых помимо посещения других городов и регионов организуется коучинг для лучшего понимания. Еще одной важной задачей проекта является широкое распространение накопленной в ходе его реализации информации.

Этому способствует составленный каталог из 70 культурных практик, которые наилучшим образом демонстрируют, как культурная политика может влиять на местное и региональное развитие. Цель составления каталога состояла в том, чтобы помочь местным и региональным органам власти лучше понять динамику инвестиционных инициатив в сфере культуры, и то, каким образом возможна их реализация с наибольшим влиянием на экономическое развитие, социальное сплочение и возрождение городов [5, 11].

Все культурные практики, вошедшие в каталог, разделены по взаимосвязанным тематическим разделам. В материал, помогающий раскрыть не только возможные пути сохранения культурного наследия, но и использования его в качестве движущей силы экономического роста и социальной интеграции, вошли кейсы 19 европейских городов и регионов.

Очень значимым и показательным примером сохранения исторического и культурного наследия и использования его с целью экономического возрождения территорий представляется район Темпл Бар в средневековом центре Дублина. В начале 1990-х годов район находился на грани исчезновения из-за создания новых отраслей промышленности. Однако, благодаря инициативе местных творческих и культурных организаций, поддержанной местными властями, Темпл Бар пережил культурное омоложение.

В начале реализации проекта, в период до 1995 года, значительные усилия местных властей были направлены на сохранение куль-

турного наследия Темпл Бара. Затем они стремились повышать привлекательность района, как для собственных граждан, так и для иностранных туристов и инвесторов. Результатом стало построение жилых квартир, новых торговых объектов, гостиниц, создание мест розничной торговли, введение дополнительных рабочих мест в сфере культуры и сферы услуг, а также временных рабочих мест в области развития и строительства. Большую помощь в финансировании проекта оказал и Евросоюз, где от структурных фондов поступило почти 10% бюджетного обеспечения программы (255 миллионов Евро). Все это способствовало тому, что район Темпл Бар стал развиваться и привлекать большое количество туристов, более 40 тыс. человек в сезон, а в отдельные годы количество посещающих различные мероприятия в данном районе достигает 500 тыс.

Уникален опыт сохранения культурного наследия в регионе Фриули-Венеция-Джулия, что находится на Северо-Востоке Италии. Здесь происходит сплав итальянской, славянской и германской культур, сохранилось много памятников разных времён – античности, Средневековья, новой истории, удивительная итальянская архитектура. Культура каждого города и населенного пункта несет на себе отпечаток эпохальных перемен и имеет огромную историческую ценность. Особое внимание уделено маленькому городку-поселению Аквилея с численностью жителей чуть больше 3 тысяч, но с интереснейшим прошлым [3]. Этот город был основан римлянами ещё до новой эры, в 181 году, процветал, так как стоял на пересечении торговых путей и имел порт, к тому же еще защищал северные границы империи. По историческим сведениям его население в те времена составляло более 100 тысяч человек. По значимости для империи и своему богатству его даже называли «вторым Римом». Но после долгой осады в 452 году гуннами город был разрушен, а народ был вынужден бежать в близлежащий город Градо и на запад, основав там Венецию. С тех пор развалины древней, римской Аквилеи служили источниками строительного камня, пока уже в XX веке не поняли, что они могут представлять какую-то самостоятельную ценность. Начались археологические раскопки, а с ними и археологические открытия, которые продолжаются до сих пор. В 1998 году место раскопок внесено в список объектов Всемирного наследия ЮНЕСКО, а город постепенно превращается в крупный туристический центр. Руины античных строений

теперь доступны всем для обозрения, и каждый посещающий испытывает чувство гордости от того, что он здесь может представить мощь римского Форума, увидеть надгробия и фундаменты домов, статуи, а также большой мавзолей и множество других памятников истории. Никого не оставят равнодушными раннехристианская базилика IV века с характерным мозаичным полом, настенными фресками и знаменитой колокольной Поппоне, с которой к тому же открывается великолепный вид на долину Фриули до самой лагуны! Каждый год местными жителями для приезжающих в конце лета и начале осени устраивается фестиваль «За столом с древними римлянами», где все могут попробовать блюда, приготовленные по старинным рецептам.

Особого внимания также заслуживает практика восстановления и сохранения культурного наследия датского города Орхус и его окрестностей. Сейчас этот город является крупным культурным и торгово-промышленным центром, вторым по величине и значимости портом страны, имеющим неповторимый исторический архитектурный облик и множество интересных достопримечательностей. Но для становления его таковым потребовалось приложить много усилий его жителям и властям. Для датчан этот город является такой же важности, как Санкт-Петербург для россиян. Определяется его основание в здешней удобной гавани укрепленным поселением викингов еще около 770 г., что позволяет считать одним из старейших в Скандинавии. Быстрое развитие в X-XIII веках обусловлено положением важного католического центра (уже в 951 г. здесь была резиденция епископа) и крупного торгового города, расположенного по грамотной стратегии – при пересечении путей из материковой Европы на датские земли и острова. Однако затем было сложное время опустошения чумой, разорения войнами, пожарами. Но, несмотря на все эти перипетии, город выстоял, а благодаря строительству железной дороги в XIX веке и организованной торговле начались его рост и развитие [7].

В Орхусе очень трепетно относятся к сохранению своей истории, где «территориально» современность и древность располагаются рядом, по соседству, и плавно переходят одно в другое. Неудивительно поэтому, что для программы европейского культурного 2017 года, когда этот город был выбран культурной столицей, им обозначен девиз «Let's rethink»: новое, как известно, является хорошо забытым старым. «Старое» здесь переосмыс-

ливают, открывая новые грани, ведь достопримечательности города являются не просто следами прошлого, а тщательно собранными, воссозданными и представленными в наиболее интересном виде свидетельствами исторического развития датской нации.

Одной из таких исторических достопримечательностей города является музей под открытым небом (по-датски Den Gamle By), где на протяжении долгих лет воссоздавалась атмосфера средневековья. Здесь стоят старинные здания (75 домов XVI-XIX вв.), которые собраны по всей стране, по улицам проезжают упряжки и экипажи, а «жители» ходят в старинных национальных костюмах. Работает несколько магазинов, кузница, открыты театр, школа мастерские, таможня, здание морского порта с причаленным кораблем, работают водяные и ветряные мельницы. Даже полицейские одеты в старинную форму! Несколько лет назад данный музей вошел в тройку самых известных туристических достопримечательностей Дании.

Интересна история его организации. Первым экспонатом музея стал старинный особняк мэра в Орхусе, который власти решили в 1908 г. за ненадобностью снести, но местным учителем Петером Хольмом было предложено сохранить его, предварительно разобрав для дальнейшего использования. Через год этот дом продемонстрировали на датской Национальной выставке, где он приобрел успех, который стал основанием для открытия в 1914 г. под Орхусом музея «Особняк Старого мэра». Его директором был избран Петер Хольм, руководивший им 31 год до 1945 г. и сохранивший от разрушения большое количество зданий. В качестве второго экспоната предстал комплекс зданий из Ольборга, который переместили в Орхус в 1923 г. С этого момента музей получил название «Городской музей «Старый город», и сюда регулярно стали привозиться разные здания, книги, мебель, орудия труда, одежда, игрушки, посуда.

Кроме музея под открытым небом окунуться в бытность старинных датских городов помогают музей этнографии и археологии Moesgaard, музей предыстории, содержащий ряд уникальных доисторических артефактов, кафедральный готический собор XIII-XV веков (крупнейшая церковь страны), церковь Фрукирке (XI-XV века), старая ратуша (1857 г.) и др. В свою очередь, музей этнографии, находящийся в пригороде Орхуса включает в себя не только здание с размещенной экспозицией, но и окружающий ланд-

шафт, который простирается до морского берега и отражает различные исторические эпохи Дании благодаря собранным вместе курганам времен бронзового века, домам железного и каменного веков, жилищам викингов, средневековым постройкам, колокольне и другим достопримечательностям.

Экспозицию Moesgaard считают одной из богатых в мире, а возможность представить посетителям предметы быта, украшения и оружие доисторических эпох с использованием интерактивных приемов, звуковых и видео-эффектов делает экскурсионные походы интересными всем возрастным категориям. Дети могут не только осматривать предметы экспозиции, но и играть с отдельными из них, что способствует, в свою очередь, пробуждению интереса к истории и археологии и укреплению связи времен. После осмотра экспозиций комплекса предоставляется возможность для отдыха прямо на травяной крыше музейного здания, устройства пикника на специальных площадках, обеда в кафе.

Очень показательным и ценным является отношение жителей к своему городу. В этом динамичном северном городе целый ряд зданий бережно используется в новом для себя качестве. Расположенный недалеко от Ратуши комплекс Конного зала был построен для верховой езды, но с успехом используется для выступлений симфонического оркестра и цирка, театра танца, организации и проведения ярмарочных дней и пивных фестивалей. В зданиях старых железнодорожных станций разместили магазин мебели известных дизайнеров и привлекающий посетителей музей истории Орхуса со времен викингов и до нашего времени.

Изучение этих и других практик по сохранению культурного наследия позволяет увидеть многообразие представляемых идей и проектов и способствует рациональному выбору и их модификации в региональном развитии других стран, в том числе и России.

Одним из таких перспективных направлений является развитие сельского туризма как отдельного сектора туристской индустрии, направленной на использование природных, культурно-исторических и других ресурсов сельской местности и ее особенностей для создания комплексного туристического продукта [1, 4]. В нашей стране он еще не получил широкого распространения, но уже начал активно развиваться на Алтае, в Калининградской области, Ленинградской, Псковской, соседней Белгородской области, Краснодарском крае, республике Башкортостан.

Курская область обладает богатым природным, культурно-историческим и этнографическим потенциалом и также имеет большие возможности для развития сельского туризма. Их реализация позволит тысячам людей насладиться красотами курской природы, уникальным сочетанием ландшафтов, ознакомиться с культурным многообразием области, с традициями, бытом и обычаями населения [6].

Инвестиционная Стратегия Курской области до 2025 года определяет туризм как стратегически значимое направление в развитии экономики Курской области. Начиная с 2014 года сельскому туризму стало уделяться более пристальное внимание, а среди органов местного самоуправления проводятся конкурсы на лучшую его организацию. По их итогам наиболее известными стали экскурсионные маршруты в Поныровском районе – «Огненный рубеж»; в Глушковском районе – «От источников до наших дней», «Соловьиное порубежье Курского края»; в Большесолдатском районе – «Большесолдатские просторы».

В номинации «Сельский тур» победителями стали: в Медвенском районе – «Этнографический ландшафтный комплекс «Хутор Песочное»; в Горшеченском районе – «Гостеприимное Горшечное – отдых в деревне»; во Льговском районе – «Отдых в сосновом бору» [9, 10].

Одним из перспективных для развития в качестве центра сельского туризма в Курской области может стать комплекс в селе Красниково Пристенского района, сформированный вокруг единственного, сохранившегося в Черноземье, своего рода памятника деревянного зодчества «Водяная мельница», который был открыт после реконструкции в августе этого года.

Сооружение данной водяной мельницы уникально, ведь понимание значимости появления мельниц вообще, а водяных особенно уводит нас в глубь веков. Еще в античные времена человек научился использовать силу воды для размола большого количества хлебных зерен в муку, чем значительно облегчил себе жизнь. Мельница села Красниково впервые встречается на межевом плане Обоянского уезда 1780 года. Построена она на ручье Широком, который местные жители в настоящее время называют речкой Крюк. Мельница сооружалась небольшой, на одном поставе, но с крупорушкой для шелушения зерна и превращения его в крупу, и построена без единого гвоздя! К сожалению, в России больше не сохранилось таких аналогов.

За три столетия у мельницы сменилось немало хозяев. Долгое время она принадлежала дворянскому роду Глазовых, откуда в народе ее часто называют Глазовской. Последним из владельцев мельницы был Ф.И. Тетянец, довольно зажиточный крестьянин из Красникова. Но, несмотря на то, что у мельницы менялись хозяева, сама она не поддавалась влиянию времени, и не только сохранилась в своём первозданном виде, но и была действующей до 2000 года, где мельником официально был Г.И. Красников [2].

В 2020 году для возрождения древнего производства был приглашен специалист-мельник из Пскова. Под его руководством были заменены ось колеса и желоб, по которому зерно подается к жерновам, а также опора для поддержки всей конструкции колеса и некоторые маленькие детали. Быть хранителем такой уникальной постройки – особое дело. Однако С. Ешин – профессионал своего дела. Он не только умело обращается с мельницей, контролирует ее правильную и безопасную работу, но и проводит экскурсии с погружением в атмосферу старой русской деревни, мастер-классы по народным играм.

В настоящее время решается вопрос о присвоении водяной мельнице статуса памятника федерального значения и разрабатывается проект по созданию этнографического комплекса. По замыслу комитета архитектуры Курской области на территории порядка 50 га должна появиться этнодеревня народных промыслов, где сама мельница выступит в качестве эпицентра туристического кластера

[8]. Рядом с историко-культурной частью планируется возведение десяти стилизованных сельских подворий различной тематики с дегустацией продукции, открытие мастерских гончарного, ткацкого, кожевенного дела, деревообработки и других народных промыслов, а также строительство храма, гостиничного комплекса и организация пространства современного отдыха. От глав районов уже поступили предложения о размещении «Рыльских купеческих дворов» – копии торговых рядов с ротондой, выстроенных в конце 18-го века купцами фон Филимоновыми, где будут представлены сырная, бакалейная, монастырская лавки и чайная (Рыльский район), о создании «Медового подворья» (Солнцевский район), «Дома пекаря» (Пристенский район), «Дома кузнеца» (г. Железнодорожный), «Мясного двора» (готов предложить продукцию Суджанский район). Предусматривается также создание дома шорника и казачьего подворья. Специалисты Курской государственной сельскохозяйственной академии предлагают проект размещения рядом с мельницей академического подворья с возможностью представления традиционных и современных методов переработки продуктов – плодов, ягод, овощей, зерна, трав, а также академического сада.

Для реализации поставленных задач и воплощения задуманных идей была организована поездка курской делегации в Темрюкский район Краснодарского края с целью изучения опыта работы подобного выставочного комплекса «Атаманы». Это учреждение возводилось также по историческим чертежам и представляет собой типичную деревню

Южной России, какими было большинство деревушек-хуторов в царские времена. Здесь обозначено разнообразие построек, характерных для каждого района Краснодарского края. На вооружение куряне планируют взять найденные там некоторые управленческие решения, варианты размещения, но при этом сделать проект лучше и гораздо интереснее с использованием в полной мере ряда преимуществ, в частности, проведения газа, водоснабжения и т.д. Географически у села Красниково очень удобное расположение: оно примерно равноудалено от Курска, Белгорода, Старого Оскола и Воронежа, рядом проходит федеральная автомобильная дорога. Реализация проекта и организация инфраструктуры позволит приезжать для отдыха на целый день и более длительный срок.

Однако, предстоит решить очень серьезную и амбициозную задачу: создать в селе Красниково этнографический парк как центр событийного туризма, помогающий погрузиться в соответствующую эпоху, а не просто артобъект, сделанный в этностиле и «уводящий» посетителей в сторону развлечения. По информации Комитета по культуре Курской области в 2021 году проект этнографического кластера планируется подать на грант Федерального агентства по туризму. Его материальная поддержка значительно ускорит реализацию задуманного. В настоящее время уже начата работа по подведению коммуникаций, установлено электроснабжение, до конца года планируется проведение газа, формирование сети водопроводных и канализационных путей, а также расчистка пруда. Кроме того, подъезд к мельнице должен быть обеспечен новой автомобильной дорогой, проектирование которой находится в завершающей стадии.

Таким образом, реконструкция легендарной водяной мельницы позволяет запустить серьезный механизм по созданию еще одного места притяжения жителей области и туристов из других регионов страны. На самом же деле таких мест, достойных туристических маршрутов в Курской области очень много. Приближаясь к дате празднования 1000-летия основания города Курска, Министерству культуры РФ региональной властью была представлена концепция обновления древнего города, реновации его исторического центра, строительства и размещения новых объектов культуры. Так, уже проведен архитектурный конкурс «Курск-2032» с выявлением лучших проектов по восстановлению исторического центра города, планируется построение трехмерной панорамы «Курская битва», которая должна войти в проектируемый музейный комплекс Курского областного краеведческого музея, «Зала воинской славы», который будет

расположен в парке «Патриот», гостиницы, благоустройство набережной и парка «Боевая дача». В целом намеченные мероприятия должны способствовать формированию новой туристической точки притяжения на карте России.

Подводя итоги, можно сделать вывод, что анализ зарубежного европейского опыта в решении вопросов сохранения культурного наследия позволяет моделировать формирование значительных эффектов с точки зрения внешней и внутренней привлекательности российских территорий, что играет ключевую роль в брендинге наших городов и регионов, а, следовательно, в привлечении большого числа туристов, инвестиций, талантов как из России, так и Европы, а также других стран мира.

Список литературы и источников:

1. Абанкина Т.В., Деркачев П.В. Стратегии повышения эффективности использования объектов культурного наследия // Вопросы государственного и муниципального управления. – 2016. – № 4. – С.45-74.
2. Водяная мельница в деревне Красниково [Электронный ресурс]: официальный сайт муниципального образования «Пристенский район». – URL: http://pristen.rkursk.ru/index.php?mun_obr=330&sub_menus_id=22372 (дата обращения: 20.09.2020 г.).
3. Древняя Аквилея – мечта археолога [Электронный ресурс]. – URL: <https://clck.ru/Rgdf6> (дата обращения: 22.09.2020 г.).
4. Енченко И.В. Сельский туризм: российский и зарубежный опыт // Туризм на сельских территориях: опыт, проблемы, перспективы. Сборник трудов Международной научно-практической конференции. 13 мая 2014 г. – СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2014. – С. 244-249.
5. Культурная политика как фактор формирования культурной идентичности в регионах государств-членов ЕС [Электронный ресурс]. – URL: <https://clck.ru/Rgde5> (дата обращения: 18.04.2020 г.).
6. Кравченко С.А. Культуросообразность образования как фактор самоидентификации в мультикультурном пространстве: европейский опыт и российские реалии // Провинциальные научные записки. – 2020. – №1. – С. 9-13.
7. Орхус – культурная столица Европы на стыке прошлого и будущего [Электронный ресурс]. – URL: <https://clck.ru/Rgdbp> (дата обращения: 22.09.2020 г.).

8. Официальный сайт Администрации Курской области [Электронный ресурс]. – URL: <http://adm.rkursk.ru/> (дата обращения: 20.09.2020 г.).

9. Пудякова И.С. Современное состояние и перспективы развития сельского туризма в Курской области // Провинциальные научные записки. – 2015. – №2. – С. 147-151.

10. Экскурсионные маршруты сельского туризма в Курской области [Электронный ресурс]: официальный сайт Комитета по

делам молодежи и туризма Курской области. – URL: <http://www.kdmt46.ru/marshruty-selskogo-turizma.html> (дата обращения: 20.04.2020 г.).

11. Creative Europe. Supporting Europe's cultural and creative sectors // The European Commission [Электронный ресурс]. – URL: https://ec.europa.eu/programmes/creative-europe/node_en?cookies=disabled (дата обращения: 18.04.2020 г.).

S.A. Kravchenko, Candidate of Science, Docent, Regional Open Social Institute (Kursk) (e-mail: iris.007@mail.ru)

POSSIBILITIES OF ART THERAPY MODALITIES IN WORKING WITH PRESCHOOL CHILDREN IN PRESCHOOL EDUCATIONAL INSTITUTIONS

The work raises the problem of full-fledged psychoemotional development of children in preschool age. Professional use of art therapy methods allows you to have effective diagnose of the child's needs and activate the resources of his psyche. The authors describe the experience of implementing the developing potential of art-therapeutic modalities for solving various correctional and psychoprophylactic tasks in preschool settings.

Keywords: art therapy, art therapy modalities, psychoemotional development, preschool age.

УДК 159.922.73

С.А. Кравченко, канд. пед. наук, доцент, ЧОУ ВО «Региональный открытый социальный институт» (Курск), (e-mail: iris.007@mail.ru)

И.В. Выюшкова, педагог-психолог, МБДОУ «Детский сад комбинированного вида №120» г. Курска (e-mail: starodubtzeva.ir@yandex.ru)

ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ МОДАЛЬНОСТЕЙ АРТ-ТЕРАПИИ В РАБОТЕ С ДЕТЬМИ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА В УСЛОВИЯХ ДОУ

В статье поднимается проблема полноценного психоэмоционального развития детей в дошкольном возрасте. Профессиональное использование методов арт-терапии позволяет эффективно диагностировать потребности ребенка и активизировать ресурсы его психики. Авторами характеризуется опыт реализации развивающего потенциала арт-терапевтических модальностей для решения различных коррекционных и психопрофилактических задач в условиях дошкольного учреждения.

Ключевые слова: арт-терапия, модальности арт-терапии, психоэмоциональное развитие, дошкольный возраст.

Дети дошкольного возраста характеризуются более эмоциональным поведением, которым управляет мир чувств. Поэтому работа с ними требует более бережного отношения, терпения, осторожности. Одним из самых эффективных и безопасных направлений работы психолога с детьми является арт-терапия, техники которой, помогают более точно понять внутренний мир ребенка и причины, которые лежат в основе его трудностей, особенностей поведения. Арт-терапия (от англ. *art* – «искусство» + терапия) представляет собой направление в психотерапии и психологической коррекции, основанное на применении терапии искусства и творчества. В узком смысле слова, под арт-терапией обычно подразумевается терапия изобразительным творчеством, имеющая целью воздействие на психоэмоциональное состояние пациента [8, с. 36].

Принципы и методы арт-терапии позволяют мягко и эффективно способствовать изменениям, создавать новые здоровые модели и активизировать ресурсы психики, а также диагностировать потребности, самоотношение, внутренние сцены и внутренние конфликты, характер отношений в семье и диаде «мама-ребенок», стереотипные семейные схемы. Через арт-техники можно исследовать интрапсихическое пространство ребенка, укреплять самость и создавать новые здоровые модели. Цель искусства – создание символического объекта, который содержит и передает какую-то идею. Идея в значительной степени зависит от желаний и фантазий ребенка, но рождение такого объекта требует комплексного функционирования «Я», то есть вовлечения

всех ресурсов человека – физических, интеллектуальных и эмоциональных [6, с. 79].

Согласно международной классификации современная арт-терапия включает четыре модальности – изотерапию, которая активизирует визуальный канал, музыкотерапию, влияющую звуками и музыкой на аудиальный канал, в данс-терапии терапевтическое воздействие происходит через движение, непосредственно в танце, и в драматерапии объединяются все каналы. Каждая модальность имеет свои особенности. Однако освоение общей методологии по всем модальностям и их основных принципов позволяет экспериментировать с разными арт-продуктами.

Работа в данном направлении чаще всего начинается с изотерапии, с плоскости, и характеризуется разнообразием техник и применением профессиональных арт-материалов высокого качества. Использование именно таких материалов дает много возможностей [3]. Помимо традиционно используемых бумаги, карандашей, красок, мелков, в изотерапии широко практикуется составление коллажей, работа с пластическими материалами (скульптурным пластилином, моделином, глиной, специальным тестом).

Музыкотерапия – система психосоматической коррекции здоровья человека с помощью музыкально-акустических воздействий [7]. Экспериментально доказано, что у человека первым включается слух еще на стадии внутриутробного развития, и последним отключается аудиальный канал в конце жизни. Музыка вызывает различные терапевтические эффекты, основанные на подборе и использовании мелодий и звуков. С их помощью регу-

лируются психовегетативные процессы, общее самочувствие. Они позволяют эмоционально разрядиться, способствуют высвобождению энергии, облегчают формирование новых отношений и установок.

В нашей работе с детьми используются простые музыкальные инструменты: трещетки, бубны, барабаны, колокольчики. Они помогают ребенку находить созвучие своему внутреннему состоянию и выражать его без слов. В музыкотерапии заложен огромный потенциал для работы с неговорящими детьми, а также с дошкольниками, имеющими особенности в развитии. Подобранные игры и упражнения несут ощущение эмоциональной разрядки, катарсиса и больше понимания, развивают эмоциональный интеллект. Дети с удовольствием включаются в выполнение заданий: «Проиграй свое настроение» (с использованием колокольчиков разной тональности), «Пропой свое имя», «Проиграй эмоцию», «Угадай настроение по музыкальному произведению», «Представь свое имя через природное явление с использованием музыкальных инструментов» и т.д. Для трансформации агрессивных проявлений нами используются игры «Воробьиные драки», «Добрые, злые кошки», а также музыкальное моделирование ситуации. Снятию психомышечного напряжения способствует релаксация под классическую музыку с использованием интерактивного оборудования, такого, как световой шар, светодиодный проектор, фиброоптический дождь.

Музыкальная терапия, в свою очередь, неразрывно связана с двигательной терапией. Это работа через движение, танец. Они стоят на одном ряду с аудиальной разрядкой. Когда еще нет слов, нет речи, когда сознание у ребенка еще не проснулось, и интеллект только формируется, развивается, движения уже есть, реализуются телесные ощущения. Танцевально-двигательная терапия очень глубокая, потому что помогает не только выразить через движения внутреннее состояние и разрядиться, но позволяет переработать глубокие ранние переживания, то, что остается на бессознательном, глубоком уровне раннего развития, когда еще не было речи. Необязательно уметь танцевать. Это могут быть просто те движения, которые приходят под музыку и дают возможность больше выразиться. Можно осуществлять движения без музыки, а потом уже подбирать музыку под них. Просто нужно встать и начать спонтанно двигаться. Родившийся танец снимается на видео, а потом разбирается или в индивидуальной работе,

либо групповой с обратной связью от участников.

Можно работать с танцем и в пассивной форме. Если еще мало побуждения к движению и работает ограничительное поведение, ребенок не может позволить себе танцевать, у него не хватает энергии для танца. В такой ситуации можно работать с видеоклипами танцев, ведь психика обязательно выберет тот танец, который на данный момент актуален, созвучен внутренним процессам. Для маленьких детей музыкально-двигательная терапия очень актуальна и естественна, так как звучание музыкального произведения обязательно вызывает какие-то детские движения. Поэтому музыка хорошо помогает продвижению ребенка в индивидуальной работе, при формировании эмоционального интеллекта, проигрывании эмоций, для снятия психомышечного напряжения, при адаптации детей к условиям детского сада.

Драматерапия – лечебный метод, использующий техники действия, в основе которых лежит разыгрывание какого-либо сюжета [1, 2]. Он может быть использован не только для устранения симптомов и «поврежденных» моделей поведения, но и для ускорения личностного роста и развития. Драматерапия задействует все каналы и способствует при работе с детьми преодолению защитных позиций, активации, развитию и реализации творческого потенциала, усиливает эмоциональную вовлеченность и способствует достижению катарсиса и инсайта. Это направление представляется многогранным явлением, опирающимся на разные подходы, школы, концепции. В основе драматерапии находится не только сама драма, но и сказка, игра, перформанс (короткая сцена, ритуал), сценическая пластика и сценический танец. Потенциал драматерапии хорошо реализуется в группе, позволяя увидеть ролевые позиции, прожить новую роль, интегрировать или осознать новые возможности, выразив через какую-то роль, а так же в парных отношениях «мама – ребенок».

Из всех модальностей арт-терапии в работе с детьми дошкольного возраста в условиях ДОУ наиболее актуальна изотерапия. Именно она наиболее доступно, мягко и бережно воздействует на глубинные бессознательные процессы ребенка, причем применима она как в индивидуальной работе, так и в групповой.

Начинается изотерапия всегда с изучения свойств арт-материалов: их разнообразия, возможностей сочетания друг с другом, осо-

бенностей перекрытия, анализа ощущений от контакта с ними. В итоге каждый ребенок выбирает наиболее понравившийся арт-материал, и это обязательно фиксируется, ведь даже его выбор является диагностичным. Например, акварель является материалом, который плохо контролируется, и при работе с ним у некоторых детей повышается уровень тревоги и напряжения.

Существует правило во всех модальностях арт-терапии – никакие продукты не выбрасываются, не уничтожаются, не рвутся, не мнутся, а видоизменяются до тех пор, пока не будут устраивать, удовлетворять. Именно качественные материалы могут это позволить. Всегда есть возможность начать все с чистого листа. В арт-терапии все приближено к реальным жизненным условиям. Нельзя вычеркнуть из жизни то, что было, можно изменить к этому отношение. И тот опыт, который дети получают в видоизменении рисунка, они дальше привносят в реальную жизнь. В работе с детьми нами часто используются такие техники, как: «Маски», «Портретотерапия», «Визитка с моим именем», «Любимый герой», «Любимый цветок, чем он похож на тебя» и др., где именно творчество дает возможность мягко и бережно прикоснуться к трудно переживаемым чувствам, позволяет в особой символической форме реконструировать травмирующую ситуацию, дать социально-приемлемый выход негативным эмоциям через арт-продукт, облегчить процесс внутреннего неосознаваемого напряжения. Психолог Э. Буксбаум утверждает: «Когда ребенку дают возможность свободно рисовать и лепить, это очень много для него значит. То, что он пережил, и то, что его тревожит, подчас легче изобразить, чем объяснить; занимаясь творчеством, ребенок может изобразить содержание и таким образом на него отреагировать» [6, с. 93].

Важным этапом в изотерапии является переход от плоскости в объем, при этом используется весь спектр пластических материалов. Отдельное предпочтение можно отдать работе с глиной, ведь именно этот материал помогает актуализировать телесный опыт и представления о теле, решить такие задачи, как социализация, формирование навыков саморегуляции, психомоторных умений, снятие психоэмоционального напряжения. Хорошо помогает работа в поле глины с неговорящими детьми. Нейробиолог Ф. Уилон утверждает, что с неврологической точки зрения дети учат язык не через практику и слух, они его постигают, когда их руки приобретают

определенные двигательные навыки. Эти навыки активизируют участки мозга, которые отвечают за речь. Язык связан с пробуждением пассивных структур и связей в мозге. Именно движения рук, их сложная взаимосвязь с мозгом способствуют этому [9, с. 32].

Одним из ценных свойств глины является ее способность актуализировать различные аспекты телесного опыта благодаря стимуляции тактильных ощущений и кинестетических реакций, а также созданию объемных образов [4]. Часто в работе с глиной у детей возникает тревога и сомнения в собственных силах, страх не справиться с поставленной задачей. Это происходит потому, что многие воспринимают работу с пластическим материалом не как свободный творческий процесс, а как необходимость создания какого-либо конкретного изделия, который позже будет оценен, вследствие чего возникает желание слепить «правильный» объект. Поэтому работа с глиной всегда начинается с элементарных манипуляций.

Ребенку вначале предлагается просто опустить руки в емкость с глиной, закрыть глаза и почувствовать ее. Этот процесс, как правило, сопровождается музыкой, которая помогает снять контроль и актуализировать творческое воображение. С закрытыми глазами ребенок в течение нескольких минут свободно двигает руками непринужденно, прислушиваясь к своему дыханию (на это нужно обязательно обратить внимание). В процессе таких движений, постепенно формируется какой-то спонтанный образ, фигурка. Когда работа заканчивается, ребенок открывает глаза и рассматривает полученное со всех сторон. Если у него появляется желание что-то добавить или изменить, он это делает уже с открытыми глазами. Далее происходит представление фигурки: дается ее название, определяется, что для нее хорошо, любимое занятие, открываются возникшие ощущения, т.е. решаются вопросы на актуализацию ресурсов психики ребенка. Это становится основой для длительной работы, в результате которой ребенок встречается с разными частями своей личности, формирует новые модели поведения, которые в дальнейшем применяются и закрепляются в реальной жизни. Параллельно активно организуется взаимодействие с его родителями.

При работе с негативными последствиями стресса хорошо помогает техника от раздробленности к целостности. Принцип работы очень похож на предыдущий: дети с закрытыми глазами делят кусок глины на

части, что помогает передать свои ощущения отсутствия целостности, а затем создают из этих частей единый образ. После того, как дети закончили лепить, им так же предлагается открыть глаза и посмотреть на ту фигуру, которая у них получилась. Изменение и доработка ее далее продолжается с открытыми глазами. Благодаря данной технике, дети не только визуализируют, но и создают материальный образ своего ресурсного состояния, связанного с ощущением целостности, переживают его как на телесном, так и на психическом уровне. Идентифицируясь с вылепленной фигурой, участники представляют ее как персонаж и высказываются от ее лица, при этом бережно и эффективно решаются многие вопросы и переживания.

Для детей с повышенным контролем над телесным и эмоциональным проявлениями помогает создание образов на основе глиняных отпечатков рук или ног. На одной из таких встреч дети исследуют глину ногами в специальной емкости, совершая при этом различные движения и чувствуя ее консистенцию, а затем делятся своими ощущениями. При этом очень важно использование музыкального сопровождения, которое помогает более глубокому внутреннему расслаблению и спонтанности. Когда звучит музыка, дети оживляются и совершают более ритмичные движения, напоминающие танец на глине. Далее детям предлагается на разложенных листах ватмана с помощью отпечатков ног создать общую картину, что вызывает много восторга и интереса, помогает снять внутреннее напряжение. Дети с большим удовольствием оставляют на бумаге следы, рисуют пальцами ног, пытаются увидеть в отпечатках разные образы и оформляют полученное изображение. Важным моментом также является мытье ног. В результате этого длительного процесса дополнительно происходит снятие напряжения, на смену которому, приходит состояние спокойствия и удовлетворения. По окончании процедуры участникам предлагается описать созданные образы и дать коллективное название произведению, выбрав из предложенных вариантов удовлетворяющее всех участников. Эта техника помогает выразить глубинные творческие, часто неосознаваемые процессы, проникнуться доверием к своему телу как к инструменту креативного самовыражения, понять и принять естественную красоту. Аналогично проходит работа с отпечатками рук, а также совместное рисование руками и ногами.

Таким образом, использование различных модальностей арт-терапии дает много возможностей для решения различных коррекционных и психопрофилактических задач в условиях ДООУ, основными из которых являются социализация, формирование навыков саморегуляции, психомоторных умений.

Большим преимуществом арт-терапевтических техник является то, что будь то танец или рисунок, или моделирование, происходит воздействие на глубинные структуры мозга, задействуется поле образного мышления, где именно средства искусства помогают проявлению бессознательных механизмов и процессов и дают возможность в дальнейшем что-то изменить, что-то отпустить, что-то отреагировать приемлемым способом. Согласно взглядам К. Гольдштейна, творчество – это одно из средств преодоления страха, возникающего в связи с конфликтом, формирующимся у человека, поведением которого управляет стремление к реализации личности. Творческие люди лучше концентрируют свою энергию, свои силы для преодоления препятствий и решения внутренних и внешних конфликтов [8, с 37]. Нельзя изменить прошлое, но можно остановить его влияние и модифицировать в нужном направлении. Средствами искусства получается более мягко, но глубоко и мощно нарабатывать соответствующие возрасту новые копинги и стратегии поведения, при этом акцент всегда делается на сохранение ресурсов ребенка, включая креативность и восприятие как творца.

Список литературы и источников:

1. Валента М., Полинек М. Драматерапия / под общ. ред. В.И. Белопольского. – М.: Когито-Центр, 2013. – 207 с.
2. Долженкова М.И., Дорожкина О.А., Романина Л.А., Прохорова О.Г. Технологии театротерапии в современной социальной реабилитации // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2018 [Электронный ресурс]. – URL: <https://clck.ru/RgdoL> (дата обращения: 18.09.2020 г.).
3. Киселева М.В. Арт-терапия в работе с детьми: руководство для детских психологов, педагогов, врачей и специалистов, работающих с детьми. – СПб.: Речь, 2007. – 160 с.
4. Копытин А.И., Корт Б. Техники телесно-ориентированной арт-терапии. – М.: Психотерапия, 2011. – 128 с.

5. Кравченко С.А., Колпакова И.Л., Вьюшкова И.В. Психомоторное развитие детей раннего возраста с использованием музыкально-ритмической деятельности // Провинциальные научные записки. – 2019. – №2 (10). – С. 53-57.

6. Крамер Э. Арт-терапия с детьми. – М.: Генезис, 2014. – 320 с.

7. Методы арт-терапии в преодолении последствий травматического стресса. – М.: Когито-Центр, 2014. – 208 с.

8. Психотерапевтическая энциклопедия / под ред. Карвасарского Б.Д. – 2-е изд. – СПб.: Питер, 2002. – 1024 с.

9. Элбрехт К. Исцеление травмы в «поле глины»: сенсомоторный подход в арт-терапии. – М.: Дипак, 2016. – 376 с.

S.A. Kravchenko, Candidate of Science, Docent, Regional Open Social Institute (Kursk) (e-mail: iris.007@mail.ru)

I.V. Vyushkova, teacher-psychologist, Kindergarten of combined type No. 120, Kursk (e-mail: starodubtzeva.ir@yandex.ru)

POSSIBILITIES OF ART THERAPY MODALITIES IN WORKING WITH PRESCHOOL CHILDREN IN PRESCHOOL EDUCATIONAL INSTITUTIONS

The work raises the problem of full-fledged psychoemotional development of children in preschool age. Professional use of art therapy methods allows you to have effective diagnose of the child's needs and activate the resources of his psyche. The authors describe the experience of implementing the developing potential of art-therapeutic modalities for solving various correctional and psychoprophylactic tasks in preschool settings.

Keywords: art therapy, art therapy modalities, psychoemotional development, preschool age.

ПРАВО

УДК 343.9

А.В. Самойлов, канд. юрид. наук, доцент, ЧОУ ВО «Региональный открытый социальный институт» (Курск), (e-mail: samojl@mail.ru),

Р.С. Булавинов, магистрант, ЧОУ ВО «Региональный открытый социальный институт» (Курск), (e-mail: bulavinov1996@bk.ru)

ТРАСОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА: ПОНЯТИЕ, ОБЪЕКТЫ, ЗАДАЧИ И ВИДЫ

В статье рассмотрены вопросы, касающиеся понятия трасологической экспертизы, требований, предъявляемых к ее производству, ее объектов, методов, цели и задач. Анализируется структура экспертного заключения.

Ключевые слова: криминалистика, трасология, трасологическая экспертиза.

Одной из основных категорий в трасологии является понятие «след». Собираение и исследование следов оказывает определяющее влияние на установление механизма совершения любого преступления, что неоднократно отмечалось учеными – криминалистами [см., напр.: 6; 7].

Важнейшей формой практического приложения трасологии как раздела криминалистики является производство трасологических экспертиз.

Трасологическая экспертиза – это специальное исследование, проводимое экспертом-криминалистом в соответствии с уголовно-процессуальными нормами и составлением соответствующего заключения.

Трасологическая экспертиза относится к криминалистическим, её цель – получение фактических данных по исследуемым объектам, имеющим значение для расследования преступлений, выявления преступника или судебного процесса.

Она назначается в случаях, когда необходимы специальные познания, т.е. выходящие за рамки общеобразовательной подготовки, для установления некоторых обстоятельств, имеющих значение для расследования и раскрытия преступления. Назначение экспертизы оформляется постановлением следователя или определением суда, и вопрос о необходимости экспертизы решается следователем или судом в каждом отдельном случае, исходя из конкретной ситуации по делу.

Из-за того, что сам процесс экспертного исследования и оформления его результатов в виде заключения эксперта разнесены по

времени, можно все требования, предъявляемые к производству трасологических экспертиз, условно разделить на две категории:

1. Требования к методам и процессу исследований.

2. Требования к оформлению материалов заключения, иллюстраций и приложений.

Для первой категории требований нормативная база содержится в основном в методиках производства конкретных видов трасологических экспертиз, описанных в многочисленных научных, учебно-методических и практических изданиях. Эти методики являются общепризнанными для экспертов-криминалистов.

При производстве трасологической экспертизы используются криминалистические знания (теория криминалистической идентификации, криминалистическое учение о признаках, общая теория судебной экспертизы и др.), а также естественно-научные и технические знания, например такие, как теория моделирования, оптические методы наблюдения, химические методы окрашивания веществ и т.д. Четкой регламентации применяемых методов не существует. Важно лишь то, что методы, используемые в ходе экспертных исследований, в обязательном порядке должны отвечать требованиям очевидности и наглядности результатов исследования, а также научной обоснованности.

Что касается оформления результатов исследования, то здесь существуют определённые требования к заключению эксперта, которые содержатся в Уголовно-процессуальном кодексе РФ (далее – УПК РФ)

[1]. Наряду с ними действуют нормативные требования ведомственных приказов и распоряжений. Эта категория требований в кратком виде может быть представлена следующим образом.

Во-первых, ч. 1 ст. 80 УПК РФ определяет заключение эксперта как «представленные в письменном виде содержание исследования и выводы по вопросам, поставленным перед экспертом лицом, ведущим производство по уголовному делу, или сторонами». Требования к заключению устанавливает ст. 204 УПК РФ. Согласно ч. 1 данной статьи, «в заключении эксперта указываются:

1) дата, время и место производства судебной экспертизы;

2) основания производства судебной экспертизы;

3) должностное лицо, назначившее судебную экспертизу;

4) сведения об экспертном учреждении, а также фамилия, имя и отчество эксперта, его образование, специальность, стаж работы, ученая степень и (или) ученое звание, занимаемая должность;

5) сведения о предупреждении эксперта об ответственности за дачу заведомо ложного заключения;

6) вопросы, поставленные перед экспертом;

7) объекты исследований и материалы, представленные для производства судебной экспертизы;

8) данные о лицах, присутствовавших при производстве судебной экспертизы;

9) содержание и результаты исследований с указанием примененных методик;

10) выводы по поставленным перед экспертом вопросам и их обоснование».

Во-вторых, согласно требованиям нормативных документов МВД России [2], заключение эксперта должно состоять из трёх частей: вводной, исследовательской и выводов.

Во вводной части заключения эксперта указываются:

сведения об экспертном учреждении или подразделении;

дата, время и место проведения экспертизы, ее номер, наименование и вид;

сведения об эксперте – фамилия, имя и отчество, образование, специальность, стаж работы, ученая степень и (или) ученое звание, занимаемая должность;

основания производства экспертизы – вид, дата вынесения постановления, номер дела (материала), краткое изложение обстоятельств дела, по которому оно вынесено;

сведения об органе или лице, назначившем экспертизу;

предупреждение или сведения о предупреждении эксперта об ответственности за дачу заведомо ложного заключения;

данные о лицах, присутствовавших при производстве экспертизы;

объекты исследований и материалы, представленные для производства экспертизы, наличие и состояние их упаковки;

сведения о ходатайствах эксперта о представлении дополнительных материалов и результатах их рассмотрения с указанием дат их заявления и получения;

вопросы, поставленные перед экспертом или комиссией экспертов (в формулировке постановления).

При наличии нескольких вопросов эксперт имеет право сгруппировать их, изложить в той последовательности, которая обеспечивает наиболее целесообразный порядок проведения исследования.

В случае необходимости эксперт имеет право изменить редакцию вопросов, не изменяя их смысл.

В исследовательской части заключения эксперта отражаются содержание и результаты исследований, в том числе:

обстоятельства дела, имеющие значение для дачи заключения и принятые экспертом в качестве исходных данных;

содержание этапов исследования с указанием методов исследования, использованных технических средств и расходных материалов, условий их применения и полученные результаты;

сведения о примененных методиках, которыми эксперт руководствовался при разрешении поставленных вопросов;

цели, условия и результаты проведенных экспериментов (если они проводились) и получения образцов;

оценка отдельных этапов исследования, анализ полученных результатов в целом, обоснование и формулирование выводов;

выявленные экспертом по собственной инициативе существенные обстоятельства, по поводу которых ему не были поставлены вопросы;

причины невозможности решения отдельных вопросов в полном или требуемом в постановлении объеме.

Выводы заключения эксперта должны содержать краткие, четкие, однозначные ответы на все поставленные перед экспертом вопросы и установленные им в порядке инициативы значимые по делу обстоятельства.

Субъектом трасологической экспертизы, т.е. лицом, её выполняющим, является эксперт-криминалист, имеющий право (соответствующий допуск установленной формы) на самостоятельное производство трасологических экспертиз. Эксперт – самостоятельный участник процесса и следует нормам, установленным законом. Сюда относятся случаи назначения экспертизы, права и обязанности эксперта и другие необходимые условия, связанные с её выполнением.

В некоторых случаях эксперт может отказаться от дачи заключения. Такая ситуация может возникнуть, если нарушен процессуальный порядок назначения экспертизы, если поставленные перед ним вопросы выходят за рамки его специальных познаний, когда предоставленные ему материалы недостаточны для получения объективных выводов или в случае отсутствия научно обоснованной методики исследования.

Вид оформленного заключения эксперта чётко не регламентируется. Здесь действуют общепринятые правила, которые были выработаны многолетней экспертной практикой с учётом наглядности предоставления материала, оптимального соотношения между объёмом текста экспертизы и полнотой исследования, технических средств, используемых при подготовке материалов, процессуальных требований к документам и др. Все эти правила также содержатся в учебных пособиях, методических разработках, курсах лекций по трасологии и трасологической экспертизе. Они учитывают особенности выполнения отдельных видов экспертиз, возможности применения современной технической базы, компьютерных технологий, оргтехники и могут обновляться с течением времени.

Обычно под объектами трасологической экспертизы в криминалистике понимают материальные следы и предметы – носители информации, исследование которых позволяет решать многочисленные экспертные задачи. Наиболее характерными для трасологической экспертизы являются следующие объекты:

- следы ног и обуви;
- следы одежды;
- следы зубов;
- следы орудий взлома и инструментов;
- замки и иные запирающие устройства;
- пломбы, закрутки и контрольно-запирающие устройства;
- фрагменты и части разделенного предмета;

- следы губ, лба, носа и других частей тела человека;
- производственно-технологические следы;
- следы транспорта;
- следы повреждений на одежде;
- следы животных;
- предметы с завязанными узлами и петлями [4].

По мере развития криминалистики, совершенствования методов экспертного исследования может происходить изменение традиционного «трасологического» набора объектов исследования. Р.С. Белкин отмечал, что «объектами судебной экспертизы могут быть материальные объекты и процессы... разумеется, при исследовании процессов, явлений эксперт имеет дело с материальными объектами, в которых или с которыми протекали эти процессы» [3]. То есть сущность объекта криминалистической экспертизы следует понимать более широко и не ограничиваться понятием «вещественных доказательств», таких как вещь или предмет. Например, объектом трасологической экспертизы может быть механизм слеодообразования, либо процессы, связанные с передвижением транспортного средства, с завязыванием узлов и петель, с возможностью отпираания замков и повторного навешивания запорно-пломбировочных устройств и др. На сегодняшний день имеется объективная необходимость включения в категорию объектов трасологической экспертизы не только видов технологических процессов, но и конкретных технологических режимов и параметров, без установления которых становится невозможным решение экспертных задач по производственно-технологическим следам.

В процессе производства трасологических экспертиз рассматриваются самые разнообразные задачи [5]. Однако, несмотря на огромное количество объектов экспертизы и вариантов решения задач, все задачи делятся на три группы: идентификационные, диагностические и классификационные.

Идентификационные задачи решаются с целью установления:

- 1) групповой принадлежности объекта;
- 2) тождества объекта (или его идентификации).

Диагностические задачи имеют следующую цель:

- 1) определение фактического состояния и свойств объекта;
- 2) установление возможности определённых действий;

3) воссоздание первоначального вида объектов.

Целью классификационных задач является отнесение объекта исследования к заранее определённой классу.

Задачи первой группы отличаются тем, что они направлены на установление тождества (идентификацию) объектов исследования. Криминалистическая идентификация означает установление объекта тождества самому себе. Сфера трасологической идентификации ограничена установлением тождества индивидуально-определённых объектов по их следам-отображениям. Тот объект, тождество которого устанавливается, называется идентифицируемым. Объекты, которые содержат информацию, необходимую для проведения идентификации, – идентифицирующими.

Как правило, установление групповой принадлежности является первым этапом идентификационного исследования, который необходим для установления тождества. В случае, когда установление тождества по каким-либо причинам невозможно, этот этап можно рассматривать в качестве незавершённого идентификационного исследования, когда выделена группа индивидуально-определённых объектов, в которую входит отождествляемый объект. Другими словами, в процессе установления групповой принадлежности определяется группа предметов или вещей с одноимёнными отобразившимися в следах признаками.

Как видно, установление групповой принадлежности исследуемого объекта не является идентификационной задачей в строгом смысле этого слова. Результатом исследований считается отнесение объектов к одной группе. Однако для большинства следов-отображений заранее определённых классов не существует, что связано с бесконечным разнообразием параметров следового контакта. Поэтому эксперт в процессе исследования сам выявляет принадлежность следов к группе, которую он сам и определяет (например, группа поверхностных следов автомобильной шины шириной 178-205 мм с рисунком в виде пробельных и окрашенных участков размером от 20 до 25 мм). Это обстоятельство – главное отличие установления групповой принадлежности от классификационных задач.

К трасологическим идентификационным задачам относятся:

- идентификация человека по следам-отображениям кожного покрова и зубов;

- идентификация предметов (вещей) по следам-отображениям (обуви, одежды, инструментов, орудий взлома и т.д.);

- установление принадлежности частей и фрагментов предметов единому целому.

Трасологические экспертизы, в рамках которых решается хотя бы одна идентификационная задача, называются идентификационными. При этом не имеет значения, что остальные поставленные задачи могут носить диагностический или классификационный характер.

Если для разрешения вопросов, поставленных перед экспертом, не требуется решения идентификационных задач, то такая экспертиза по сути своей считается диагностической. В рамках диагностических экспертиз могут решаться только диагностические и классификационные задачи.

К наиболее распространённым диагностическим задачам относят:

1) установление пригодности следов для отождествления объекта исследования;

2) выявление особенностей предмета, оставившего следы (степень износа подошвы обуви, внешние признаки орудия взлома и т.п.);

3) установление особенностей и характеристик человека, оставившего следы (по дорожке следов может определяться: рост, пол, походка, физическое состояние, дефекты опорно-двигательного аппарата; по следам взлома, завязанным узлам и петлям могут быть установлены профессиональные навыки человека);

4) установление фактического состояния объекта исследования (в исправном ли состоянии находится данный замок? Имеются ли на представленных запорно-пломбировочных устройствах какие-либо повреждения?);

5) установление действий, которые выполнялись при совершении преступления (отпирался ли замок посторонним предметом? Вскрывалась ли представленная пломба после её первоначального навешивания);

6) установление возможности определённых действий (можно ли отпереть данный контрольный замок, не нарушая в нем контрольного вкладыша? Возможно ли извлечение пломбировочной проволоки из представленной пломбы без нарушения целостности последней?);

7) установление обстоятельств, связанных с механизмом слеодообразования (в какой последовательности оставлены обнаруженные следы? В каком положении (запертом или

отпертом) были нанесены повреждения замку?);

8) восстановление содержания удалённых буквенно-цифровых изображений и маркировок (например, на деталях автотранспортного средства или запорно-пломбировочного устройства).

Как уже отмечалось, для решения классификационных задач требуется установление характеристик, параметров, конструктивных особенностей объекта исследования для отнесения его к заранее определённом и общеизвестному классу. В процессе этого определяются:

1) тип, вид и модель представленного объекта (например, устанавливается модель замка и тип запирающего механизма);

2) тип, вид, модель объектов по их следам-отображениям (например, устанавливается модель шины по следу, изъятому с места происшествия);

3) вид следов-отображений на предметах (например, следы обуви, одежды, частей тела человека с их дальнейшей классификацией);

4) вид процессов, протекавших в момент слеодообразования (вид следового контакта, вид технологического процесса).

Необходимо отметить, что при производстве трасологических экспертиз практически не возникает ситуаций, когда на разрешение эксперта выносятся вопросы, связанные только с проведением классификации объекта исследования. Обычно классификационные задачи решаются в связке с диагностическими (например, определить модель шины по её следу-отображению и установить пригодность этого следа к идентификации) или идентификационными (в случае пригодности следа к идентификации устанавливается наличие или отсутствие тождества).

Список литературы и источников:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // Российская газета. – 22 декабря 2001. – № 249.

2. Приказ МВД РФ от 29 июня 2005 г. № 511 «Вопросы организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации» (ред. от 27.06.2019) // Российская газета. – 30 августа 2005. – № 191.

3. Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы. От теории – к практике. – М., 1988.

4. Кулатова А.К. Криминалистическое исследование следов и повреждений одежды [Электронный ресурс]. – URL: <http://lib.krsu.edu.kg/uploads/files/public/9064.pdf> (дата обращения: 17.08.2020 г.).

5. Росинская Е.Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе [Электронный ресурс]. – URL: http://www.ahmerov.com/book_1374_chapter_19_Glava_16._SUDEBNEYE_TRASOLOGICHESKIE_ENKSPERTIZY.html (дата обращения: 17.08.2020 г.).

6. Самойлов А.В. Понятие механизма совершения преступления как научной категории криминалистики // Уральский научный вестник. – 2016. – Т. 4. – № 1. – С. 107–111.

7. Самойлов А.В. Учение о механизме совершения преступления: история возникновения и развития // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. – 2010. – № 3–2 (15). – С. 122–124.

A.V. Samoylov, Candidate of Science, Docent, Regional Open Social Institute (Kursk), (e-mail: samojl@mail.ru)

R.S. Bulavinov, graduate student, Regional Open Social Institute (Kursk), (e-mail: bulavinov1996@bk.ru)

TRASOLOGICAL EXPERTISE: CONCEPT, OBJECTS, TASKS AND TYPES

The article discusses issues related to the concept of traceological examination, the requirements for its production, its objects, methods, goals and objectives. The structure of the expert opinion is analyzed.

Key words: *forensics, traceology, traceological expertise*

УДК 343.3

А.В. Самойлов, канд. юрид. наук, доцент, ЧОУ ВО «Региональный открытый социальный институт» (Курск), (e-mail: samojl@mail.ru),

А.О. Пазухина, магистрант, ЧОУ ВО «Региональный открытый социальный институт» (Курск), (e-mail: nastya.p_92@mail.ru)

ПОНЯТИЕ И ВИДЫ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ НА ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОМ ТРАНСПОРТЕ

В статье рассмотрены вопросы, касающиеся понятия группы преступлений, совершаемых на железнодорожном транспорте, их видов, понятия железнодорожного транспорта и его специфических особенностей. Исследуются особенности преступлений, совершаемых на железнодорожном транспорте.

Ключевые слова: преступление, группы преступлений, железнодорожный транспорт.

Для успешного рассмотрения вопросов, касающихся методики расследования преступлений, совершаемых на железнодорожном транспорте, необходимо составить их криминалистическую характеристику, описать предмет доказывания по уголовным делам данной категории, а также проанализировать механизм их совершения.

Вопросы, касающиеся указанных научных категорий, неоднократно исследовались учеными – криминалистами [9; 10; 11]. Однако, при их описании невозможно обойтись без анализа понятия и видов обозначенных преступлений.

Прежде чем дать общее определение группе преступлений, совершаемых на железнодорожном транспорте, необходимо исследовать понятие данного вида транспорта, а также выявить его специфические черты.

В настоящее время железнодорожный транспорт является одним из наиболее распространенных и развитых видов транспорта. В российском законодательстве железнодорожный транспорт рассматривается в качестве одного из видов транспорта общего пользования, являющегося составной частью единой транспортной системы Российской Федерации [2, ст. 169].

Анализ юридической литературы позволяет выделить следующие специфические черты железнодорожного транспорта [4, с. 62-63]:

- универсальность, которая заключается в том, что железнодорожный транспорт обслуживает практически все отрасли экономики на всей территории страны и в любое время года;

- способность перевозить достаточно большие объемы грузов и значительное количество пассажиров;

- высокая скорость перемещения грузов и пассажиров, а также круглосуточный график работы;

- нормативный характер работы (перевозки пассажиров и груза регламентируются различными правилами и уставами).

Указанная специфика железнодорожного транспорта оказывает влияние на особенности преступлений, совершаемых на нем, которые привлекают преступников в качестве объекта посягательства. На наш взгляд, данные особенности могут заключаться в следующем:

1) нахождение на объектах железнодорожного транспорта значительного количества материальных ценностей (груза, багажа). Ежедневно железнодорожным транспортом перевозятся миллионы тонн грузов, что вызывает особый интерес у преступников. На протяжении всей истории нашей страны кражи грузов на железнодорожном транспорте были одними из самых распространенных преступлений;

2) сосредоточение на станциях, вокзалах, в поездах достаточно большого количества пассажиров, располагающих определенной суммой денег и другого ценного имущества, что приводит к хищению указанных ценностей;

3) быстрое перемещение грузов и пассажиров. Как правило, подвижной состав (вагоны, цистерны), из которых совершаются хищения, достаточно быстро перемещается от одной станции к другой, что, несомненно, затрудняет определение факта совершения преступления, его места и следов, а также дает

возможность преступникам скрыться с места преступления и избежать уголовного преследования;

4) подвижной состав железнодорожного транспорта (локомотивы, вагоны, контейнеры, цистерны) является удобным средством перевозки предметов, изъятых из гражданского оборота или ограниченных в нем – наркотических средств, оружия, взрывных устройств, взрывчатых веществ, драгоценных и полудрагоценных металлов, валюты и др.

Все вышесказанное указывает на распространенность и специфику преступлений, совершаемых на железнодорожном транспорте, исходя из которых можно дать следующее определение понятию преступлений, совершаемых на данном виде транспорта – это совокупность общественно опасных и уголовно наказуемых деяний, совершаемых на объектах железнодорожного транспорта (рельсовые пути, железнодорожные станции, подвижной состав, средства связи, сигнализации данного транспорта).

Анализ статистических данных позволяет представить систему преступлений, совершаемых на железнодорожном транспорте [8, с. 420-424]. Первую группу преступлений составляют преступления против собственности [1], примерно 39,5 %. К ним относятся: 1) хищения: кража, мошенничество, присвоение или растрата (ст. 160 УК РФ), разбой (ст. 162 УК РФ), хищение предметов, имеющих особую ценность (ст. 164 УК РФ); 2) иные корыстные преступления против собственности, не содержащие признаков хищения (ст. 163 УК РФ), причинение имущественного ущерба путем обмана и злоупотребления доверием (ст. 165 УК РФ); 3) преступления против собственности, не связанные с извлечением имущественной выгоды: умышленное уничтожение или повреждение имущества (ст. 167 УК РФ), уничтожение или повреждение имущества по неосторожности (ст. 168 УК РФ). Вторую группу преступлений составляют преступления против здоровья населения и общественной нравственности (преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков – ст. 228, 234, 238 и 242 УК РФ) [1] – 27,5 %. Третью группу преступлений образуют преступления в сфере экономической деятельности (ст.ст. 171, 175, 186, 189, 191, 200.1 и 200.2 УК РФ) [1] – 17,0 %. Четвертая группа преступлений связана с деяниями, совершаемыми против государственной власти, интересов государственной службы, интересов службы в коммерческих и иных организациях (ст.ст. 285-293 УК РФ) [1] – 7,5 %. Пятую группу

преступлений составляют преступления против общественной безопасности (ст. 205, 218 и 226.1 УК РФ) [1] – 3,5 %. К шестой группе относятся преступления против безопасности движения и эксплуатации транспорта (ст.ст. 263-271 УК РФ) [1]. Данная классификация является основой для выработки методик расследования тех или иных видов преступлений на железнодорожном транспорте.

Отметим, что сегодня основную массу преступлений, совершаемых на железнодорожном транспорте, составляют хищения грузов, кражи имущества пассажиров, а также незаконная перевозка наркотических средств.

Итак, п. 3 ст. 1 Федерального закона РФ от 10 января 2003 года № 17-ФЗ «О железнодорожном транспорте в Российской Федерации» определяет, что работа железнодорожного транспорта строится на таких принципах, как: надежность его работы, общедоступность, безопасность и качество услуг, развитие конкуренции [2, ст. 169]. При этом эффективность действия первых двух принципов напрямую зависит от эффективности выявления и раскрытия преступлений, совершаемых на объектах железнодорожного транспорта.

Стоит сказать, что принцип качества оказываемых услуг напрямую связан с сохранностью перевозок. Это обстоятельство находит свое подтверждение и в разделе II Устава ОАО «Российские железные дороги», где в качестве главной задачи российского общества называется обеспечение сохранности перевозимых грузов [3]. При этом, если в 90-е годы основная доля хищений осуществлялась с помощью срыва запорных устройств, проруба стен потолков вагонов и контейнеров, то за последние десятилетия произошла переориентация преступников на наиболее тайные способы совершения преступлений (мошенничество, переадресовка грузов, замена и подделка оригиналов перевозочных документов и т.д.). Указанные способы совершения преступных посягательств на железнодорожные грузы характеризуются организованностью, четким распределением ролей между их участниками, использованием специального транспорта, наличием сведений о специфике перемещения и хранения того или иного груза, наличием договорных отношений с сотрудниками железнодорожного транспорта, достаточно хорошо знающими технологический процесс перевозки грузов.

Расследование хищений грузов на железнодорожном транспорте указывает на увеличение совершения данных преступлений способом маскировки. При этом фактическое

количество хищений грузов в разы превосходит количество регистрируемых преступлений. Это связано с маскировкой данных видов хищения должностными лицами под уже совершенные кражи, что в значительной степени затрудняет, а в большинстве случаев делает невозможным их выявление.

Исследуя особенности преступности в сфере перевозки грузов, необходимо сказать о таких видах хищений грузов, как грабеж и разбой. Данные виды хищений особо актуальными были в девяностые годы и совершались преимущественно на Северо-Кавказском участке железной дороги. Большинство данных видов хищений совершалось на перегонах станций жителями населенных пунктов, расположенных вблизи объектов железнодорожного транспорта. Нередки были случаи, когда преступники, нарушив работу средств сигнализации, останавливали грузовые поезда, разграбляя его вагоны [6, с. 223-224].

Значительную долю преступлений, совершаемых на железнодорожном транспорте, составляют кражи личного имущества граждан, анализ статистических данных которых свидетельствует о более половины их совершения на поездах дальнего следования. При этом в большинстве случаев кражи личного имущества граждан совершаются во время остановки поезда по пути следования пассажира.

Сегодня особую роль в преступности на железнодорожном транспорте играет незаконная перевозка наркотиков. Данный вид преступной деятельности является составляющей организованной преступности – наркобизнеса [5, с. 12].

Анализ статистических данных свидетельствует о том, что преступники для перевозки наркотиков в 82 % случаев пользуются пассажирскими вагонами и только в 18 % случаев – грузовыми поездами. Также преступники используют различные места сокрытия наркотиков (обшивки стен и потолка пассажирского купе, личные вещи пассажиров, купе проводника, туалет пассажирского поезда, технические устройства локомотива поезда) [7].

В настоящее время все чаще для перевозки наркотиков используются крытые вагоны и полувагоны, в которых наркотики размещаются рядом с грузом. Как правило, наркотики запаковываются в аналогичные по размеру и внешнему виду с другим грузом упаковки, которые размещаются в дальних частях вагона. Также утаивание наркотических средств осуществляется и в грузовых двухъярусных

вагонах, используемых для перевозки легковых автомобилей. Маскировка наркотиков в легковых автомобилях осуществляется путем сооружения оборудованных тайников в бензобаках, тормозных механизмах и т.д.

В заключение необходимо отметить, что специфика преступлений, совершаемых на железнодорожном транспорте, обусловлена особенностями указанного вида транспорта. Для железнодорожного транспорта характерны: обслуживание всех отраслей экономики на территории нашей страны круглогодично; возможность перевозки значительного количества пассажиров и грузов; высокая скорость перемещения и круглосуточный график работы; нормативный характер работы.

Специфику преступлений, совершаемых на железнодорожном транспорте, можно представить следующим образом:

- нахождение на объектах железнодорожного транспорта значительного количества материальных ценностей;
- сосредоточение на объектах железнодорожного транспорта достаточно большого количества пассажиров, располагающих ценным имуществом;
- быстрое перемещение грузов и пассажиров;
- удобность подвижного состава для перевозки наркотиков и других запрещенных средств или предметов;
- повышенная опасность подвижного состава.

Преступления, совершаемые на железнодорожном транспорте – это совокупность общественно опасных и уголовно наказуемых деяний, совершаемых на объектах железнодорожного транспорта (рельсовые пути, железнодорожные станции, подвижной состав, средства связи, сигнализации данного транспорта).

Систему преступлений, совершаемых на объектах железнодорожного транспорта, можно представить следующим образом: 1) преступления против собственности (кража, мошенничество, разбой и др.); 2) преступления против здоровья населения и общественной нравственности (преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков); 3) преступления в сфере экономической деятельности; 4) преступления, совершаемые против государственной власти, интересов государственной службы, интересов службы в коммерческих и иных организациях; 5) преступления против общественной безопасности; 6) преступления против безопасности движения и эксплуатации транспорта.

Список литературы и источников:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 03.10.2018) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.
2. Федеральный закон Российской Федерации от 10.01.2003 № 17-ФЗ (ред. от 03.08.2018) «О железнодорожном транспорте в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2003. – № 2. – Ст. 169.
3. Постановление Правительства Российской Федерации от 18.09.2003 № 585 (ред. от 23.08.2018) «О создании открытого акционерного общества «Российские железные дороги» // Собрание законодательства РФ. – 2003. – № 39. – Ст. 3766.
4. Варыгин А.Н. Особенности преступности на железнодорожном транспорте // Проблемы правоохранительной деятельности. – 2017. – № 3/17. – С. 62–63.
5. Вовчанская Е.А. Перевозка наркотиков железнодорожным транспортом: способы совершения преступления и следы их применения // Журнал научных публикаций аспирантов и докторантов. – 2013. – № 12. [Электронный ресурс]. – URL: http://jurnal.org/articles/urist_11.php (дата обращения: 10.09.2020 г.).
6. Кукушкина П.С. Преступность на железнодорожном транспорте в сфере грузовых перевозок (по материалам Северо-Кавказской железной дороги) // Теория и практика общественного развития. – 2012. – № 7. – С. 223–24.
7. Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации [HTML] (<https://мвд.рф>).
8. Россия в цифрах. 2018. Крат. стат. сб. / Росстат. – М., 2018.
9. Самойлов А.В. Место механизма совершения преступления в системе научных категорий криминалистики // Провинциальные научные записки. – 2016. – № 1(3). – С. 157–161.
10. Самойлов А.В., Тригуб О.М. Предмет доказывания и криминалистическая характеристика преступлений: соотношение понятий // Провинциальные научные записки. – 2016. – № 1 (3). – С. 162–165.
11. Самойлов А.В. Учение о механизме совершения преступления: история возникновения и развития // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. – 2010. – № 3-2 (15). – С. 122–124.

A.V. Samoylov, Candidate of Science, Docent, Regional Open Social Institute (Kursk), (e-mail: samojl@mail.ru)

A.O. Pazukhina, graduate student, Regional Open Social Institute (Kursk), (e-mail: nastya.p_92@mail.ru)

THE CONCEPT AND TYPES OF CRIMES COMMITTED ON RAILWAY TRANSPORT

The article deals with issues related to the concept of a group of crimes committed on railway transport, their types, the concept of railway transport and its specific features. The features of crimes committed on railway transport are investigated.

Key words: crime, groups of crimes, railway transport.

УДК 342.41

О.Л. Свеженцева, канд. ист. наук, доцент, ЧОУ ВО «Региональный открытый социальный институт» (Курск), (e-mail: olga-s975@mail.ru)

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ КОНСТИТУЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В настоящей статье рассматриваются основные проблемы реализации конституционных ценностей в Российской Федерации с точки зрения неточных наименований и формулировок, порождающих «двойные стандарты» поведения субъектов конституционного права.

Ключевые слова: Конституция РФ, конституционные ценности, суверенитет, народовластие, референдум, общероссийское голосование, правовое государство, разделение властей, конституционный суд.

Как известно, любая конституция учреждает основы государственной и общественной жизни страны. Отличительным признаком высшего закона любой страны является нормативное закрепление публичного договора между государством в лице государственных органов и народом в лице гражданского общества. Положения такого договора должны реально обеспечивать баланс интересов двух сторон, в противном случае действие конституции будет равно ее бездействию, т.е. формальным. Баланс интересов должен поддерживаться демократическим режимом, правовым форматом, республиканской формой правления и другими институтами [7, с.10]. Академик О.Е. Кутафин отмечал: «...для того, чтобы государство в полной мере подчинялось праву, нужны соответствующие гарантии, которые в своей совокупности обеспечивают такую форму, такой способ организации государства, который может быть назван конституционным строем» [6, с. 95]. Таким образом, гарантии являются важным способом обеспечения обязательств одним субъектом перед другим. Для того, чтобы понять насколько эффективны гарантии, обеспечивающие реализацию конституционных ценностей, обратимся к анализу основных положений Конституции РФ.

1. Как известно, носителем суверенитета и единственным источником власти в России, согласно Основному Закону страны, является ее многонациональный народ, который осуществляет свою власть непосредственно, а также через органы государственной власти и местного самоуправления. Высшим непосредственным выражением власти народа являются референдум и свободные выборы [1, статья 3]. Однако, если выборы в различные уровни государственной власти и органы

местного самоуправления проводятся с определенной законом периодичностью, то за 27 лет существования Конституции РФ референдум не проводился ни разу!

Особый интерес на сегодняшний день представляет Общероссийское голосование, которое проводилось по поправкам к Конституции РФ 1 июля 2020 г., предварительно принятым и одобренным большинством представительных (законодательных) органов субъектов РФ, Федеральным Собранием до его проведения. Интересно, что общероссийское голосование как форма непосредственного участия населения в решении государственных вопросов в Конституции РФ не закреплена, однако соответствующие изменения внесены в ряд федеральных законов, в том числе в главу 19 Уголовного Кодекса РФ [6]. Как известно, главным признаком референдума является то, что решения, принятые на референдуме, не подлежат утверждению государственными органами власти и подлежат прямому исполнению. Государственные органы обязаны разработать механизм реализации решений, принятых на референдуме. В случае с общероссийским голосованием – все с точностью наоборот. В связи с этим возникает вопрос – какое значение имеет общероссийское голосование, когда решение уже принято на региональных и на федеральном уровнях государственной власти, каков механизм введения поправок в действие, если результат всероссийского голосования 01.07.2020г. был прямо противоположным принятому «наверху» решению? Есть над чем задуматься, и иначе как проблемой «двойных стандартов» поведения такое положение вещей не назовешь.

2. Глава 2 Конституции РФ посвящена основным правам и свободам человека и гражданина. Однако, наряду с основными правами

и свободами именно здесь содержатся указания и на основные обязанности данного субъекта, а именно: заботу о детях и нетрудоспособных родителях (статья 38), получение основного общего образования (статья 43), заботу о сохранении исторического и культурного наследия, памятников истории и культуры (статья 44), обязанность платить налоги и сборы (статья 57), защищать Отечество (статья 59). Таким образом, название главы не в полной мере отражает ее содержание и требует приведения названия в соответствие с ее содержанием.

Правовой статус человека и гражданина, закрепленный в главе 2 Конституции РФ, свидетельствует о том, что государство является инструментом в руках гражданского общества. Однако, анализ ряда федеральных законов РФ (Федеральных закон «Об общественных объединениях» [2], Федеральный закон «О политических партиях» [3], Федеральный закон «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетировании» [4], Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» [5]) показывает, что государство старается поставить общество под свой контроль, нарушая исходные данные демократических принципов, ограничивая права оппозиции [7].

3. Принцип разделения государственной власти на законодательную, исполнительную и судебную, закреплённый в статье 10 Конституции РФ, не содержит указания на один из самых сильных органов государственной власти в лице одного человека и гражданина государства – Президента РФ, что не в полной мере соответствует части 1 статьи 11 Конституции РФ, согласно которой государственную власть в РФ осуществляют Президент Российской Федерации, Федеральное Собрание, Правительство Российской Федерации, суды Российской Федерации. Полномочия Президента РФ до принятия поправок в Основной закон страны достаточно широки. С учетом принятых поправок полномочия Президента РФ по большому счету не были ограничены, несмотря на возросшее влияние решений Государственной Думы, в частности, по утверждению кандидатур членов Правительства РФ. Однако, все силовые федеральные министры, федеральные судьи, Генеральный прокурор и подчиненные ему руководители региональных прокуратур назначаются Президентом РФ, главы регионов ответственны перед Президентом РФ. По сути, вся вертикаль власти вплоть до муниципального уровня

ответственна перед первым лицом государства, а не перед многонациональным народом – носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации (часть 1 статьи 3 Конституции РФ). Такому положению вещей в большей степени отвечала бы формулировка «государственная власть в РФ осуществляется на основе разделения на президентскую, законодательную, исполнительную и судебную», что соответствовало бы части 1 статьи 11 Конституции РФ [9].

4. Не менее дискуссионным представляется вопрос объединения в одну главу Конституции РФ судебной власти и прокуратуры [1]. Вероятнее всего такое объединение произошло по остаточному принципу, поскольку в данной главе прокуратуре посвящена всего лишь одна статья. В последующем редакция наименования главы 7 приведена в соответствие с Законом Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 5 февраля 2014 г. №-2 ФКЗ «О Верховном суде Российской Федерации и прокуратуре Российской Федерации», вступившим в силу со дня его официального опубликования 6 февраля 2014г., однако почва для дискуссии по-прежнему осталась. Так, осуществляя надзор за соблюдением Конституции РФ и исполнением законов, надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина, уголовное преследование в соответствии со своими полномочиями, прокуратура как единая федеральная централизованная система органов выполняет функции исполнительной власти. Таким образом, объединение в одной главе судебной и исполнительной власти в лице органов прокуратуры косвенно нарушает статью 10 Конституции РФ, согласно которой органы законодательной, исполнительной и судебной власти самостоятельны.

5. Как известно, ценность любой конституции состоит в реальности ее обеспечения, поэтому роль Конституционного суда Российской Федерации, как высшего судебного органа конституционного контроля в Российской Федерации, трудно переоценить. Однако, в период с 01.01.1992г. по август 2017г. Конституционный суд вынес 215 постановлений, в соответствии с которыми были признаны неконституционными основные положения отдельных федеральных законов. Из 215 постановлений к августу 2017г. было исполнено 184. Таким образом, неисполненными к сентябрю 2017г. оставалось 31 постановление Конституционного суда РФ [9]. Немаловажно, чтобы соответствующий уровень конституционных гарантий поддерживался также и на

региональном уровне. Однако, на данный момент из 85 субъектов Российской Федерации конституционные и уставные суды сформированы и действуют только в 16 субъектах! Таким образом, эффективность правовой защиты конституционных ценностей в настоящее время оставляет желать лучшего.

6. Конституция РФ закрепляет обязанность государства быть правовым (ст.ст.1,15,55). Это предполагает, что принимаемые законы должны закреплять права и свободы человека и гражданина в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права. Обеспечение и защита национальными судами гарантий прав и свобод человека и гражданина с соблюдением международных правовых стандартов служит механизмом увязывания конституционного и международного обеспечения юридических обязательств, взятых на себя государством. Так, практически под влиянием ЕСПЧ в национальном судопроизводстве сложился принцип разумности срока судебного разбирательства и исполнения судебного решения. Однако, в последнее время с учетом изменившейся международно-правовой обстановки, изменился и национальный подход к решениям ЕСПЧ. Так, 15 декабря 2015 года Конституционный суд РФ получил право признавать неконституционными решения международных инстанций по жалобам против России, если они противоречат Конституции или принципам международного права. Другими словами решения ЕСПЧ могут не исполняться, если данное им толкование противоречит основам конституционного строя и закрепленным в Конституции РФ правам человека. Как это возможно – непонятно, так как нормы действующей конституции буквально «впитали» в себя нормы Всеобщей Декларации прав и свобод человека 1948 года. Хочется надеяться, что наметившаяся тенденция в отношении практики применения решений ЕСПЧ в национальном праве не будет коренным образом отличаться от международной [8].

И в заключение хочется отметить, что основной закон страны не должен содержать неточных формулировок, «двойных стандартов» поведения публичных субъектов, в противном случае такое положение расшатывает основы конституционного строя, порождает недоверие населения к органам государственной власти.

Проблема несоответствия содержания отдельных статей конституции между собой автоматически отображается на всем федеральном законодательстве, а значит и на основном массиве общественных отношений, что в конечном итоге не может не влиять на правовое, политическое, социально-экономическое развитие страны. Ведь, так называемые «двойные стандарты» поведения «размывают почву» конституционных ценностей, что негативно сказывается на стабильном развитии общества и государства.

Список литературы и источников:

1. Конституция РФ с изменениями, вынесенными на Общероссийское голосование 1 июля 2020 года. – М.: Эксмо, 2020.– 96с.– (Актуальное законодательство).
2. Федеральный закон «Об общественных объединениях» от 19.05.1995. №82-ФЗ//www.consultant.ru (дата обращения: 06.10.2019г.).
3. Федеральный закон «О политических партиях» от 11.07.2001 №95-ФЗ//www.consultant.ru (дата обращения 06.10.2019).
4. Федеральный закон «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» от 19.06.2004 №54-ФЗ//www.consultant.ru (дата обращения 06.10.2019).
5. Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» от 12.06.2002 №67-ФЗ//www.consultant.ru (дата обращения 06.10.2019).
6. Уголовный кодекс Российской Федерации. – М.: Проспект, 2020.– 336 с.
7. Козлова Е.И., Кутафин О.Е. Конституционное право России: Учебник. 5-е изд. перераб. и доп. – М.: Проспект, 2014. – 95 с.
8. Свеженцева О.Л. Реализация конституционных обязанностей государства как основа развития гражданского общества //Провинциальные научные записки. – 2019. – №2. – С.10-12.
9. Щегаль В.А. Конституционная концепция правового государства и проблемы ее реализации в законодательстве РФ // Конституционное и муниципальное право. – 2020.– №1. – С. 12-17.

O. L. Svezhentseva, Candidate of Sciences, Docent, Regional Open Social Institute (Kursk), (e-mail: olga-s975@mail.ru)

PROBLEMS OF IMPLEMENTATION OF CONSTITUTIONAL VALUES IN THE RUSSIAN FEDERATION.

This article examines the main problems of implementing constitutional values in the Russian Federation from the point of view of inaccurate names and formulations that give rise to "double standards" of behavior of subjects of constitutional law.

Keyword: *Constitution of the Russian Federation, constitutional values, sovereignty, democracy, referendum, all-Russian voting, rule of law, separation of powers, Prosecutor's office, constitutional court.*

УДК 34: 379.85

И.С. Пудякова, канд. геогр. наук, доцент, ЧОУ ВО «Региональный открытый социальный институт» (Курск), (e-mail: Ipudyakova@yandex.ru)

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ТУРИЗМА В РОССИИ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ COVID-19

В статье даётся краткий анализ документов, утверждённых Правительством Российской Федерации в 2020 году для поддержки туристической индустрии в условиях пандемии коронавируса. Приводятся примеры судебной практики до и после принятия соответствующих государственных решений.

Ключевые слова: туризм, пандемия, COVID-19, коронавирус, коронавирусная инфекция, туристские компании, туроператор, турагент, иск, претензия, судебная практика.

В 2020 г. мировая туристическая индустрия столкнулась с тяжелейшим кризисом, вызванным пандемией COVID-19. Вирус впервые был обнаружен в декабре 2019 г. в Китае и достаточно быстро распространился по всему миру. Миллион заболевших COVID-19 был зафиксирован в начале апреля 2020 г., к концу апреля число заразившихся увеличилось в три раза. Спустя девять месяцев с момента первого обнаружения коронавирусной инфекции, количество заболевших в мире достигло 30 миллионов человек, 21 миллион – выздоровели, 945 тысяч – умерли [2].

Для того, чтобы предотвратить дальнейшее распространение COVID-19, страны стали экстренно закрывать свои границы. По распоряжению Правительства Российской Федерации, в конце января 2020 г. наша страна закрыла свои границы с Китаем, в середине марта прекратила регулярные и чартерные рейсы в Евросоюз, Японию, Таиланд и т.д. С 30 марта было принято решение о временном ограничении движения через все пункты пропуска, включая автомобильные, железнодорожные, пешеходные и иные, на всех границах России.

Вышеперечисленные обстоятельства не смогли не отразиться на работе туристических компаний. Тысячи туристов были вынуждены досрочно вернуться домой из отпусков, у ещё большего количества отдых так и не начался, хотя и был оплачен. По данным Российского союза туристической индустрии из-за пандемии COVID-19 российские туроператоры аннулировали проданные турпродукты стоимостью порядка 180 млрд. рублей.

Туристы стали обращаться за разъяснениями и возвратами денежных средств в компании, в которых приобретали путёвки. Как правило, это турагентства, не располагающие собственными средствами, действующи-

щие по инструкциям от туроператоров, уполномоченные принять претензии туристов, передать их туроператору и ответ туроператора сообщить туристу. Единоличных решений о возврате денежных средств туристам турагентства принимать не могут, поскольку являются посредниками между ними и туроператорами. Последние не были готовы к такой ситуации, денежные средства туристов уже были переведены на счета партнёров в счёт брони отелей, билетов и других услуг. В связи с этим, туроператоры начали предлагать своим клиентам переносы туров на другие даты, по курсу валют, действительному на момент их приобретения.

Не готова к такому повороту событий оказалась и вся отечественная туристическая индустрия. Для её поддержки на государственном уровне был принят ряд решений. В первую очередь, это поправки в Федеральный закон «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации». 1 апреля 2020 г. был дополнен первый пункт статьи 11.6 об особенностях формирования и использования фонда персональной ответственности туроператора в случае ограничения въезда туристов в страну временного пребывания, который отсылал к появившейся статье 11.8. Новая статья даёт возможность правительству страны принимать решения о возврате туристам затраченных средств за турпродукты в случае ограничений со стороны других государств. Предполагается, что это будет осуществляться из средств фонда персональной ответственности туроператора. Размер возврата будет зависеть от даты расторжения договора о реализации турпродукта. Если расторжение договора происходит до начала путешествия, то туристу возвращается стопроцентная оплата тура, если после начала, то часть средств, которая будет опре-

делиться персонально, за вычетом стоимости оказанных услуг.

Поправки, внесённые 8 июня 2020 г., коснулись абзаца пятого части третьей статьи 4.1 - Условия осуществления туроператорской деятельности, и частей первой и четвёртой вышеупомянутой новой статьи 11.8. В случае принятия иностранным государством решения об ограничении въезда туристов в страну (место) временного пребывания или возникновения обстоятельств, свидетельствующих о возникновении в стране (месте) временного пребывания туристов угрозы безопасности их жизни и здоровья, а равно опасности причинения вреда их имуществу Правительство Российской Федерации вправе принять решения: об изменении сроков перечисления ежегодного взноса туроператора, осуществляющего деятельность в сфере выездного туризма, в фонд персональной ответственности туроператора; об уменьшении размера ежегодного взноса туроператора, осуществляющего деятельность в сфере выездного туризма, в фонд персональной ответственности туроператора [1].

4 апреля 2020 г. выходит распоряжение Правительства Российской Федерации № 898-р, в соответствии с которым, туристам необходимо возратить уплаченные ими денежные средства за туристский продукт, в случае если путешествие планировалось в период с начала действия ограничительных мер до 1 июня 2020 г. Выплаты должны произвести туроператоры из средств фонда персональной ответственности на основании представленного ими в объединение туроператоров уведомления о возврате до 15 апреля 2020 г. [4].

8 апреля 2020 г. Правительство РФ выпустило Постановление № 461 «Об утверждении Правил возврата туристам и (или) иным заказчикам уплаченных ими за туристский продукт денежных сумм из денежных средств фонда персональной ответственности туроператора» [4]. Правила были утверждены в связи с принятием решения нескольких иностранных государств об ограничении въезда туристов в страну временного пребывания из-за угрозы безопасности их жизни и здоровью. Список стран с указанием даты начала действия ограничений размещается на сайте Федерального агентства по туризму.

Очередной мерой поддержки туриндустрии со стороны государства стало утверждение в июле 2020 г. Правительством Российской Федерации нескольких Постановлений, которые на законодательном уровне разрешили в условиях пандемии переносить даты

пакетных туров, авиабилетов и брони гостиниц.

20 июля 2020 г. вышли Постановления №1073 «Об утверждении Положения об особенностях на 2020 и 2021 годы исполнения и расторжения договора о реализации туристского продукта, заключенного по 31 марта 2020 г. включительно, туроператором, осуществляющим деятельность в сфере внутреннего туризма, и (или) выездного туризма, и (или) выезда туриста, либо турагентом, реализующим туристский продукт, сформированный таким туроператором, включая основания, порядок, сроки и условия возврата туристам и (или) иным заказчикам туристского продукта уплаченных ими за туристский продукт денежных сумм или предоставления в иные сроки равнозначного туристского продукта, в том числе при наличии обстоятельств, указанных в части третьей статьи 14 Федерального закона «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» и №1078 «Об утверждении Положения об особенностях отмены либо переноса бронирования места в гостинице или ином средстве размещения в отношении оснований, порядка, сроков и условий такого переноса и (или) возврата заказчикам (потребителям) денежных сумм, уплаченных ими при бронировании, на 2020 и 2021 годы» [4].

Таким образом, покупателям, которые приобрели пакетный турпродукт или забронировали гостиницу до 31 марта 2020 г., но не смогли воспользоваться данной услугой, туроператор должен предоставить равнозначную замену до 31 декабря 2021 г. В случае отказа туриста от замены, потраченные средства также должны вернуться в обозначенный период.

Но, если сроки предоставления приобретенной туруслуги вышли до вступления в силу вышеуказанных Постановлений, т.е. до 24 июля 2020 г., то денежные средства должны быть возвращены до 31 декабря 2020 г. Социально незащищённые люди (пенсионеры, инвалиды, безработные, находящиеся на больничном более 2 месяцев) получают затраченные на турпакет финансы в течение 90 дней с момента подачи заявления на возврат.

Туристам полагается не только полная компенсация затрат за отменённый тур, но и проценты за каждый день использования их средств туркомпаниями от момента подачи заявления до момента возврата денежной суммы в размере 1/365 ключевой ставки Центрального банка Российской Федерации, в настоящий момент – это 4,25% годовых.

Несколькими днями ранее, 6 июля 2020 г. вступило в силу Постановление Правительства РФ от N 991 «Об утверждении Положения об особенностях исполнения договора воздушной перевозки пассажира, в том числе о праве перевозчика в одностороннем порядке изменить условия такого договора или отказаться от его исполнения, а также о порядке и сроках возврата уплаченной за воздушную перевозку провозной платы при угрозе возникновения и (или) возникновении отдельных чрезвычайных ситуаций, введении режима повышенной готовности или чрезвычайной ситуации на всей территории Российской Федерации либо на ее части» [4]. Постановление применяется к авиабилетам, приобретённым до 1 мая 2020 г.: на рейсы в Китай – с 1 февраля 2020 г., по всем остальным международным направлениям – с 18 марта 2020 г. На чартерные рейсы данные правила не распространяются. Таким образом, авиаперевозчик в случае ограничения международного и внутреннего воздушного сообщения может отменить рейс или изменить условия договора, такие как: время и дата вылета, маршрут следования и прочее. В случае отмены рейса авиакомпания получила право выдавать пассажирам ваучеры. Ими можно будет воспользоваться в счёт оплаты нового перелёта или других услуг перевозчика в течение трёх лет с даты отправления отменённого рейса. Если в течение установленного срока турист ваучером так и не воспользовался, то ему будут возвращены денежные средства и проценты за их пользование. Так же как и в Положениях, рассмотренных выше, процент определяется ключевой ставкой Центрального банка Российской Федерации, действовавшей на момент приобретения авиабилета. Отдельные льготные категории граждан, такие как ветераны Великой отечественной войны, инвалиды первой или второй группы, многодетные семьи при подаче соответствующего заявления могут рассчитывать на возврат денежных средств ранее, чем через три года.

Таким образом, до утверждения в июле 2020 г. Правительством Российской Федерации Постановлений №1073 и №1078 туристы имели правовую возможность вернуть деньги за аннулированные туркомпаниями путёвки или бронь гостиниц из-за пандемии через суд. Далеко не все путешественники были согласны на изменение условий своего отдыха. Кроме того, исходя из опыта, связанного с предыдущим туристическим кризисом, всегда остаются риски невозврата денежных средств в полном объёме из-за того, что туроператор

может обанкротиться, ликвидировать организацию и прочее.

Роспотребнадзор в свою очередь призвал пострадавших туристов решать спорные ситуации с туроператорами в досудебном порядке, так как массовые иски могут привести к прекращению деятельности многих предприятий туриндустрии.

Правовая служба Ассоциации туроператоров России так же обращалась к туристам с просьбой не идти в суды. Поскольку сложилась форс-мажорная ситуация и она не типична для туриндустрии, вряд ли стоит ждать быстрых и лаконичных решений судов, так как пока отсутствует правоприменительная практика.

Против пострадавших туристов также сыграл тот факт, что суды вынужденно не работали почти два месяца из-за пандемии коронавируса, принимались только исковые заявления. Предполагается, что средняя продолжительность рассмотрения подобного дела в суде займёт около двух месяцев. Если туркомпания обжалует решение суда, то срок рассмотрения увеличится в два раза.

В связи с этими нюансами, многие туристы предпочли равноценную замену путёвки. Но, нашлись и те, кто решил вернуть денежные средства за аннулированные туры. В большинстве таких споров суды становились на сторону путешественников. Например, в Пермском крае Кунгурский городской суд вернул туристам деньги за несостоявшийся из-за пандемии тур в Испанию. Покупатели забронировали и оплатили путёвку в декабре 2019 г., тур должен был состояться в мае 2020 г. От замены тура они отказались. В конце марта покупатели попытались через претензию в досудебном порядке договориться о возврате денег с туроператором, но получили отказ. Последовало обращение с иском в суд. Тот, в свою очередь, признал, что временное закрытие воздушных перевозок с 13 марта 2020 г. из России в Испанию является веским основанием для расторжения договора и взыскал полную стоимость путёвки с туроператора в пользу туристов.

На таком же основании получил затраченные средства турист из Иркутской области. Но иск был адресован уже не к туроператору, а к авиакомпании S7 (АО «Авиакомпания Сибирь»). Покупатель в феврале 2020 г. приобрёл билеты на рейс в Таиланд и обратно на троих человек. Вылет должен был состояться 31 марта 2020 г., но его отменили. На сайте авиакомпании им оставлено обращение о возврате денежных средств в связи с неисполненными

обязательствами авиакомпании. Требования не были удовлетворены. Без согласия истца ответчик выписал сертификат на приобретение авиабилетов на другие даты, в получении которого турист не был заинтересован, так как не планировал другие поездки. Истец хотел взыскать через Ангарский городской суд с ответчика: денежные средства в размере, эквивалентном стоимости затраченных им средств, неустойку, расходы на оплату юридической помощи и штраф за неисполнение требований потребителя в добровольном порядке. Суд удовлетворил требования туриста в части полной компенсации затрат на билеты и штрафа, но отменил неустойку и часть расходов на оплату юридических услуг.

Подобный иск был обращён и к авиакомпании «Аэрофлот». Средства за билеты были возвращены туристу в досудебном порядке, но, не в полной мере, авиакомпания удержала штраф. С данным фактом покупатель не согласился и обратился с иском в суд г. Казани. И снова, истцу присуждены: денежные средства, удержанные авиакомпанией в виде штрафа за авиабилеты, неустойка, компенсация морального вреда и штраф за несоблюдение в добровольном порядке удовлетворения требований потребителя.

Все вышеперечисленные решения суда вступили в законную силу.

Таким образом, вышедшие в июле 2020 г. Постановления Правительства РФ №991, №1073 и №1078 на законодательном уровне разрешили отсрочить выплаты туристам за отменённые авиарейсы, аннулированные туры

и брони гостиниц до конца 2021 г. По нашему мнению, это приведёт к изменению последующей судебной практики. И, скорее всего, она изменится не в пользу потребителей.

Список литературы и источников:

1. Об основах туристской деятельности в Российской Федерации: Федеральный закон от 24.11.1996 № 132-ФЗ (ред. от 08.06.2020). [Электронный ресурс]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12462/ (дата обращения: 15.09.2020 г.).
2. Worldometer – всемирная статистика в режиме реального времени. [Электронный ресурс]. – URL: <https://clck.ru/MocbY> (дата обращения: 17.09.2020 г.).
3. Ангарский городской суд Иркутской области. Официальный сайт. [Электронный ресурс]. – URL: <https://clck.ru/Ri268> (дата обращения: 19.09.2020 г.).
4. Информационно-правовой портал Гарант.ru. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.garant.ru> (дата обращения: 17.09.2020 г.).
5. Кунгурский городской суд Пермского края. Официальный сайт. [Электронный ресурс]. – URL: <https://clck.ru/Ri29Z> (дата обращения: 18.09.2020 г.).
6. Пудякова И.С. Судебная защита как гарантия прав потребителей в области предоставления туристских услуг // Провинциальные научные записки. – 2019. – №2 (10). – С. 12-18.

I.S. Pudyakova, Candidate of Science, Associated Professor, Regional Open Social Institute (Kursk), (e-mail: Ipudyakova@yandex.ru)

FEATURES OF LEGAL REGULATION OF TOURISM IN RUSSIA IN THE CONTEXT OF THE COVID-19 PANDEMIC

The article provides a brief analysis of the documents approved by the government of the Russian Federation in 2020 to support the tourism industry in the context of the coronavirus pandemic. Examples of judicial practice before and after the adoption of relevant state decisions are given.

Keywords: *tourism, pandemic, COVID-19, coronavirus, coronavirus infection, travel companies, tour operator, travel agent, claim, judicial practice.*

ИНФОРМАТИКА. ТЕХНОЛОГИИ

УДК 004.056

Р.В. Глаголев, канд. с.-х. наук., доцент, ФГБОУ ВО «Курский государственный университет» (Курск), (e-mail: r.glagolev1974@yandex.ru)

С.Г. Новиков, канд. техн. наук, доцент, ЧОУ ВО «Региональный открытый социальный институт» (Курск), (e-mail: novikov.s.46@mail.ru)

МОДЕЛИРОВАНИЕ ХАРАКТЕРИСТИК НАРУШИТЕЛЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ НА ОБЪЕКТЕ КОММЕРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В статье рассмотрены общие принципы характеристики нарушителя информационной безопасности на объекте коммерческой деятельности. Знание рассмотренных принципов позволяет построить модель поведения злоумышленника и провести организованные мероприятия по снижению угроз на объекте.

Ключевые слова: нарушитель информационной безопасности, модель поведения, организационные мероприятия в сфере информационной безопасности.

Принцип построения образа злоумышленника – нарушителя целостности информационного массива данных, по своей сути – это набор многократно выявленных, неоднократно повторяющихся характеристик одного или более нарушителей целостности данных, их профессиональном уровне, а так же технических и материальных возможностях [1].

Адекватно разработанная концепция поведения злоумышленника стала основой построения эффективной системы защиты данных. Руководствуясь рассматриваемыми принципами, можно формировать активную систему, предотвращающую нарушение основных характеристик конфиденциальных данных.

Целесообразно создавать неформальный портрет потенциального атакующего, учитывающий причины к побуждению рассматриваемых действий, его практические навыки, уровень подготовки, очевидные цели, приоритеты, вероятные пути реализации поставленных задач: особенности исходящих от него угроз, предполагаемый характер кибератаки, возможную стратегию. При любых условиях достижения существующих целей нарушитель должен контролировать временные и финансовые ресурсы [2].

Идентификация перечисленных факторов позволяет использовать превентивные меры по снижению уровня прогнозируемого воздействия, провести корректировку организационной работы и технической защиты данных на вверенном объекте.

Если, всё-таки атака была успешной, и имел место так называемый взлом информационной системы объекта, необходимо дополнительно исследовать атакующего как субъекта угрозы. Чаще всего побуждающими факторами являются пробелы в техническом обеспечении защиты, которые и провоцируют атаку, в таких условиях атакующий видит не только перспективу хищения или преобразования информации, но и потенциальную возможность остаться не замеченным – замаскировать электронный след. Ликвидация побуждающих стимулов, посредством внедрения эффективных программно-аппаратных средств технической защиты данных, в дальнейшем исключает дублирования аналогичного случая.

Не следует останавливаться на конкретном образе злоумышленника, целесообразно проработать несколько сценариев действий в отношении различных типов потенциальных злоумышленников, угрожающих целостности вашей информационной системы.

Поведение того или иного типа злоумышленника прогнозируется на основе данных, которые в первую очередь характеризуют собственную информационную систему и организацию системы безопасности на объекте. Дополнительными являются данные, собранные сотрудниками отделов информатизации в соответствии с их компетенцией, в частности трафик, количество запросов к системе, повышенный уровень активности и т.д. Немаловажно учитывать особенности работы кадровых служб, а также информацию,

собрannую службами безопасности объекта, если таковые имеются. Инициировать атаку на информационные системы может рост конкурентоспособности организации и ситуация на рынках.

Прогнозировать реальные технические ресурсы злоумышленника, которые будут им применены для атаки, является достаточно сложной задачей, которая решается, только при наличии массива статистических данных и возможности их обработки. Под техническими ресурсами понимается совокупность программно-аппаратных средств, которые находятся в распоряжении злоумышленника в процессе совершения кибератаки на защищаемый объект [3].

Нарушителей традиционно разделяют на внутренних и внешних, достаточно часто эта граница является размытой.

Формально в число внутренних следует включать:

- руководителей среднего звена обладающих знаниями в сфере ИТ, а так же лиц обслуживающих информационную систему;
- системных администраторов;
- прикладных и системных программистов;
- специалистов служб безопасности;
- технический персонал организации, включая разнорабочих и инженеров по обслуживанию;
- временно принятых сотрудников.

В качестве основных мотивов, побуждающих указанные категории к совершению рассматриваемых противоправных действий, следует рассматривать:

- низкие морально-этические поведенческие особенности;
- непрофессионализм системных администраторов и ошибки рядовых пользователей;
- самоутверждение;
- борьба против существующей «системы»;
- меркантильные интересы;
- несовершенство технических средств и технологий.

Инициировать действия внутренних нарушителей могут:

- клиенты;
- часто проходящие посетители;
- представители конкурирующих организаций;

• сотрудники силовых структур, как государственного, так и коммерческого сектора;

• наблюдатели за пределами контролируемой зоны.

Существуют и иные подходы к классификации.

Привлекаемые методы и средства атаки [1]:

- сбор информации и данных;
- пассивные средства перехвата;
- несовершенство технических и программных средств защиты;
- использование тестирующих утилит, внедрение вредоносного софта, несанкционированное подключение к каналам передачи данных.

В таблице 1 приведены основные типы и характеристики злоумышленников, включая внутренние угрозы.

Профессиональный уровень злоумышленника по рассматриваемой компетенции градируется:

- наличие базовых знаний о практике создания и наладки сетей, доскональные знания в области особенностей операционных систем, использование штатного набора программ, предназначенных для пентеста;
- продвинутый уровень подготовки в области сетевых и информационных технологий, наличие опыта работы со специализированным софтом, использование низовых языков программирования;
- знания разработчика в области программирования и эксплуатации вычислительных систем, работы распределенной ЭВМ;
- обладание данными о реализуемых механизмах защиты атакуемой системы;
- злоумышленник – один из разработчиков системы обеспечения защиты информации на объекте.

Временной период активации угрозы:

- процесс обработки информации, до передачи данных;
- в период передачи данных;
- в процессе хранения и восстановления информации.

По локации проведения атаки:

- удаленно с перехватом данных в процессе передачи;
- нахождение в контрольной зоне;
- непосредственный доступ к ЭВМ и системе защиты информации на объекте.

Таблица 1

Сравнительная характеристика нескольких моделей злоумышленника

Характери-стика	Атакующий-одиночка	Группа атакующих	Конкуренты	Госструктуры, спецподразде-ления
Ресурс техниче-ских средств	Низкий	Привлечение ресур-сов распределенных ЭВМ	Использование ресурса вычисли-тельных сетей	Использование ресурса вычисли-тельных сетей
Доступ к каналам передачи инфор-мации	Типовой	Привлечение каналов с высокой пропуск-ной способностью	Каналы с высокой пропускной способ-ностью	Контроль трафика сети Интернета (в deer зоне не имеют преимуществ)
Финансовые возможности	Чаше ограничены	Ограничены	Пропорционально цели	Неограниченные
Уровень знаний в области IT	Возможен высокий	Высокий	Продвинутый	Претендуют на высокий
Используемые технологии	Готовые програм-мы, известные уязвимости, ис-пользование недо-работок в операци-онной системе	Тест новых уязвимо-стей, изготовление вредоносных про-грамм	Передовые методы проникновения в информационные системы и воздей-ствия на потоки данных в ней	Возможность широкого приме-нения инсайдерской информации о системе объекта атаки

Таким образом, становится очевидно, что усиление кадровой работы с персоналом во многом позволяет предотвратить побужде-ния сотрудников организации к участию в организованной кибератаке на информацион-ное пространство организации.

Список литературы и источников:

1. Марков, А.С. Модели оценки и планирования испытаний программных средств по требованиям безопасности инфор-мации [Текст] / А.С. Марков // Вестник МГТУ им. Н.Э. Баумана. Сер. «Приборостроение». – 2017. Специальный выпуск «Технические

средства и системы защиты информации». – С. 90-103.

2. Хомяков, И.В. Концепция элемен-та системы защиты критически важного объ-екта [Текст] / И.В. Хомяков // Безопасность информационных технологий. – 2016. – № 1. – С. 51-57.

3. Шивдяков, Л.А. Некоторые онто-логические аспекты проблемы обеспечения безопасности информации в критически важ-ных системах информационной инфраструкту-ры [Текст] / Л.А. Шивдяков, С.В. Соловьев, Ю.К. Язов // Информация и безопасность. – 2017. – Т. 13. – № 3. – С. 411-414.

R.V. Glagolev, Candidate of Science, Docent, Kursk State University (Kursk), (e-mail: r.glagolev1974@yandex.ru)

S.G. Novikov, Candidate of Science, Docent, Regional Open Social Institute (Kursk), (e-mail: novikov.s.46@mail.ru)

MODELING OF INFORMATION SECURITY VIOLATOR CHARACTERISTICS AT COMMERCIAL ACTIVITY SITE

The article considers the general principles of characterizing the violator of information security at the object of commercial activity. Knowledge of the discussed principles allows you to build a model of behavior of an attacker and conduct organized activities to reduce threats at the site.

Keywords: information security violator, behavior model, organizational measures in the field of infor-mation security

УДК 631.44.4

С.Г. Новиков, канд. техн. наук, доцент, ЧОУ ВО «Региональный открытый социальный институт» (Курск), (e-mail: novikov.s.46@mail.ru)

В.В. Малихин, канд. техн. наук, доцент, ФГБОУ ВО «Юго-западный государственный университет» (Курск), (e-mail: malykhin1946@mail.ru)

М.Д. Будылина, магистрант, ФГБОУ ВО «Курский государственный университет» (Курск), (e-mail: marina563767@yandex.ru)

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ УПРУГО-ПРОЧНОСТНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК МЕЛИОРАТИВНЫХ ПЛОСКОСВОРАЧИВАЕМЫХ ТРУБОПРОВОДОВ

В статье приводятся экспериментальные физико-механические характеристики различных композиционных материалов гибких бесшовных или усиленных шовных трубопроводов для орошения сельскохозяйственных культур.

Ключевые слова: тканевый каркас, полимерные покрытия, деформация, плоскосворачиваемый трубопровод, упруго-прочностные характеристики, орошение, водные ресурсы.

Объем водопотребления в России на орошения, обводнения пастбищ, сельскохозяйственное водоснабжение, реабилитацию малых рек снизился за последние 20 лет (с 2000 по 2019 гг.) с 12,6 млрд. м³ до 7,2 млрд. м³ (на 42,9%). Особенно остро стоят вопросы водопользования в маловодном 2020 году в бассейнах Дона, Кубани, Терека.

Старение водохозяйственного комплекса России, низкое финансирование работ по содержанию и ремонту привели к тому, что потери воды от водозабора до орошаемых массивов в Российской Федерации составляют 50 % и более.

Экономия водных ресурсов может быть достигнута за счет применения плоскосворачиваемых трубопроводов повышенной прочности, к которым относятся бесшовные трубопроводы или с усиленным технологическим швом, что обеспечивает совершенствование поливов за счет эффективности распределения воды по орошаемой площади.

Исходя из предъявляемых технических требований и условий эксплуатации, были проведены различные физико-механические испытания тканевых каркасов, полимерных плёночных покрытий, наносимых на каркас, и трубопроводов с этими герметизирующими и защитными покрытиями.

Массы 1м², плотности нитей по основе и утку, прочностные и деформационные характеристики тканевых каркасов и гибких трубопроводов при кратковременном нагружении материалов определены по стандартным методикам на полосках тканей и трубопроводов по основе и утку размером 50 x 200 мм на испытательной машине FM 1000 [1].

Образцы закреплялись в верхнем и нижнем зажимах прибора, затем начинали растягиваться с постоянной скоростью. При этом фиксировались растягивающие усилия и соответствующие им деформации, что дало возможность построить диаграммы «Нагрузка – относительная деформация» и проанализировать полученные результаты. Определены средние арифметические величины после испытания не менее трёх образцов.

На основании теоретических прочностных исследований были подобраны армирующие ткани гибких трубопроводов.

Для изготовления бесшовного каркаса (поставлен ГСКБ по ирригации г. Ташкент) применялась ткань с основой и утком из капроновых нитей № 34,5/2 в два конца, переплетение нитей полотняное.

Армирующим материалом усиленных шовных трубопроводов являлась ткань ТК-100.

При изготовлении бесшовных поливных трубопроводов использовались каркасы как непропитанные, так и пропитанные специальными латексно-резорцинформальдегидными составами на основе латекса ДМВП-10Х.

Предварительная пропитка осуществлялась с целью исследования адгезионных свойств герметизирующего покрытия к капроновому каркасу. Для улучшения адгезии была пропитана этими же составами и ткань ТК-100. Проведены исследования влияния предварительной пропитки на упруго-прочностные характеристики тканей каркасов гибких трубопроводов.

На основании этих данных построены диаграммы «Усилие-относительная деформация».

Анализ показал, что пропитка незначительно улучшает упругопрочностные характеристики ткани по основе и существенно снижает их по утку. Это объясняется тем, что при осуществлении процесса пропитки происходит вытяжка ткани по основе и усадка её по утку. Увеличение длины пропитанной ткани происходит из-за того, что вытяжка идёт в основном за счет остаточного удлинения ткани; заполнение же ткани латексно-резорцинформальдегидной смесью механически препятствует возврату упругих растяжений [2].

Пропитка увеличивает массу каркасов и их жёсткость.

При изготовлении трубопроводов следует, анализируя их деформационно-прочностные характеристики и прочность связи герметизирующего покрытия с тканевым каркасом, по возможности, избегать предварительную пропитку ткани каркаса или же предусматривать вопрос уменьшения усадки материала. Это достигается, например, термообработкой каркаса горячим воздухом под натяжением или замочкой в горячей воде с последующим отжимом. Термообработка под натяжением каркасов перед пропиткой позволит стабилизировать размеры трубопроводов в процессе их изготовления и при дальнейшей эксплуатации [6].

Прочностные характеристики по утку существующей мелиоративной ткани для изготовления серийных шовных трубопроводов значительно ниже характеристик тканей, которые были использованы для изготовления каркасов, рассчитанных на избыточное давление до 0,1 МПа. Упомянутая мелиоративная ткань не может быть применена для производства гибких бесшовных трубопроводов к поливной машине ППА-165УМ.

При выборе ткани для изготовления бесшовных каркасов плосковорачиваемых трубопроводов предпочтение должно отдаваться более лёгким и равнопрочным тканям по основе и утку.

Для изготовления бесшовных каркасов рекомендуется применять ткань, разработанную ГСКБ по ирригации [3-5].

Физико-механическим испытаниям подвергались усиленный шовный и бесшовные

трубопроводы с полимерными покрытиями следующих видов:

- одностороннее эмульсионное покрытие на основе водных полиуретанов;
- одностороннее покрытие на основе органических полиуретанов;
- одностороннее латексное покрытие;
- двустороннее латексное покрытие и внешнее защитное из полиуретанового лака;
- двустороннее латексное покрытие и внешнее защитное на основе водных полиуретанов (каркас предварительно пропитан латексно-формальдегидными составами).

Герметизирующие покрытия были нанесены различными способами по специально разработанным технологиям на бесшовный капроновый каркас.

Ткань ТК –100 усиленного шовного трубопровода обрезаема с двух сторон.

Упругопрочностные зависимости приведены на рисунках 1 и 2.

Анализ экспериментальных данных подтверждает, что деформации трубопроводов по основе и утку значительны. Кривые растяжения при сравнительно небольших усилиях отклоняются от прямой линии закона Гука, зависимость между усилиями и деформациями за пределами пропорциональности носит уже нелинейный характер. Закон Гука для этих тканей даже при малых усилиях следует заменять нелинейным законом упругости.

При определении прочностных характеристик трубопроводов обязательно следует учитывать растяжимость их материалов. Кроме того, материалы герметизирующих покрытий и технология их нанесения на тканевый каркас существенно влияют на зависимости нагрузка-деформация трубопроводов. Это необходимо иметь в виду при их проектировании и изготовлении. Образцы всех видов трубопроводов были доведены до разрыва. Разрыв образцов происходил по утку при избыточном давлении 0,10-0,135 МПа, что подтвердило правильность выбора материалов армирующих каркасов. Характер разрывов некоторых образцов трубопроводов с различными покрытиями показан на рисунке 3. В случае эксплуатации трубопроводов под большим избыточным давлением следует увеличивать прочность уточных нитей каркасов.

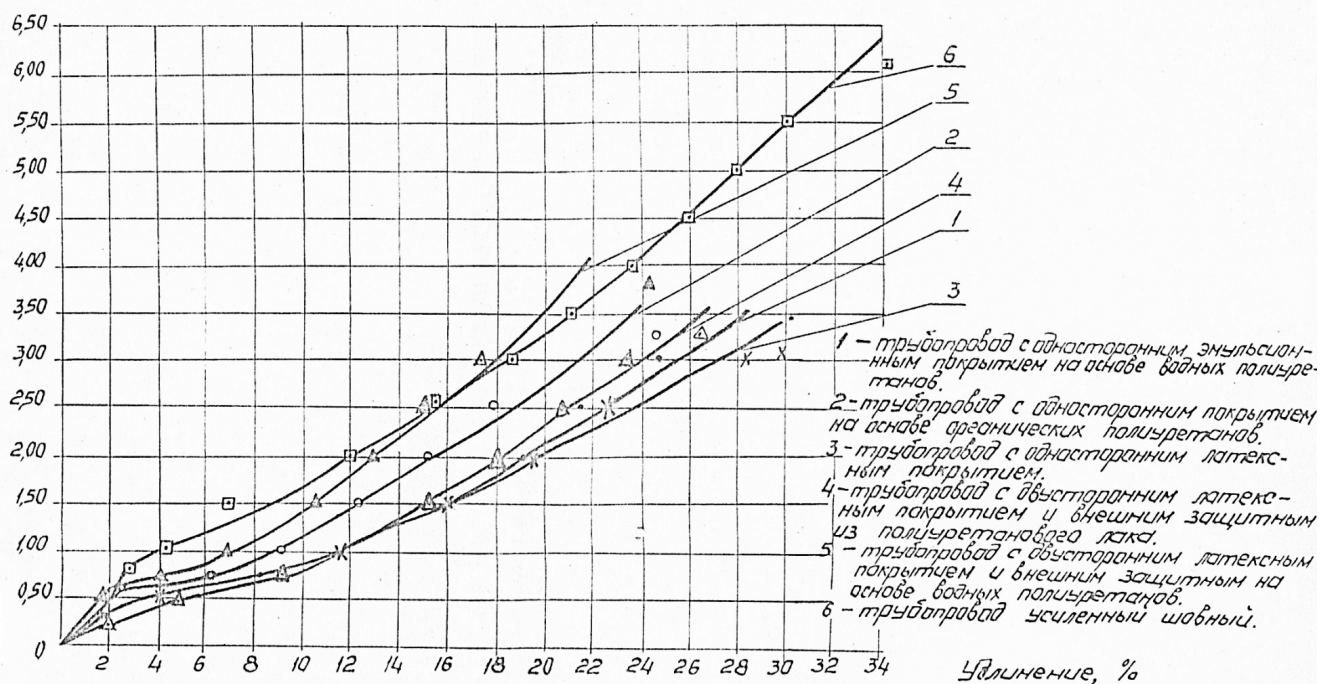

Рисунок 1 – Прочностные характеристики трубопроводов по основе (полоска 50×200 мм).

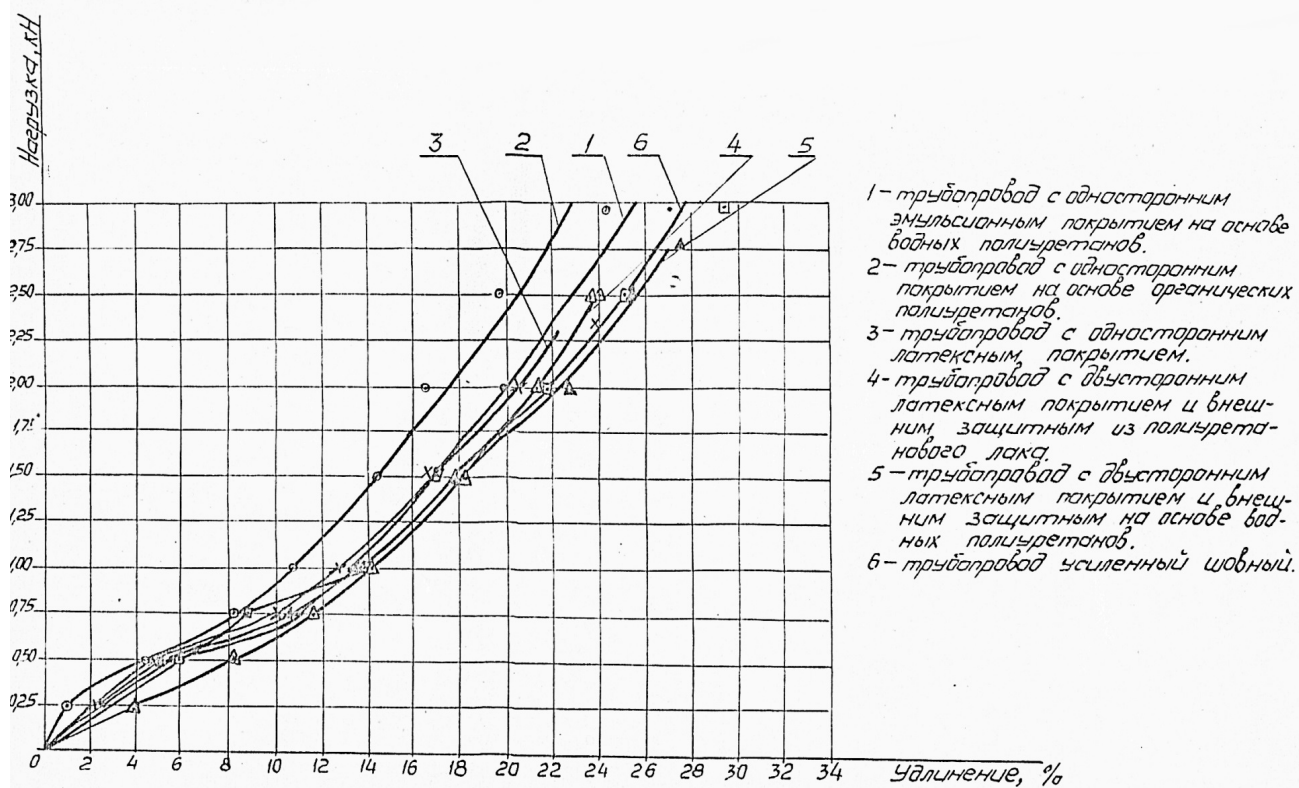

Рисунок 2 – Прочностные характеристики трубопроводов по утку (полоска 50×200 мм).

- 1 – усиленный шовный трубопровод;
- 2 – трубопровод с односторонним покрытием на основе органических полиуретанов;
- 3 – трубопровод с двусторонним латексным покрытием и внешним защитным на основе водных полиуретанов (каркас предварительно пропитан латексноформальдегидными составами);
- 4 – трубопровод с двусторонним латексным покрытием.

Рисунок 3 – Характер разрывов образцов трубопроводов с различным покрытием

Выводы:

1. Комплекс проведенных физико-механических исследований показал, что изготовленные по предложенным технологиям плосковорачиваемые трубопроводы всех видов обеспечили необходимые характеристики.

2. Техническим требованиям по прочностным, экономическим и технологическим показателям в большей степени удовлетворяет трубопровод с двусторонним латексным покрытием.

3. Анализ результатов экспериментов подтверждает, что кривые растяжения трубопроводов при сравнительно небольших усилиях отклоняются от прямой линии и за пределами пропорциональности носят нелинейный характер. При определении прочностных характеристик трубопроводов обязательно следует учитывать растяжимость материалов, т.к. их деформации по основе и утку значительны.

4. Предварительная пропитка армирующих каркасов, материалы полимерных

покрытий и технология их нанесения на тканевый каркас существенно влияют на зависимости нагрузка-деформация трубопроводов.

Список литературы и источников:

1. ГОСТ 3810-72 и др. Ткани и штучные изделия текстильные. Методы испытаний; [Сборник]. – М.: Изд-во стандартов, 1982.– 22с.- Содерж.: ГОСТ 3810-72-ГОСТ 3813-72.

2. Лепетов В.А. Резиновые технические изделия.–М.-Л.: Химия, 1985. – 472с.

3. Новиков С.Г. Разработка гибких мелиоративных трубопроводов из полимерных материалов для поверхностного полива: дисс...канд. техн. наук: 06.01.02/С.Г. Новиков.– Курск, 1992.–286 с.

4. Новиков С.Г., Малыхин В.В. и др. Повышение надежности поливных плосковорачиваемых трубопроводов // Материалы и упрочняющие технологии – 2011: сб. материалов XVIII Рос. науч.- техн. конф. с международным участием/редкол.: В.Н. Гадалов [и

др.]; Юго-Зап. гос. ун-т. – Курск, 2011.– С.82-87.

5. Промышленная безопасность гибких трубопроводов из композиционных материалов: монография / сост. С.Г. Новиков: Курский институт социального образования (филиал) РГСУ.– Курск, 2012. –160 с.

6. Разработка гибких высоконапорных шлангов для МГД - генераторов и пожарных рукавов из новых видов сырья с целью повышения их эксплуатационных свойств: Отчет о НИР/ЦНИИЛВ; Рук. В.И.Ходырев. - РГ 61024776; инв. №0265.0047789. – М,1994. –62с.

S.G. Novikov, Candidate of Science, Docent, Regional Open Social Institute (Kursk), (e-mail: novikov.s.46@mail.ru)

V.V. Malykhin, Candidate of Science, Docent, Southwestern State University (Kursk), (e-mail: malykhin1946@mail.ru)

M.D. Budylna, graduate student, Kursk State University (Kursk), (e-mail: marina563767@yandex.ru)

EXPERIMENTAL STUDIES OF ELASTIC-STRENGTH CHARACTERISTICS OF RECLAMATION PLANE PIPELINES

The article presents the experimental physical and mechanical characteristics of various composite materials of flexible seamless or reinforced seam pipelines for irrigation of crops.

Key words: fabric frame, polymer coatings, deformation, flat-rolled pipeline, elastic-strength characteristics, irrigation, water resources.

УДК 615.33:577.181.5

А.А. Кролевец, д-р хим. наук, профессор, ЧОУ ВО «Региональный открытый социальный институт» (Курск), (e-mail: a_krolevets@inbox.ru)

В.Ю. Худякова, магистр биотехнологии, микробиолог ЗАО «Завод премиксов №1» (Белгород), (e-mail: vik99098892@yandex.ru)

К.М. Семичев, магистрант, ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет» (Белгород)

Е.М. Мамаева, студентка, ЧОУ ВО «Региональный открытый социальный институт» (Курск), (e-mail: lizappplol@gmail.com)

НАНОСТРУКТУРИРОВАННЫЙ СУХОЙ ЭКСТРАКТ ЛЕВЗЕИ И ЕГО ИСПОЛЬЗОВАНИЕ В КАЧЕСТВЕ ПЕРСПЕКТИВНОГО ПРЕПАРАТА ДЛЯ ЛИКВИДАЦИИ ТРАНСПОРТНОГО СТРЕССА У ЖИВОТНЫХ

В работе впервые представлены наноформы сухого экстракта левзеи, изучены их свойства. Так, было показано, что размер наноструктурированного сухого экстракта левзеи существенно зависит от соотношения ядро:оболочка и уменьшается от соотношения 1:1 до 1:3. При этом, коэффициент полидисперсности выделяется при соотношении 1:2 и составляет 2,21, что говорит о форме нанокapsул, близкой к шару. В то же время данные самоорганизации говорят о том, что образование нанокapsул происходит спонтанно за счет нековалентных взаимодействий, и для них характерна самосборка. Представленные структуры являются упорядоченными, значит, они обладают самоорганизацией. Следовательно, инкапсулированный полимерной оболочкой экстракт левзеи обладает супрамолекулярными свойствами. Учитывая, что размер нанокapsул во всех соотношениях в альгинате натрия составляет 234-270 нм, они могут использоваться в качестве препарата для животных при транспортном стрессе.

Ключевые слова. Нанотехнология, экстракт левзеи, самоорганизация, метод NTA.

Введение. Важнейшей задачей нанобиотехнологии является создание средств доставки терапевтических препаратов в определенные типы клеток. А также использование в качестве лекарственных средств плохорастворимых веществ после перевода их в наноразмерное состояние. Также возможен переход в наноформу и лекарственных растений, а именно их экстрактов [5, 8].

По сравнению с синтетическими лекарственными средствами, лекарства из растений не так ярко обладают фармакологической активностью. Но не исключено, что при переводе их в наноформу они будут обладать более выраженным действием. Это может быть связано с тем, что при переходе от макро- к наноразмерам происходят изменения физико-химических свойств различных соединений, и на их основе могут быть получены различные наносистемы [6].

Научная новизна настоящей работы заключается в том, что выбранный нами экстракт растения левзеи является малоисследованным, а перевод его в наноформу не исследован вообще.

Левзея сафлоровидная, или Рапонтicum сафлоровидный, или Большого-

ловник сафлоровидный, или Стемаканта сафлоровидная, или Маралий корень (лат. *Rhaponticum carthamoides*) – принадлежит роду Левзея (лат. *Rhaponticum* или *Leuzea*) семейства Сложноцветные или Астровые (лат. *Asteraceae*, или *Compositae*). Это растение распространено по большей части в Евразии, численность рода около 20 видов [2].

Первые достоверные сведения о лечебных свойствах растения относятся ко второй половине XIX века. Маральим корнем растение называли местные жители, заметившие, что осенью во время брачного периода олени-маралы выкапывают и поедают его корни. А после поедания корней олени могли дни и ночи напролет участвовать в битвах за самку и спариваться. В дальнейшем люди тоже начали использовать это растение при упадке сил, для укрепления сил выздоравливающих больных и стариков. В народной медицине Алтай маралий корень использовали не менее 200 лет, но впервые сведения о нем собрал в 1879 году этнограф Г.Н. Потанин [4].

Левзея – это лекарственная трава, которая помогает улучшить иммунитет, снимает утомляемость и слабость, помогает бороться со слабостью и истощением, а также набраться

сил пациентам, перенесшим какое-либо заболевание.

Препараты на основе маралиевого корня обладают тонизирующим, возбуждающим, общеукрепляющим, стимулирующим действиями в целом на организм человека. Содержащиеся в подземных органах левзеи фитогормоны оказывают благотворное действие на обмен веществ. Левзея сафлоровидная имеет адаптогенное и психостимулирующее свойства – повышает устойчивость к неблагоприятным факторам, оказывает уникальное действие на импотенцию, регулирует артериальное давление у гипотоников, нормализует количество гемоглобина и эритроцитов в крови. Масло левзеи обладает антисклеротическим эффектом, повышает остроту зрения при усталости и переутомлении, а также обезболивающим действием при невротической головной боли, неврозах сердца, спазмах органов пищеварения. Кроме того, масло левзеи влияет на психоэмоциональное состояние: снимает сильное возбуждение, переутомление, устраняет депрессию, способствует концентрации внимания, повышает умственную и физическую активность, стимулирует творческий потенциал, общение и риторику [9,10].

В научной медицине экстракт левзеи применяется в качестве стимулирующего средства при функциональных расстройствах центральной нервной системы, общеукрепляющего и тонизирующего – при умственном, физическом переутомлении и пониженной работоспособности. Наибольший эффект экстракт левзеи сафлоровидной проявляет как психостимулирующее средство при лечении больных с повышенной раздражительностью и утомляемостью, головной болью, бессонницей, сопровождающейся плохими снами, пониженным аппетитом, плохим настроением, сниженной половой активностью, различными вегетососудистыми нарушениями, при восстановлении сил в период выздоровления. Отвары и экстракты левзеи сафлоровидной полезны при общей слабости, они повышают работу сердца, стимулируют сокращения поперечно-полосатых мышц, расширяют периферические кровеносные сосуды, увеличивают скорость кровотока, положительно влияют на артериальное давление (увеличивают амплитуду сердечных сокращений, повышают артериальное давление), повышают работоспособность, ускоряют заживление ран. Мед левзеи сафлоровидной широко используется в гинекологической практике, а также рекомендуется при вегетососудистой дистонии [7, 11].

В 1987 г. Ж.М. Лен, один из основателей супрамолекулярной химии, использовал термины «самоорганизация» и «самосборка» для описания явлений упорядочения в системах высокомолекулярных соединений при равновесных условиях, в частности образование ДНК. Сам Лен определял супрамолекулярную химию как химию молекулярных ансамблей и межмолекулярных связей, т. е. как химию за пределами молекул. Это определение образно, но не совсем точно. Образование межмолекулярных связей не может не влиять на строение молекул, входящих в ансамбль. Известны многие реакции самоорганизации и самосборки за счет различных типов взаимодействия, когда образуются большие молекулы или молекулярные ансамбли. Классическим примером может быть ДНК, а также различные комплексные соединения типа «гость-хозяин». Если процесс происходит в растворе, то это могут быть клатраты или, в более общем смысле, соединения включения. Они могут существовать и в более твердом состоянии, например газовые гидраты. В качестве компонентов могут выступать краун-эфиры, криптоиды, иодатиды, сферолиты, циклодекстрины и т.д. [1].

Следует особенно подчеркнуть, что процессы в супрамолекулярной химии протекают на наноуровне и супрамолекулы имеют наноразмерный масштаб.

Для образования супрамолекулы ее компоненты должны иметь центры связывания с подходящими электрическими характеристиками (например, наличие донора или акцептора, полярность, возможность образования водородной связи, жесткость или мягкость структуры и т.п.). Кроме того, должны отсутствовать стерические препятствия для процессов самосборки супрамолекулы.

В супрамолекулярных структурах важную роль играют водородные связи. Одним из интересных классов супрамолекулярных структур являются дендримеры (каскадные молекулы) – монодисперсные макромолекулы с высокоразветвленной трехмерной структурой. Дендример можно рассматривать как многокомпонентное соединение, вырастающее из центрального ядра подобно дереву. Возможности самосборки супрамолекул практически неисчерпаемы, как неисчерпаемы структуры самообразующихся молекул: капсулы, спирали, супрамолекулярные квадраты, кубы, коробки, дендримерные структуры, координационные наномерные структуры, розеточные структуры и др. На основе различных супрамолекулярных структур конструируют разно-

образные электронные устройства: переключатели, провода, выпрямители, а также различные молекулярные машины, материалы для нелинейной оптики и т.п.

Важную роль в развитии супрамолекулярной химии сыграли биологические системы. Многие синтетические супрамолекулярные системы были получены в рамках биомиметического подхода, т. е. путем подражания структуре или функции более сложных биологических объектов. Началом супрамолекулярной химии можно считать модель Фишера «Ключ в замке», используемую в ферментативном катализе, которая была известна задолго до появления сложных систем типа криптоидов и самособирающихся устройств и систем. Это модель соответствия между формой субстрата (гость) и рецептором (хозяином). Связывание «субстрат–рецептор», часто чрезвычайно селективное, играет в биохимии очень важную роль. Оно обратимо. В значительной степени связывание субстрата часто нужно для индуцирования конформационного изменения рецептора, которое включает биохимический процесс. Это особенно важно для создания модельных систем ферментов, катализаторов различных биохимических процессов.

Изучение образования сложной наноструктуры и ее эволюции в ходе процессов кристаллизации без внешнего воздействия также потребовало описания этих явлений как самоорганизации. Однако в отличие от синергетического подхода эти явления происходят в условиях, близких к термодинамическому равновесию [3,12].

Несмотря на значительное число публикаций по супрамолекулярной химии, природа самоорганизации в супермолекулах и супрамолекулярных кристаллах остается практически неизученной. Эта неопределенность относится даже к терминологии, используемой в супрамолекулярной химии. В первую очередь речь идет о так называемых процессах самосборки и самоорганизации, которые иногда (но далеко не всегда) различают. Термин «самосборка» имеет более широкое содержание. Он включает любые виды спонтанного связывания компонентов с использованием как ковалентного, так и нековалентного взаимодействий. Самоорганизация включает взаимодействие систем, способных к спонтанному возникновению порядка в пространстве и/или во времени, пространственный (структурный) и временной (динамический) порядок как в равновесных, так и в неравновесных диссипативных структурах, затрагивает только нековалентный, супрамолекулярный уровень,

приводит к образованию полимолекулярных ансамблей за счет специфически взаимодействующих актов распознавания молекулярными компонентами друг друга.

Чем выше степень и размерность пространственной организации фрагментов, тем с большим основанием их можно рассматривать как организованные (молекулярные слои, мембраны, мицеллы, коллоиды, жидкие кристаллы, молекулярные кристаллы). Таким образом, самоорганизация включает согласованное взаимодействие между частями и интеграцию этих взаимодействий, обуславливающие коллективное поведение системы (наблюдаемое, например, при фазовых переходах или при возникновении пространственных и временных волн).

В данной работе мы также изучили вопросы самоорганизации наноструктурированного сухого экстракта левзеи.

Материалы и методы исследования.

Исследование самоорганизации микрокапсул проводили следующим образом. Порошок инкапсулированного биополимером левзеи растворяли в воде, каплю наносили на предметное стекло и выпаривали. Высушенную поверхность сканировали методом конфокальной микроскопии на микроспектрометре OmegaScore, производства AIST-NT (г. Зеленоград), совмещенном с конфокальным микроскопом. На этом же приборе получена микрофотография с самоорганизацией, которая представлена на рисунке 1.

Измерения размеров наноструктурированного сухого экстракта Левзеи проводили на мультипараметрическом анализаторе наночастиц Nanosight LM0 производства Nanosight Ltd (Великобритания) в конфигурации HS-BF (высококонтрастная видеокамера Andor Luca, полупроводниковый лазер с длиной волны 405 нм и мощностью 45 мВт). Прибор основан на методе анализа траекторий наночастиц (Nanoparticle Tracking Analysis, NTA), описанном в ASTM E2834.

Оптимальным разведением для разведения было выбрано 1: 100. Для измерения были выбраны параметры прибора: Camera Level = 16, Detection Threshold = 10 (multi), Min Track Length: Auto, Min Expected Size: Auto. Длительность единичного измерения 215s, использование шприцевого насоса (Рис. 3).

Результаты исследования. Как видно из рисунка 1 образование микрокапсул происходит спонтанно за счет нековалентных взаимодействий и это говорит о том, что для них характерна самосборка. Представленные структуры являются упорядоченными, значит,

они обладают самоорганизацией. Следовательно, инкапсулированный полимерной оболочкой экстракт левзеи обладает супрамолекулярными свойствами. Более того, вид и характер самоорганизации позволяет предположить, что данный характер существенно

зависит от природы инкапсулированного биологически активного соединения. Что позволяет говорить о возможности идентификации биологически активных соединений в инкапсулированном виде.

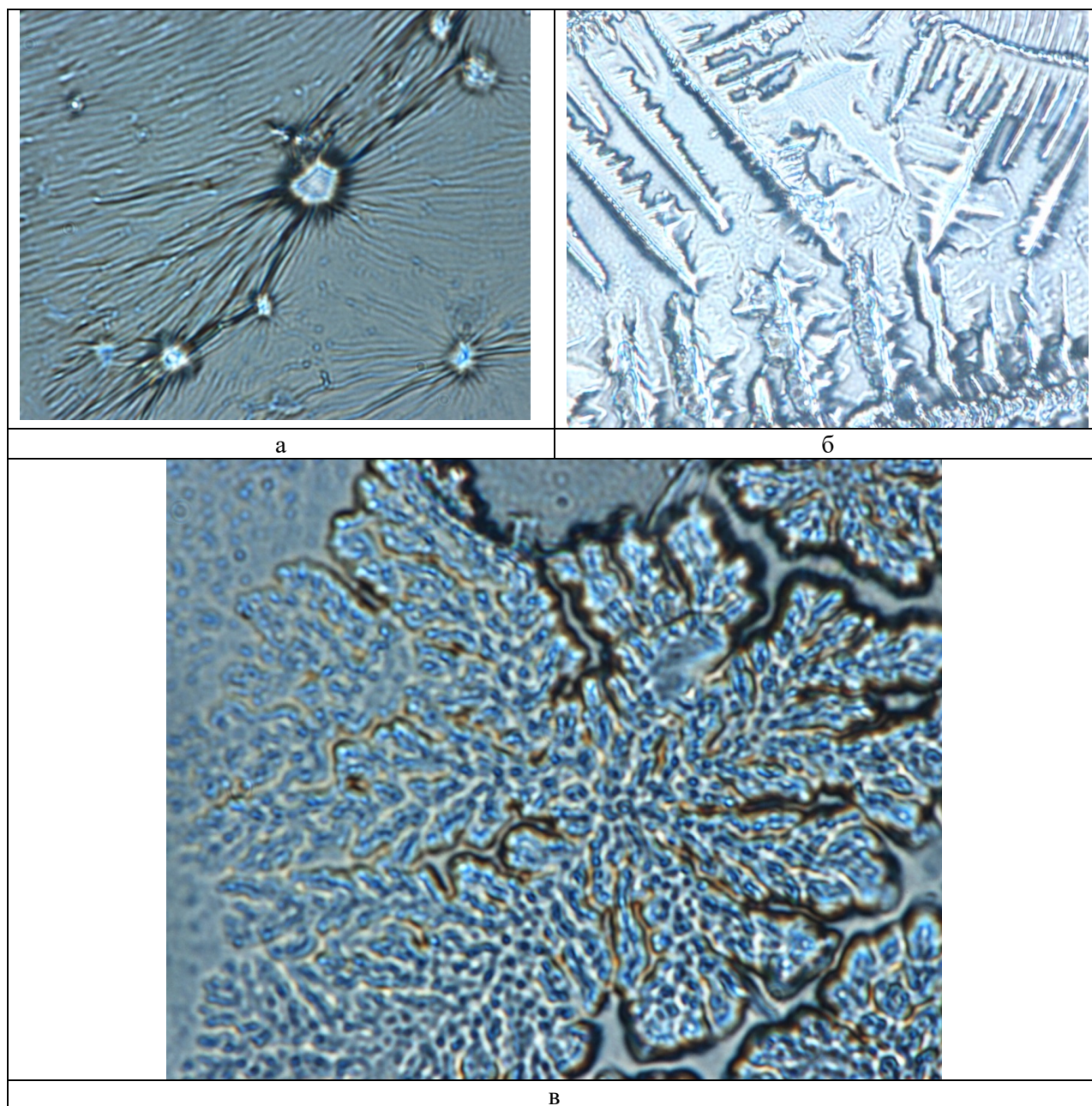

Рисунок 1 – Конфокальное изображение самоорганизации наноструктурированного сухого экстракта левзеи в альгинате натрия: а) соотношение ядро:оболочка 1:1, концентрация 0,25%, увеличение в 400 раз; б) соотношение ядро:оболочка 1:2, концентрация 0,25%, увеличение в 400 раз; в) соотношение ядро:оболочка 1:3 концентрация 0,25%, увеличение в 400 раз.

Как видно из рисунков 2-4, размеры частиц наноструктурированного сухого экстракта левзеи существенно зависят от соотношения ядро: оболочка. Так, при соотношении 1:1 средний размер составляет 234 нм, а при соотношении 1:3 – 253 нм. При этом коэффи-

циент полидисперсности имеет наименьшее значение у соотношения 1:2 и составляет 2,21, что говорит о том, что эта наночастица имеет конфигурацию близкую к шару. А при соотношении 1:1 и 1:3 – конфигурация приближается к эллипсу.

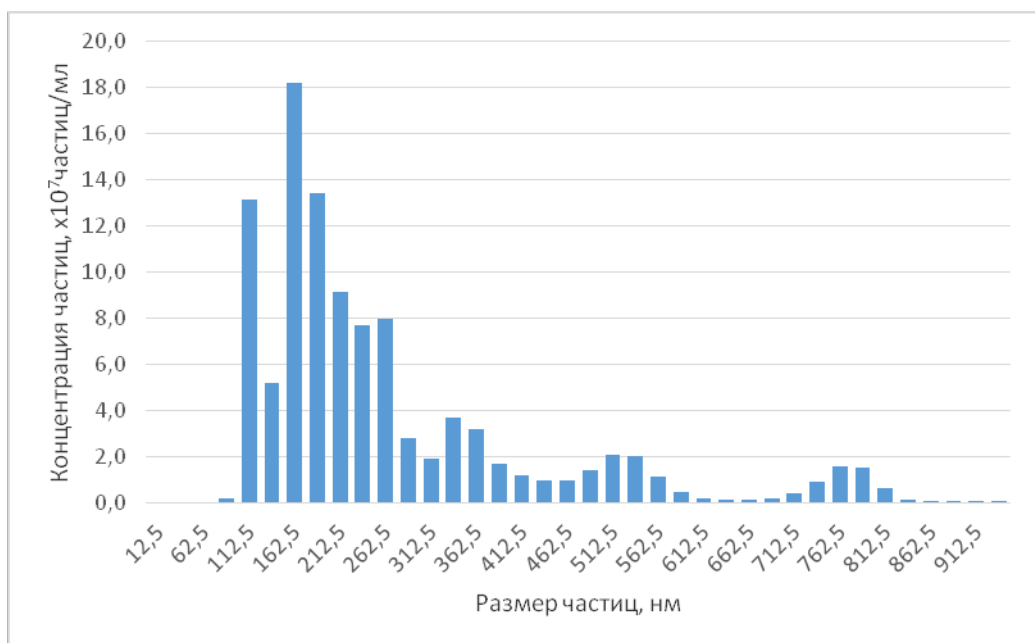

Рисунок 2 – Распределение частиц по размерам в образце нанокapsул сухого экстракта левзеи в альгинате натрия (соотношение ядро:оболочка 1:2)

Таблица 1

Статистические характеристики распределений

Параметр	Значение
Средний размер, нм	270,3
D10, нм	94,6
D50, нм	181,6
D90, нм	496,7
Коэффициент полидисперсности, $(D90-D10)/D50$	2,21
Общая концентрация частиц, 10^{12} частиц/мл	10,50

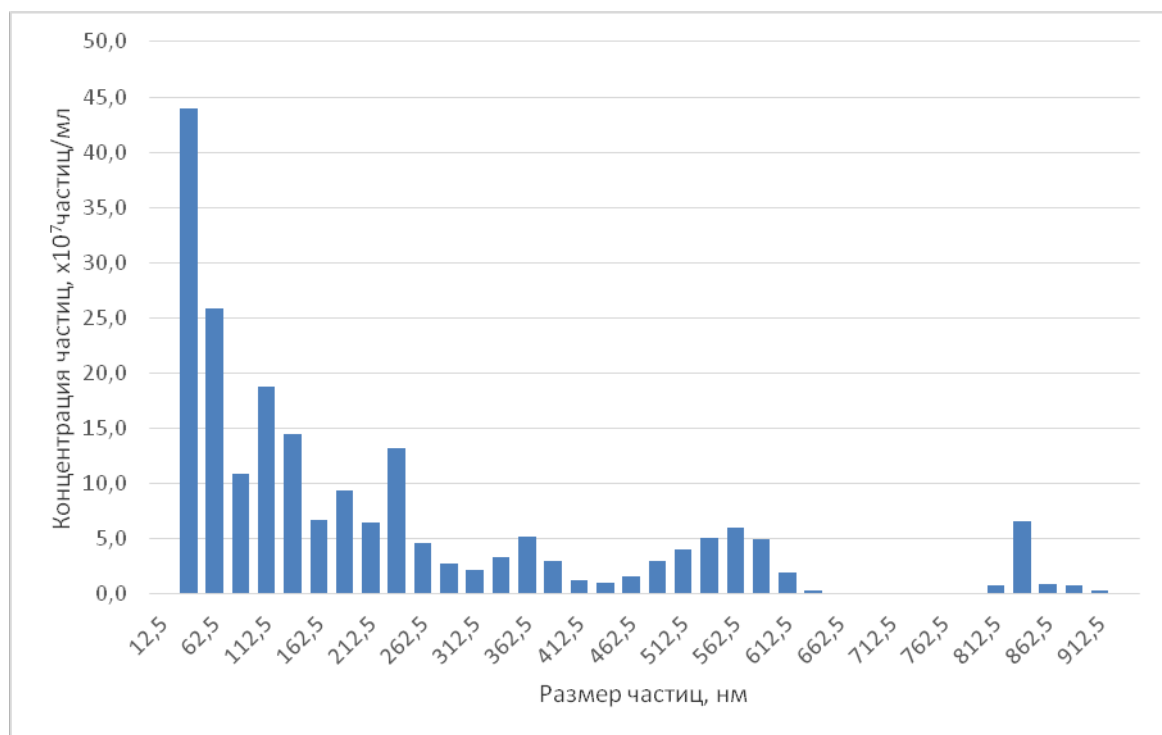

Рисунок 3 – Распределение частиц по размерам в образце нанокapsул сухого экстракта левзеи в альгинате натрия (соотношение ядро:оболочка 1:1)

Таблица 2

Статистические характеристики распределений

Параметр	Значение
Средний размер, нм	234,3
D10, нм	25
D50, нм	111,8
D90, нм	543,9
Коэффициент полидисперсности, (D90-D10)/D50	4,64
Общая концентрация частиц, $\times 10^{12}$ частиц/мл	21,30

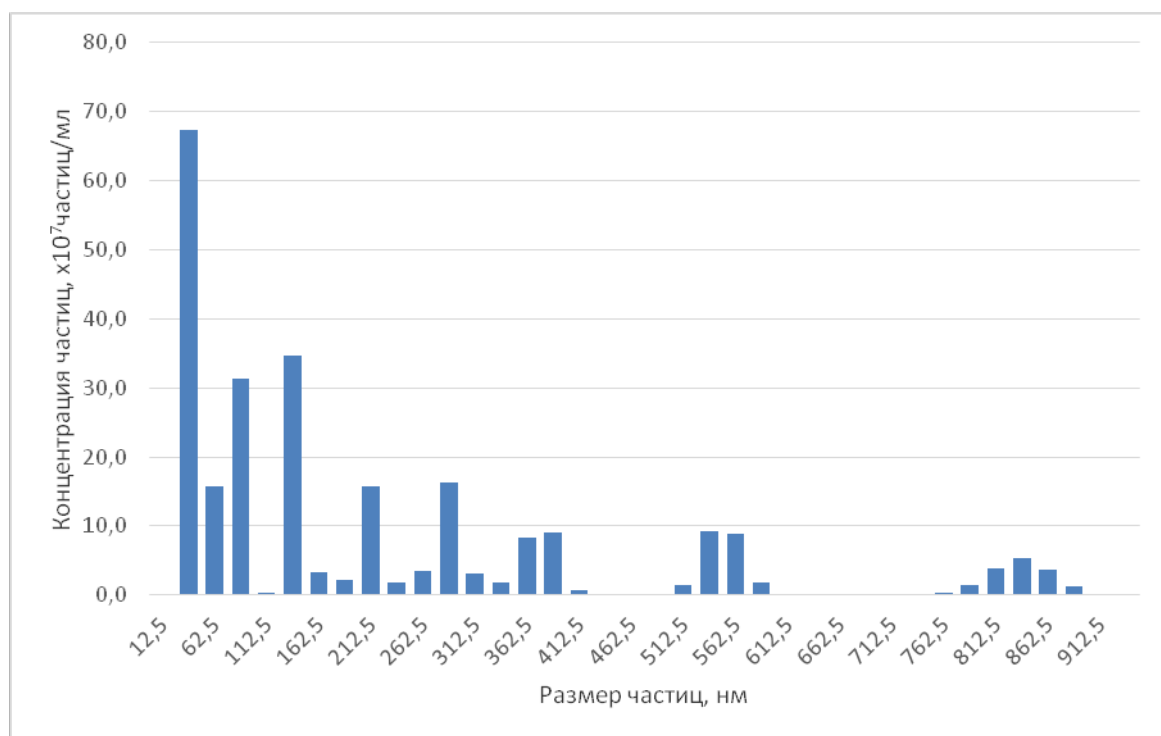

Рисунок 4 – Распределение частиц по размерам в образце нанокапсул сухого экстракта левзеи в альгинате натрия (соотношение ядро:оболочка 1:3)

Таблица 3

Статистические характеристики распределений

Параметр	Значение
Средний размер, нм	253
D10, нм	25
D50, нм	111,8
D90, нм	564,7
Коэффициент полидисперсности, (D90-D10)/D50	4,83
Общая концентрация частиц, $\times 10^{12}$ частиц/мл	26,20

Заключение. В результате проведенной работы были исследованы наноструктурированные сухие экстракты левзеи и показано, что данные препараты по своим характеристикам (размерам наночастиц и биологическим свойствам) вполне могут быть перспективными для использования в качестве ветеринарных препаратов при ликвидации транспортно-го стресса у животных.

Список литературы и источников:

1. Григорьев Ф.В., Романов А.Н., Лайков Д.Н. и др. Методы молекулярного моделирования супрамолекулярных комплексов: иерархический подход // Российские нанотехнологии. – 2010. – №5-6. – С. 47-53.
2. Еленевский А.Г., Соловьева М.П., Тихомиров В.Н. Ботаника. Систематика высших или наземных растений: Учебное пособие

для студентов вузов, обучающихся по специальности «Биология». – М.: Академия, 2004. – 420 с.

3. Зоркий П.М., Лубнина И.Е. Супрамолекулярная химия: возникновение, развитие, перспективы // Вестн. Моск. ун-та. – 1999. – №5. – С. 300-307.

4. Ильина Т.А. Лекарственные растения России: Иллюстрированная энциклопедия. – М.: Эксмо, 2006. – 190 с.

5. Каплун А.П., Краснопольский Ю.М., Швеиц В.И. Липосомы и другие наночастицы как средство доставки лекарственных веществ / А.П. Каплун, Ю.М. Краснопольский, В.И. Швеиц // Биомедицинская химия. – 1999. – 45(№ 1). – С.3-12.

6. Маслов Л.Н. Кардиопротекторные и антиаритмические свойства препаратов *Leuzea carthamoides*, *Aralia mandshurica*, *Eleutherococcus senticosus* / Л.Н. Маслов, Н.В. Гузарова // Экспериментальная и клиническая фармакология. – 2007. – № 6. – С.48-54.

7. Машковский М.Д. Лекарственные средства. – М.: Новая волна, 2012. – 1216 с.

8. Огурцов А. Н. Бионанотехнология: принципы и применение: Учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Биотехнология». – Х.: ХПИ, 2012. – 480 с.

9. Справочник ВИДАЛЬ. Лекарственные препараты в России. – М.: Астра Фарм Сервис, 2011. – 1488 с.

10. Чиков П.С. Лекарственные растения: Учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Фармация». – М.: Медицина, 2002. – 490 с.

11. Bepalov V.G. Anticarcinogenic activity of alpha-difluoromethylornithine, ginseng, eleutherococcus and leuzea on radiation-induced carcinogenesis in female rats / V. G. Bepalov, V. A. Alexandrov, A. L. Semenov // Int. J. Radiat. Biol. – 2014. – № 12. – P. 1191-1200.

12. Rohit K. Rana, Vinit S. Murty, Jie Yu Nanoparticle Self-Assembly of Hierarchically Ordered Microcapsule Structures // Advanced Materials. – 2005. – vol.17. – P. 1145-1150.

A.A. Krolevets, Doctor of Sciences, Professor, Regional Open Social Institute (Kursk), (e-mail: a_krolevets@inbox.ru)

V.Yu. Khudyakova, Master of Biotechnology, Microbiologist, ZAO Premix Plant No. 1 (Belgorod), (e-mail: vik99098892@yandex.ru)

K.M. Semichev, graduate student, Belgorod State National Research University (Belgorod)

E.M. Mamaeva, student, Regional Open Social Institute (Kursk), (e-mail: lizappplol@gmail.com)

NANOSTRUCTURED DRY EXTRACTS OF THE LEVZEI AND ITS EXERCISE AS A PERSPECTIVE PREPARATION FOR THE ELIMINATION OF THE TRANSPORT STRESS IN ANIMALS

In this work, nanoforms of dry extract of Leuzei are presented for the first time, their properties are studied. Thus, it was shown that the size of the nanostructured dry extract of Leuzei substantially depends on the core: shell ratio and decreases from the ratio 1: 1 to 1: 3. At the same time, the polydispersity coefficient stands out at a 1: 2 ratio and amounts to 2.21, which means that the form of nanocapsules is close to a ball. At the same time, these self-organizations suggest the formation of nanocapsules occurs spontaneously due to non-covalent interactions, and this suggests that they are characterized by self-assembly. The presented structures are ordered, which means they possess self-organization. Consequently, the levzeum extract encapsulated in a polymer shell has supramolecular properties. Given that the size of nanocapsules in all ratios in sodium alginate is 234-270 nm, they can be used as a drug for animals under transport stress.

Key words: *Leuzea extract, self-organization, NTA method.*

УДК577.1:619:616.014.4.66

А.А. Кролевцев, д-р хим. наук, профессор, ЧОУ ВО «Региональный открытый социальный институт» (Курск), (e-mail: a_krolevets@inbox.ru)

Е.М. Мамаева, студентка, ЧОУ ВО «Региональный открытый социальный институт» (Курск), (e-mail: lizappplol@gmail.com)

СВОЙСТВА НАНОСТРУКТУРИРОВАННОГО СТРЕПТОЦИДА

В работе приведены данные по изучению наноструктурированного стрептоцида. Показано, что данный препарат обладает супрамолекулярными свойствами и его размеры составляют 160-445 нм. Наноструктурированный стрептоцид может применяться в качестве новой формы антибактериального препарата.

Ключевые слова: наноструктурированный стрептоцид, самоорганизация, метод NTA.

Введение. Стрептоцид – антибактериальный препарат из группы сульфаниламидов. Белый мелкокристаллический порошок слабо-горького вкуса. Слабо растворим в воде (1:170), легко в кипящей воде, трудно – в спирте. По химическому строению представляет собой сульфаниламид.

Сульфаниламид (стрептоцид) – один из первых представителей химиотерапевтических средств группы сульфаниламидов. Обладает широким спектром противомикробного действия. Активен в отношении патогенных кокков, кишечной палочки, шигелл, холерного вибриона, клостридий, возбудителей сибирской язвы, дифтерии, катаральной пневмонии, чумы, а также хламидий, актиномицетов, возбудителей токсоплазмоза. Действует бактериостатически. Механизм действия связан с конкурентным антагонизмом с парааминобензойной кислотой и конкурентным угнетением фермента дигидроптероатсинтетазы. Это приводит к нарушению синтеза дигидрофолиевой, а затем тетрагидрофолиевой кислоты и в результате – к нарушению синтеза нуклеиновых кислот [1].

Стрептоцид нарушает обменный механизм болезнетворных бактерий. Это ухудшает рост, размножение микроорганизмов и приводит к уничтожению инфекции. За счет угнетения жизнедеятельности патогенов у человека нормализуется местная температура, снимается воспаление тканей, ускоряется заживление ран, язв. При лечении акне прыщи вызревают в течение 1-1,5 суток, новые угри не появляются.

Оказывает противомикробное действие по отношению к стафилококкам, стрептококкам, менингококкам, гонококкам, пневмокок-

кам, кишечной палочке, возбудителям дизентерии, трахомы и другим бактериям.

Анализ литературы показывает, что наноформы стрептоцида не известны, что и послужило целью данной работы.

Материалы и методика. Исследование самоорганизации нанокapsул проводили следующим образом. Порошок наноструктурированного стрептоцида растворяли в воде, каплю наносили на предметное стекло и выпаривали. Высушенная поверхность исследовалась на микроскопе «Микромед 3» вар. 3-20. На этом же приборе получена микрофотография с самоорганизацией с увеличением в 400 раз, которая представлена на рисунке 1.

Измерения размеров наноструктурированного стрептоцида проводили на мультипараметрическом анализаторе наночастиц Nanosight LM10 производства Nanosight Ltd (Великобритания) в конфигурации HS-BF (высококонтрастная видеокамера AndorLuca, полупроводниковый лазер с длиной волны 405 нм и мощностью 45 мВт). Прибор основан на методе анализа траекторий наночастиц (Nanoparticle Tracking Analysis, NTA), описанном в ASTM E2834.

Оптимальным разведением было выбрано 1:100. Для измерения выбраны параметры прибора: Camera Level = 16, Detection Threshold = 10 (multi), Min Track Length: Auto, Min Expected Size: Auto, длительность единичного измерения 215s, использование шприцевого насоса.

Результаты исследования.

Как видно из рисунка 1 образование нанокapsул происходит спонтанно за счет нековалентных взаимодействий и это говорит о том, что для них характерна самосборка.

Представленные структуры являются упорядоченными, значит, они обладают самоорганизацией.

На рисунке 1 представлены самоподобные объекты, инвариантные относительно локальных дилатаций, т.е. фракталы. Известно, что фракталы являются естественным заполнением множеств между известными евклидовыми объектами с целочисленными размерностями. Наличие фрактала указывает на возможность получения совершенно другого полимера при практически неизменном составе макромолекулы. Этот «новый полимер» будет иметь другие молекулярные характеристики и отличающуюся надсегментальную структуру.

Фрактальная композиция так же указывает на процесс самосборки и образование нанокapsул. Фрактальная структура образует-

ся путем бесконечного повторения (итерации) какой-либо исходной формы во все уменьшающемся (или увеличивающемся) масштабе по определенному алгоритму, т.е. в соответствии с определенной математической процедурой.

Этот несложный процесс с обратной связью дает поразительно многообразный морфогенез, нередко подобный созданию природных форм.

Таким образом, фракталы характеризуются самоподобием, или масштабной инвариантностью, т.е. единообразием в широком диапазоне масштабов. Одновременно идеи скейлинга, масштабирования, другими словами, масштабной инвариантности в физике полимеров, а также явлениях просачивания (перколяции) развивал П. де Жен (P. De Gennes).

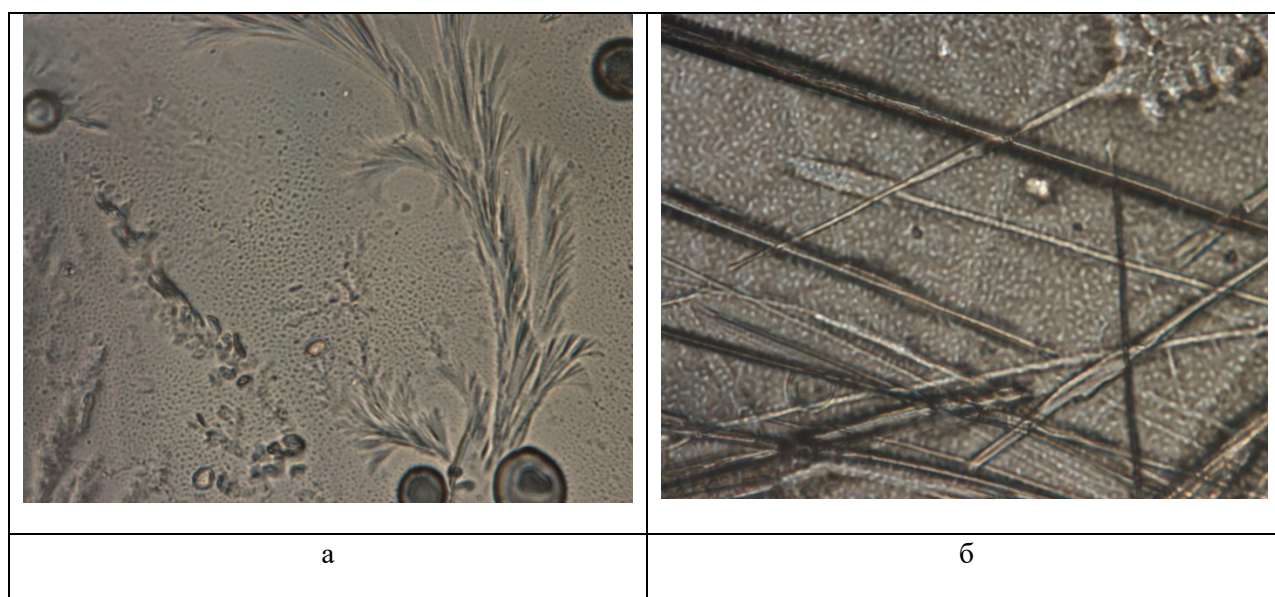

Рисунок 1. Конфокальное изображение наноструктурированного стрептоцида: а) в альгинате натрия, соотношение ядро:оболочка 1:3, концентрация 0,25%; б) в альгинате натрия, соотношение ядро:оболочка 1:3, концентрация 0,5%.

Размеры наноструктурированного стрептоцида в различных оболочках приведены на рисунках 2-7.

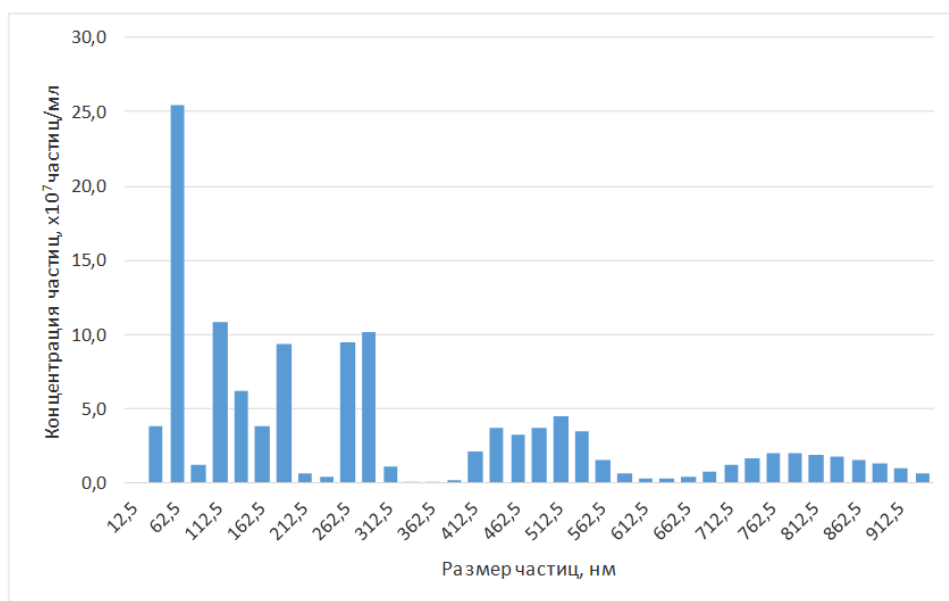

Рисунок 2 – Распределение частиц по размерам в образце нанокapsул стрептоцида в каппа-каррагинане (соотношение ядро:оболочка 1:3)

Таблица 1

Статистические характеристики распределений

Параметр	Значение
Средний размер, нм	344,4
D10, нм	33,9
D50, нм	232
D90, нм	791,9
Коэффициент полидисперсности, (D90-D10)/D50	3,27
Общая концентрация частиц, $\times 10^{12}$ частиц/мл	12,90

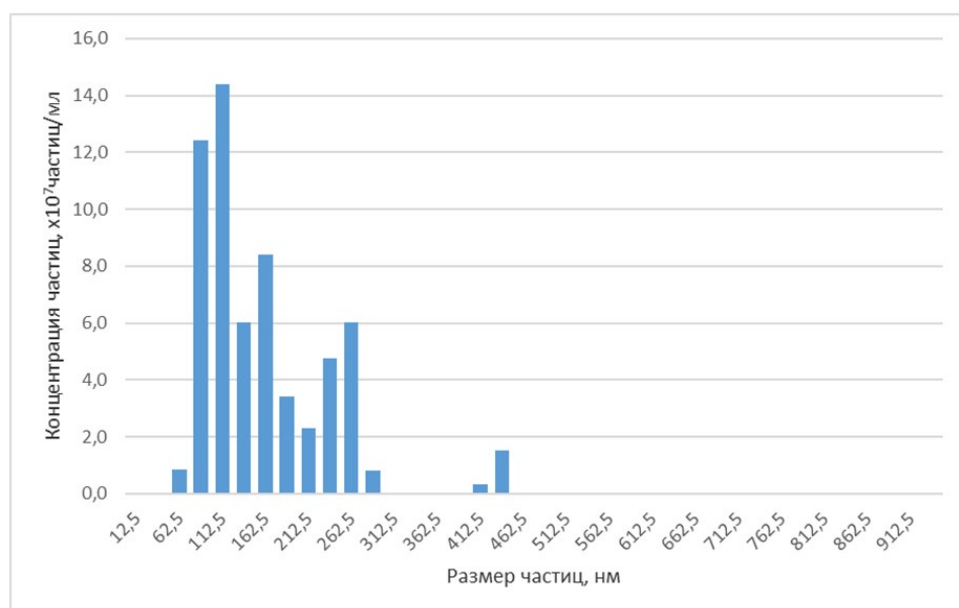

Рисунок 3 – Распределение частиц по размерам в образце нанокapsул стрептоцида в желатиновой камеди (соотношение ядро:оболочка 1:3)

Таблица 2

Статистические характеристики распределений

Параметр	Значение
Средний размер, нм	160,6
D10, нм	60,6
D50, нм	112,3
D90, нм	235,7
Коэффициент полидисперсности, (D90-D10)/D50	1,56
Общая концентрация частиц, $\times 10^{12}$ частиц/мл	6,13

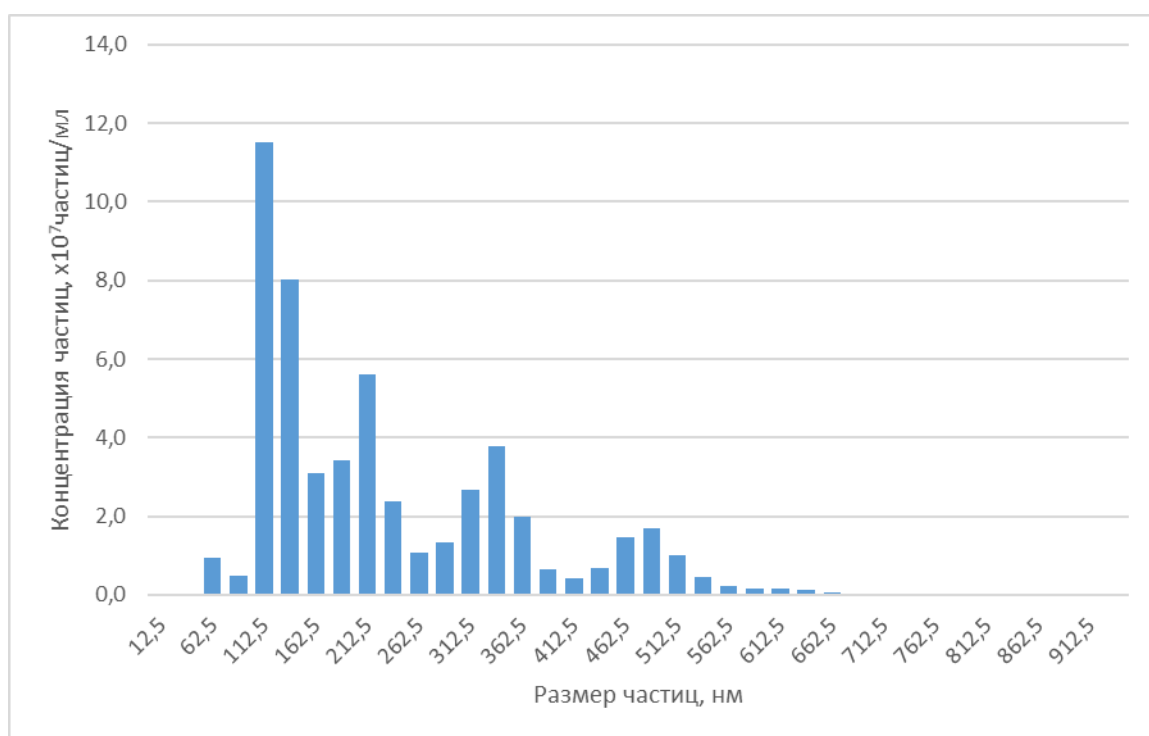

Рисунок 4 – Распределение частиц по размерам в образце нанокapsул стрептоцида в агар-агаре (соотношение ядро:оболочка 1:3)

Таблица 3

Статистические характеристики распределений

Параметр	Значение
Средний размер, нм	230,7
D10, нм	83,4
D50, нм	169,4
D90, нм	425,1
Коэффициент полидисперсности, (D90-D10)/D50	2,02
Общая концентрация частиц, $\times 10^{12}$ частиц/мл	5,35

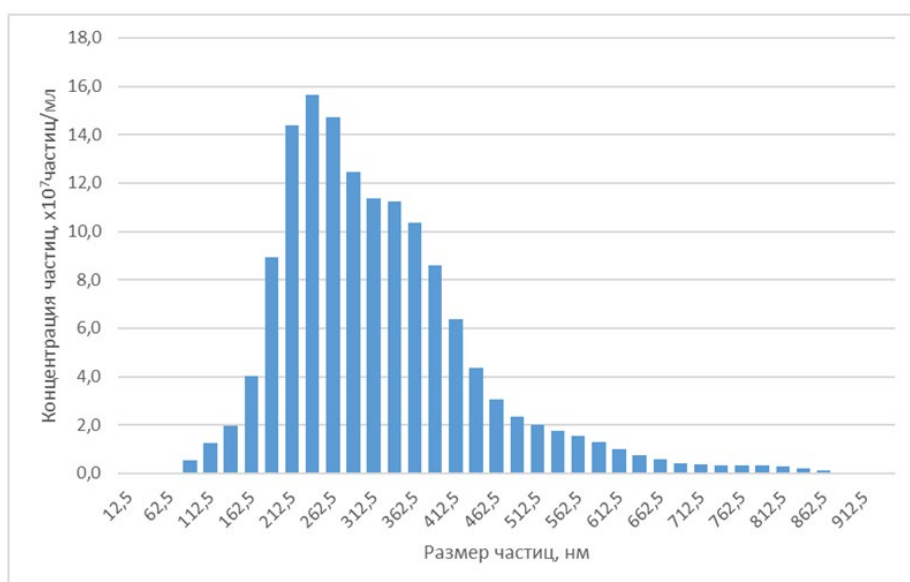

Рисунок 5 – Распределение частиц по размерам в образце нанокapsул стрептоцида в альгинате натрия (соотношение ядро:оболочка 1:3)

Таблица 4

Статистические характеристики распределений

Параметр	Значение
Средний размер, нм	317,8
D10, нм	168,1
D50, нм	270
D90, нм	445,2
Коэффициент полидисперсности, (D90-D10)/D50	1,03
Общая концентрация частиц, $\times 10^{12}$ частиц/мл	14,30

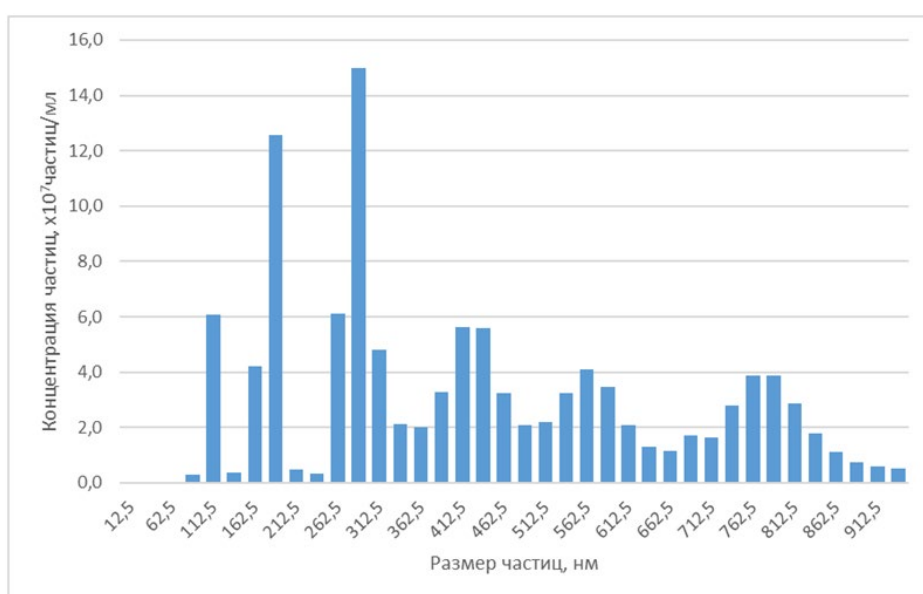

Рисунок 6 – Распределение частиц по размерам в образце нанокapsул стрептоцида в каппа-каррагинане (соотношение ядро: оболочка 1:1)

Таблица 5

Статистические характеристики распределений

Параметр	Значение
Средний размер, нм	483,7
D10, нм	152,7
D50, нм	391,5
D90, нм	828,7
Коэффициент полидисперсности, (D90-D10)/D50	1,73
Общая концентрация частиц, $\times 10^{12}$ частиц/мл	12,30

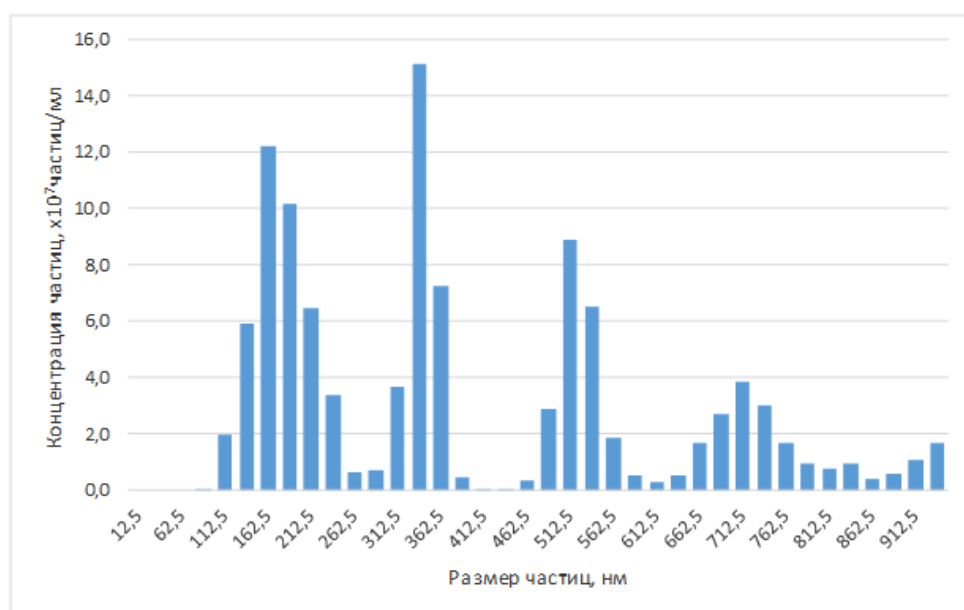

Рисунок 7 – Распределение частиц по размерам в образце нанокapsул стрептоцида в конжаковой камеди (соотношение ядро:оболочка 1:3)

Таблица 6

Статистические характеристики распределений

Параметр	Значение
Средний размер, нм	445,9
D10, нм	132,9
D50, нм	323
D90, нм	857,9
Коэффициент полидисперсности, (D90-D10)/D50	2,24
Общая концентрация частиц, $\times 10^{12}$ частиц/мл	11,80

Как видно из таблиц 1-6 размер наноструктурированного стрептоцида зависит от природы оболочки. Так, размер наночастицы стрептоцида в желатиновой камеди составляет от 160,6 нм, в каппа-каррагинане – от 344,4 до

483,2 нм, а в агар-агаре – от 230,7 нм, в альгинате натрия – 317,8 нм и в конжаковой камеди – 445,9 нм. При этом показатель коэффициента полидисперсности показывает, что наночастицы стрептоцида во всех оболочках стремятся к

эллиптической форме, за исключением альгината натрия и желатиновой камеди – к сферической форме (1,03 и 1,56 соответственно).

Выводы. В результате проведенной работы был исследован наноструктурированный стрептоцид, и, показано, что данный препарат по своим характеристикам (размерам наночастиц и биологическим свойствам) вполне может быть перспективным для ис-

пользования в качестве новой формы антимикробного действия.

Список литературы и источников:

1. Машковский М.Д. Лекарственные средства. 16-е изд. – М., Изд.-во «Новая волна», 2012. – 1216 с.

A.A. Krolevets, Doctor of Sciences, Professor, Regional Open Social Institute (Kursk), (e-mail: a_krolevets@inbox.ru)

E.M. Mamaeva, student, Regional Open Social Institute (Kursk), (e-mail: lizappplol@gmail.com)

PROPERTIES OF NANOSTRUCTURED STREPTOCID

The paper provides data on the study of the properties of nanostructured streptocide. It was shown that this drug has supramolecular properties and its size is 160-445 nm. Nanostructured streptocide can be used as a new form of antibacterial drug.

Key words: nanostructured streptocide, self-organization, NTA method.

ЭКОНОМИКА. УПРАВЛЕНИЕ

УДК 332.143

А.А. Золотарев, канд. экон. наук, доцент, ГОАУ ВО Курской области «Курская академия государственной и муниципальной службы» (Курск), (e-mail: alan.kursk@yandex.ru)

О.В. Телегина, канд. соц. наук, доцент, ЧОУ ВО «Региональный открытый социальный институт»; преподаватель, ОБПОУ «Курский электромеханический техникум» (Курск), (e-mail: Teloks@yandex.ru)

Е.Л. Золотарева, д-р экон. наук, профессор, ФГБОУ ВО «Курский государственный университет» (Курск), (e-mail: zolotyreva@yandex.ru)

СОВРЕМЕННЫЕ ОСОБЕННОСТИ И ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ КУРСКОЙ ОБЛАСТИ

Статья посвящена исследованию основных показателей, характеризующих состояние и развитие экономики региона, оценке уровня и динамики этих показателей в Курской области, их влияния на социальные аспекты развития региона, анализу современных проблем и перспектив экономического развития региона.

Ключевые слова: критерии развития экономики региона, валовой региональный продукт, уровень жизни населения.

Ключевой показатель, применяемый для оценки уровня развития экономики региона – валовой региональный продукт, в том числе в расчете на душу населения. Экономическая оценка предполагает сравнение параметров приведенных показателей по региону со среднероссийским уровнем аналогичных показателей. Развитие экономики, прежде всего, отражают темпы роста и прироста валового регионального продукта в динамике. В Курской области на протяжении 2015-2019 гг.

наблюдался рост объемов валового регионального продукта в текущих ценах, как в общей сумме, так и в расчете на душу населения. Однако величина показателя в расчете на душу населения в Курской области почти в 2 раза ниже, чем в среднем по Российской Федерации.

Так, в 2019 г. ВРП в расчете на душу населения в Курской области составил 385,6 тыс. руб., а по России в среднем, соответственно, 749,8 тыс. руб.

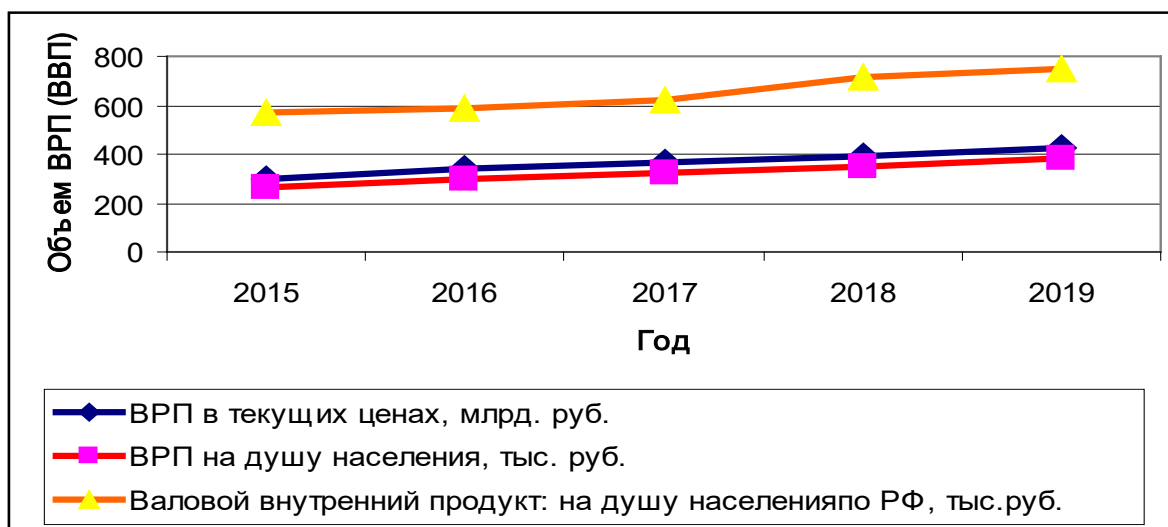

Рисунок 1 – Изменение валового регионального продукта в динамике (в текущих ценах) [3, 4]

Темпы роста валового регионального продукта в сопоставимых ценах также положительные, но неустойчивы по годам и к концу анализируемого периода снижаются (Рис. 2).

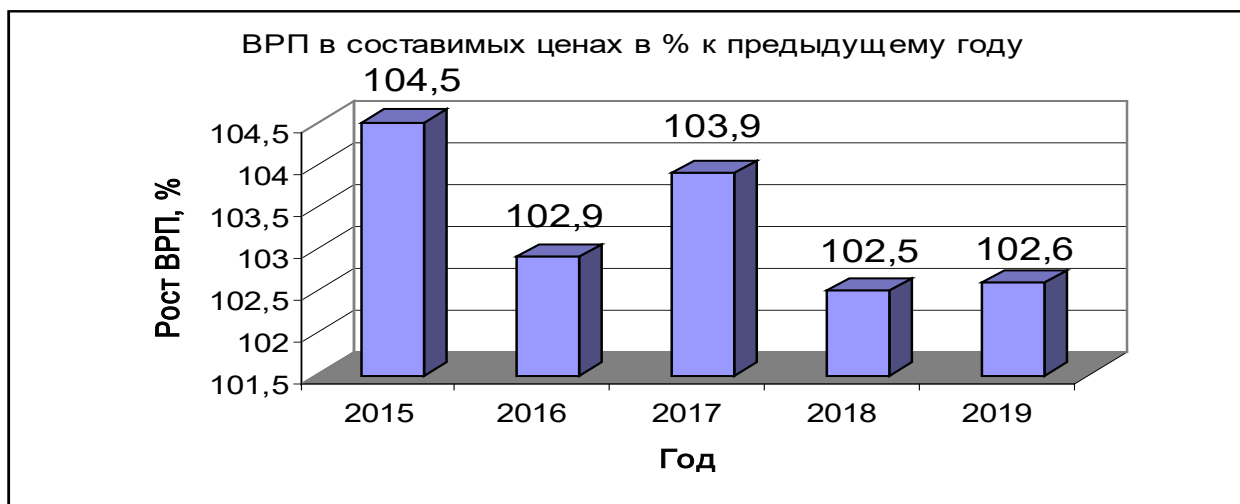

Рисунок 2 – Изменение валового регионального продукта Курской области по сравнению с предыдущим годом [3]

Целью экономического развития является улучшение уровня жизни населения, основные показатели которого – рост доходов и заработной платы населения. В Курской области динамика среднемесячных денежных

доходов населения и средней заработной платы положительная на протяжении всего анализируемого периода. При этом, размер номинальной заработной платы рос быстрее, чем денежные доходы населения.

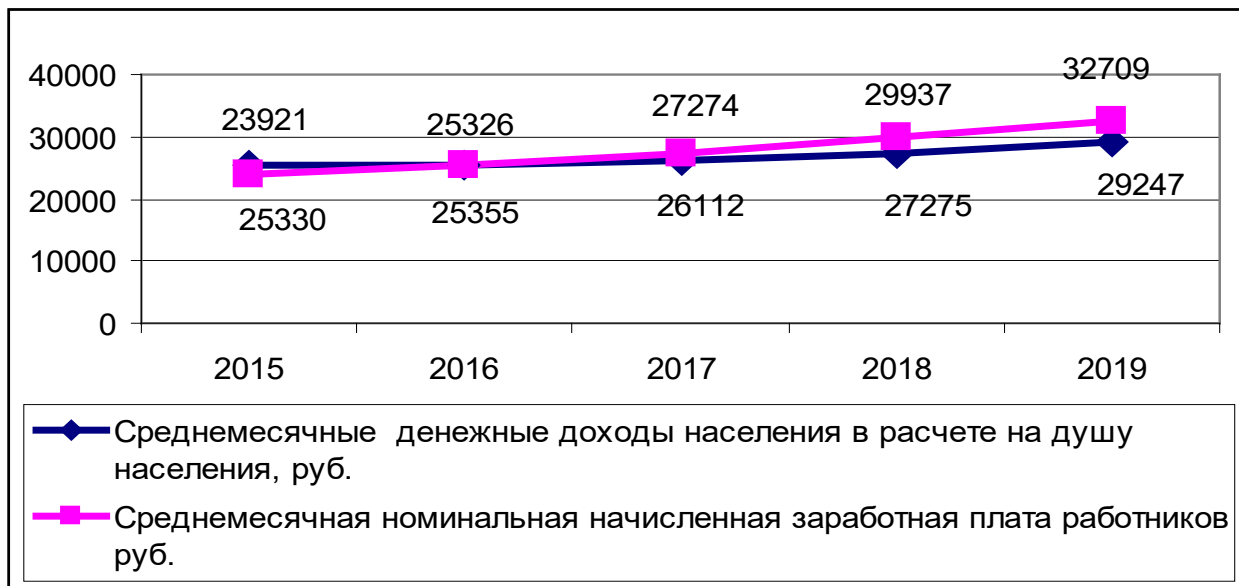

Рисунок 3 – Динамика среднемесячных денежных доходов населения и средней заработной платы, руб. [3]

Наибольший прирост доходов и заработной платы приходится на конец анализируемого периода. В 2019 г. уровень средней заработной платы в месяц составил 32709 руб., а среднемесячный размер доходов населения, соответственно, 29247 руб.

Как показывают данные статистики, в Курской области реальные доходы населения за последние пять лет менялись в разных направлениях: значительно снизились в 2016 г. по сравнению с уровнем 2015 г., затем росли, однако темпы роста достаточно низкие (Рис. 4).

Рисунок 4 – Изменение реальных денежных доходов населения в Курской области, в % к предыдущему году [3]

Анализ соответствующих показателей по Российской Федерации показал, что темпы их роста в Курской области находятся на уровне страны в целом (Рис. 5).

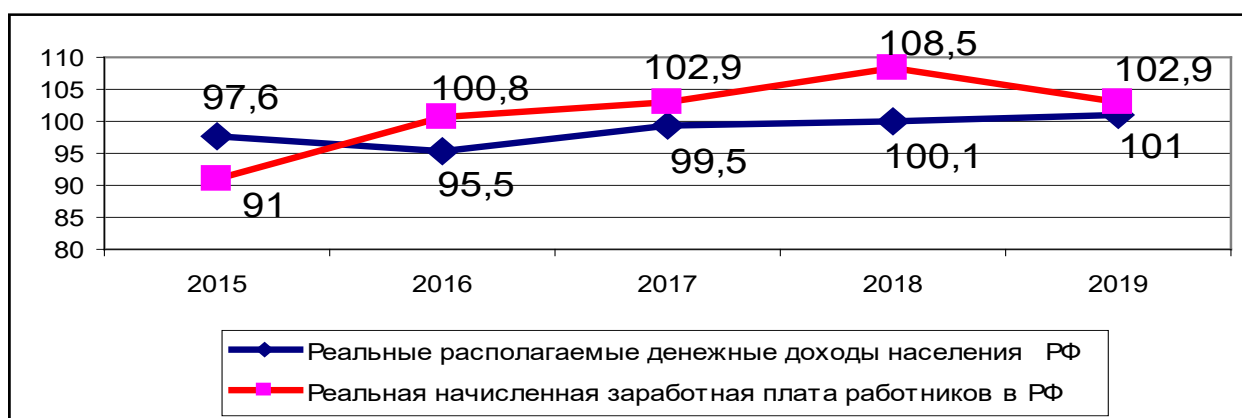

Рисунок 5 – Изменение реальных денежных доходов населения и реальной заработной платы в Российской Федерации, в % к предыдущему году [4]

Роль отдельных секторов в росте валового регионального продукта Курской области различна, о чем свидетельствуют индексы

промышленного производства продукции, продукции сельского хозяйства, объема платных услуг, оказываемых населению (Рис. 6).

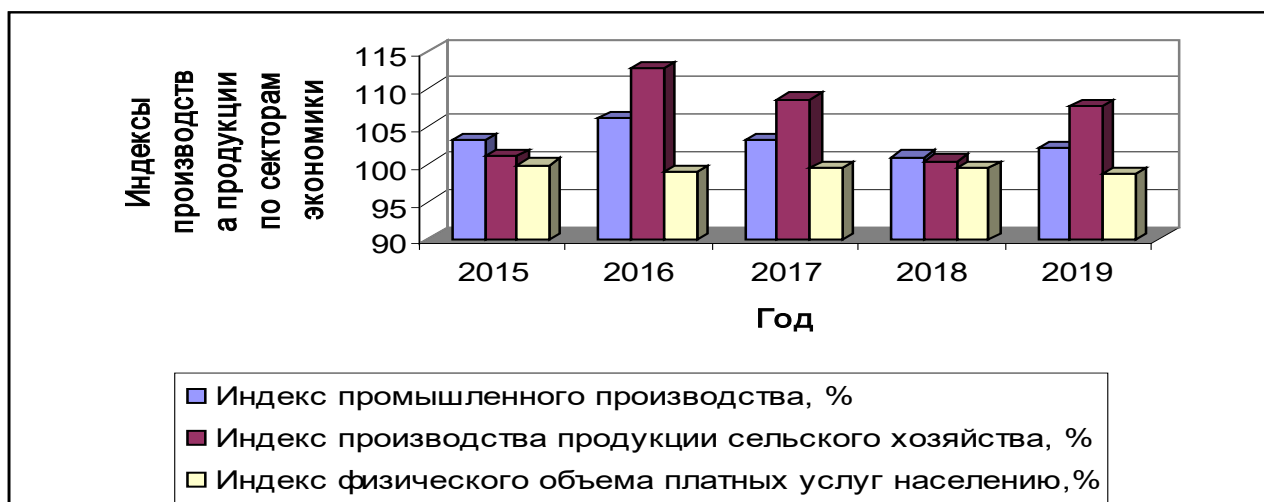

Рисунок 6 – Индексы производства продукции промышленности, сельского хозяйства и сектора услуг, % [3]

Наибольший ежегодный рост производства характерен для сельского хозяйства [2]. Особенно значительный рост в отрасли отмечался в 2016 году по сравнению с 2015 г. (112,6%), относительно высокие темпы характерны для 2017 и 2019 гг. (108,6 и 107,6 %). Уровень индексов промышленного производства в регионе существенно ниже, чем в сельском хозяйстве (самый высокий показатель был в 2016 г. и составил 106,0), в остальные годы анализируемого периода индексы изме-

нялись в пределах 101-103%. Величина индексов физического объема платных услуг населению свидетельствует о снижении объемов услуг в динамике.

В структуре валового регионального продукта по видам экономической деятельности наибольшую долю составляет нематериальное производство (сектор услуг). Однако наблюдается снижение удельного веса услуг в сумме ВРП с 55,6 в 2017 г. до 53,4 % в 2019 г. (Табл. 1).

Таблица 1

Структура валового регионального продукта Курской области по видам экономической деятельности, % [3]

Основные виды экономической деятельности	Годы		
	2017	2018	2019
Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство	17.3	17.5	18.1
Добыча полезных ископаемых	8.7	9.5	11.6
Обрабатывающие производства	18.4	17.8	16.9
Услуги	55.6	55.2	53.4
Итого ВРП	100,0	100,0	100,0

При этом произошел рост объемов продукции сельского, лесного и рыбного хозяйства, а также добывающей промышленности на фоне снижения объемов продукции обрабатывающих производств. Сложившуюся тенденцию нельзя характеризовать как положительную, поскольку она противоречит современным представлениям о структурном развитии экономики.

Итак, современные особенности экономики региона – относительно низкие и неравномерные темпы развития, ухудшение структуры экономики, что негативно влияет на динамику реальных доходов и в целом на уровень жизни населения.

Одним из основных направлений решения указанных проблем может стать модернизация структуры экономики, развитие отраслей обрабатывающей промышленности и отраслей сферы услуг. Реализация этих направлений позволит увеличить количество

рабочих мест, повысить уровень занятости и реальные доходы населения.

Список литературы и источников:

1. Золотарев А.А., Телегина О.В. Тенденции и проблемы социально-экономического развития курской области // Провинциальные научные записки. – 2019. – № 2 (10). – С. 68-72.
2. Золотарев А.А., Телегина О.В., Шалимов И.В. Современные тенденции и пропорции развития сельского хозяйства региона // Провинциальные научные записки. – 2016. – № 1. – С. 26-30.
3. Курская область в цифрах. 2020: Краткий статистический сборник / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Курской области. – Курск, 2020. – 94 с.
4. Россия в цифрах. 2020: Крат. стат. сб. / Росстат. – М., 2020. – 550 с.

A.A. Zolotarev, Candidate of Sciences, Docent, Kursk Academy of state and municipal service (Kursk), (e-mail: alan.kursk@yandex.ru)

O.V. Telegina, Candidate of Science, Docent, Regional Open Social Institute; University Professor, Kursk Electromechanical technical school (Kursk), (e-mail: Teloks@yandex.ru)

E. L. Zolotareva, Doctor of Science, Professor, Kursk State University (Kursk), (e-mail: zolotareva@yandex.ru)

MODERN FEATURES AND PROBLEMS OF ECONOMIC DEVELOPMENT IN THE KURSK REGION

The article is devoted to the study of the main indicators that characterize the state and development of the regional economy, assessment of the level and dynamics of these indicators in the Kursk region, their impact on the social aspects of the region's development, analysis of current problems and prospects for economic development of the region.

Keywords: *criteria for regional economic development, gross regional product, standard of living of the population.*

УДК 332

А.А. Золотарев, канд. экон. наук, доцент, ГОАУ ВО Курской области «Курская академия государственной и муниципальной службы» (Курск), (e-mail: alan.kursk@yandex.ru)

О.В. Телегина, канд. соц. наук, доцент, ЧОУ ВО «Региональный открытый социальный институт» (Курск), (e-mail: Teloks@yandex.ru)

ДЕНЕЖНЫЕ ДОХОДЫ НАСЕЛЕНИЯ РЕГИОНА: ДИНАМИКА И ПРОПОРЦИИ

В статье рассматриваются современные аспекты формирования доходов населения в регионе, исследованы и проанализированы тенденции их изменения в Курской области, в том числе по группам населения, по отраслям экономической деятельности, по источникам формирования, сложившиеся проблемы в пропорциях, темпах роста доходов и заработной платы работников региона.

Ключевые слова: реальные и номинальные доходы населения, средняя заработная плата работников, дифференциация доходов и заработной платы, уровень жизни населения.

Ключевым показателем, отображающим уровень жизни населения по стране и ее регионам, является величина денежных доходов населения и среднего уровня заработной платы работающих в отраслях экономики. Исследование и анализ их динамики и структуры, пропорций по группам населения позволяет провести оценку современного состояния,

темпов и направлений изменения, выявить факторы и проблемы роста уровня жизни населения.

В Курской области динамика денежных доходов населения в период с 2015 по 2019 гг. положительная как в общей их сумме, так и в расчете на душу населения (Рис. 1).

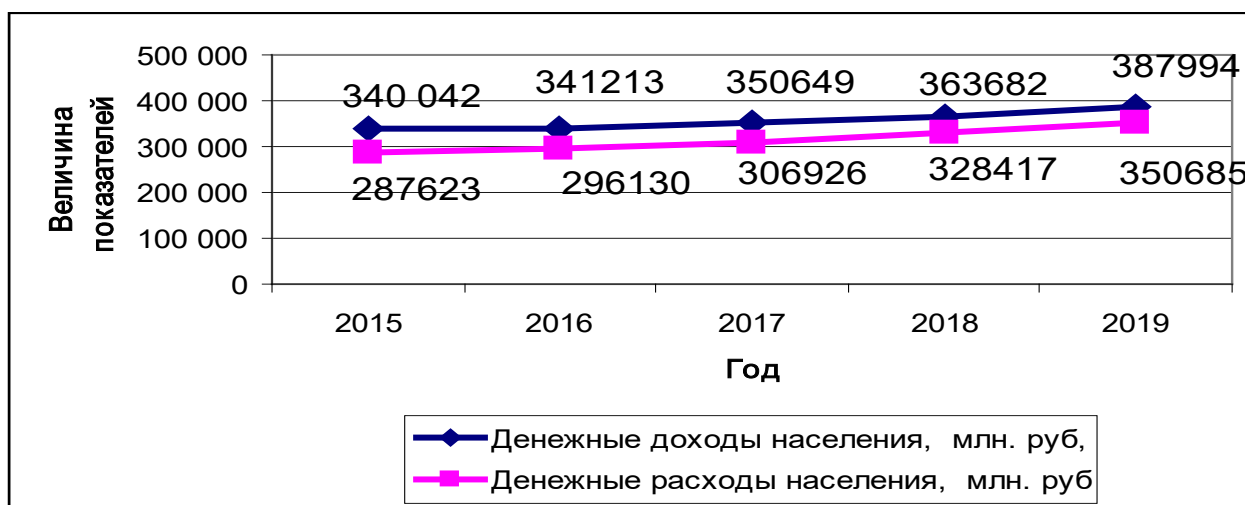

Рисунок 1 – Динамика денежных доходов и расходов населения Курской области [2]

Однако рост доходов в регионе происходит на фоне роста расходов, темпы роста которых растут по сравнению с ростом доходов к концу анализируемого периода.

Тенденция роста характерна и для показателей, отображающих среднедушевые

доходы населения и среднемесячную номинальную заработную плату работников организаций Курской области (Рис. 2). Причем, рост номинальной заработной платы более устойчив в анализируемом периоде по сравнению с ростом доходов населения.

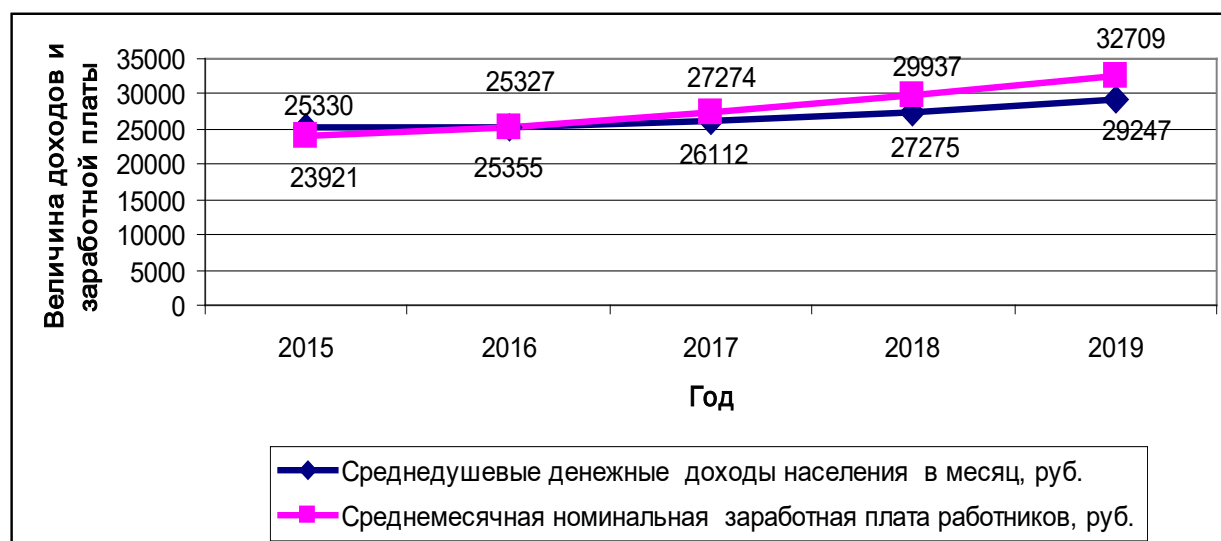

Рисунок 2 – Динамика среднедушевых доходов и среднемесячной заработной платы работников организаций Курской области [2]

Уровень реальных денежных доходов населения также растет, но темпы их прироста низкие (менее 0,5% в год за исключением 2019 г. (1,3 %)), колеблются по годам. В 2016 и 2017 гг. темпы прироста реальных денежных доходов населения в регионе были отрицательные [1].

Соотношение групп населения региона по уровню доходов существенно дифференцировано. В анализируемом периоде снижается доля населения в группах с доходами от 2000 до 25000 тыс. руб. и растет доля населения с доходами свыше 25 тыс. руб. В 2019 г. доля населения с относительно высокими доходами (свыше 25 тыс. руб.) составила около 46% (Табл. 1). Наибольшая доля населения региона находится в группе с доходами

от 10 тыс. руб. В 2019 г. на долю населения с доходами более 10 тыс. руб. приходится 89,6 %. Это позитивная тенденция, свидетельствующая о росте уровня жизни в Курской области. Позитивным является и снижение численности и доли населения, доходы которого ниже прожиточного минимума на фоне роста этого показателя в динамике. Однако рассматриваемые показатели остаются высокими. Так, по итогам 2019 г. численность населения с доходами ниже прожиточного минимума составила 110,1 тыс. чел., что ниже по сравнению с уровнем аналогичного показателя 2015 г. на 5,2 %. Доля такого населения в 2019 г. составила 9,9% от общей численности населения региона, то есть снизилась в анализируемом периоде на 0,5%.

Таблица 1

Соотношения групп населения по уровню доходов [2]

Уровень среднемесячных доходов, руб.	Доля населения, %				
	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.
до 2000.0	0.1	0.1	0.0	0.0	0.0
2000.1-4000.0	1.0	1.0	0.8	0.6	0.4
4000.1-6000.0	3.1	3.1	2.7	2.3	1.8
6000.1-8000.0	5.2	5.2	4.7	4.1	3.4
8000.1-10000.0	6.6	6.6	6.1	5.6	4.8
10000.1-15000.0	18.1	18.1	17.5	16.7	15.2
15000.1-25000.0	28.7	28.7	29.1	29.0	28.5
свыше 25000.0	37.2	37.2	39.1	41.7	45.9
Численность населения ниже прожиточного минимума, тыс. чел.	116.1	117.5	115.9	110.4	110.1
в процентах от общей численности населения	10.4	10.5	10.3	9.9	9.9

Как уже отмечалось выше, уровень среднемесячной заработной платы работников организаций Курской области в динамике рос достаточно устойчиво. Средний уровень номинальной заработной платы в 2019 г. составил 32,7 тыс. руб. По сравнению с 2015 г. ее уровень увеличился на 36,8%. Однако по основным отраслям экономики региона наблюдается существенная разница в уровне и динамике номинальной заработной платы (Рис. 3). Так наиболее высокий уровень средней заработной платы отмечен в добывающей отрасли экономики региона, в 2019 г. он составил 52,3 тыс. руб., превысив средний по региону показатель в 1,6 раза. Высокие показатели уровня средней номинальной заработной платы соответствуют сфере, обеспечивающей

снабжение электрической энергией, газом, сфере науки.

Наиболее низкий в регионе уровень средней номинальной заработной платы в сфере образования, а также в торговле (соответственно, 25,3 и 28,1 тыс. руб.; 77,4; 85,9%% к среднему уровню). Необходимо отметить также неравномерность роста средней заработной платы в течение анализируемого периода. В частности, к концу анализируемого периода повышаются темпы роста среднего уровня номинальной заработной платы в добывающей промышленности, в сфере финансовых и страховых услуг, строительстве, а в сфере торговли – снижаются. Относительно низкий рост уровня заработной платы в сферах образования, здравоохранения, что негативно с позиций улучшения качества жизни населения.

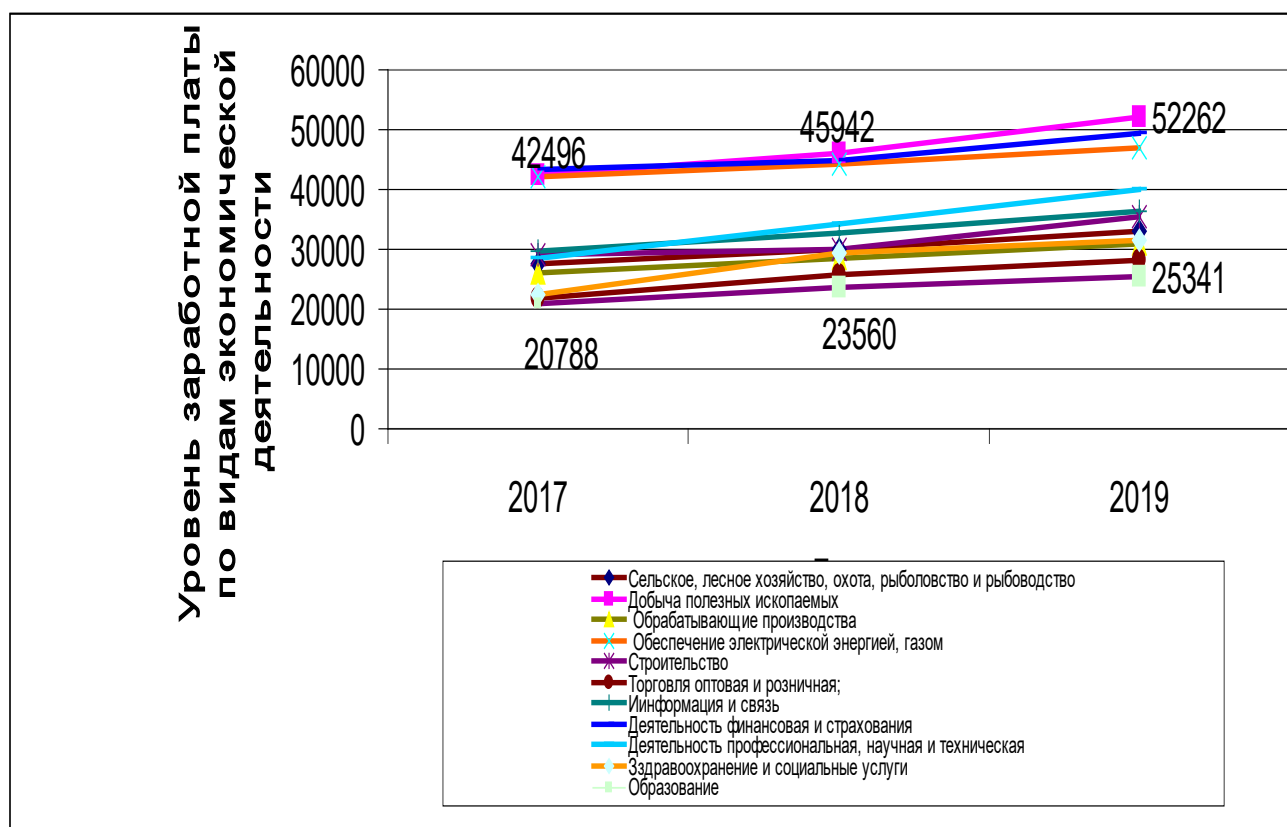

Рисунок 3 – Уровень и динамика среднемесячной номинальной заработной платы работников по видам экономической деятельности в Курской области

В структуре денежных доходов населения Курской области наибольшую долю составляет оплата труда наемных работников (47% от всей суммы), значительна доля социальных выплат (24%) (Рис. 4).

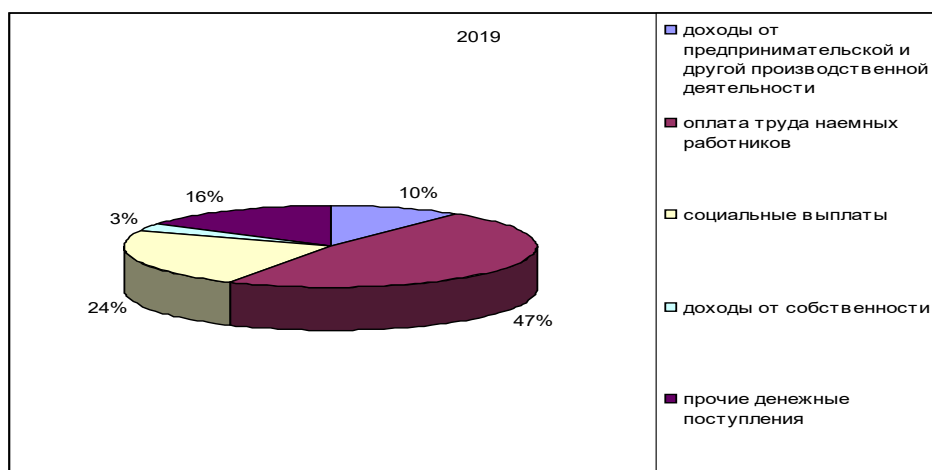

Рисунок 4 – Структура денежных доходов населения в 2019 г.

Значительно ниже удельный вес доходов от предпринимательской деятельности (10%), а на доходы от собственности приходится только 3% от суммы доходов населения региона.

Проведенный анализ позволил выявить положительные и негативные тенденции и пропорции в показателях, определяющих уровень жизни населения Курской области.

К положительным изменениям в уровне жизни населения региона можно отнести:

- рост среднемесячных доходов населения и уровня заработной платы работников, занятых во всех видах экономической деятельности;
- более высокие темпы роста доходов населения по сравнению с расходами;
- уменьшение численности и доли населения с относительно низкими доходами (ниже прожиточного минимума).

Отрицательными, наш взгляд тенденциями являются:

- низкие и неустойчивые по годам темпы роста реальных доходов населения;
- существенная неравномерность роста заработной платы работников в разрезе основных видов экономической деятельности;
- относительно низкий удельный вес доходов, получаемых от предпринимательской деятельности и от собственности.

Выделенные проблемы сдерживают рост уровня жизни населения Курской области.

Список литературы и источников:

1. Золотарев А.А., Телегина О.В. Тенденции и проблемы социально-экономического развития Курской области // Провинциальные научные записки. – 2019. – № 2 (10). – С. 68-72.
2. Курская область в цифрах. 2020: Краткий статистический сборник / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Курской области. – Курск, 2020. – 94 с.

A.A. Zolotarev, Candidate of Sciences, Associate Professor, Kursk Academy of state and municipal service (Kursk), (e-mail: alan.kursk@yandex.ru)

O.V. Telegina, Candidate of Science, Associate professor, Regional Open Social Institute (Kursk), (e-mail: Teloks@yandex.ru)

MONETARY INCOME OF THE REGION'S POPULATION: THE DYNAMICS AND PROPORTIONS

The article deals with modern aspects of income formation in the region, examines and analyzes trends in their changes in the Kursk region, including by population groups, by branches of economic activity, by sources of formation, existing problems in the proportions, growth rates of income and wages of employees in the region.

Keywords: real and nominal incomes of the population, average wages of employees, differentiation of income and wages, standard of living of the population

УДК 331.101

И.В. Шалимов, ст. преподаватель, ЧОУ ВО «Региональный открытый социальный институт» (Курск), (e-mail: shalimov89@mail.ru)

РЕАЛИЗАЦИЯ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ В УСЛОВИЯХ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ И РИСКА

В статье рассматриваются неопределенность и риски внешней и внутренней среды организации, процесс принятия стратегических решений в условиях неопределенности и риска, оценивается основная задача, стоящая перед руководителем организации, приводится классификация рисков, а также освещены фундаментальные мероприятия по снижению риска.

Ключевые слова: управленческие решения, макроокружение организации, стратегия организации, риск, степень и оценка риска, риск-менеджмент.

Анализ ключевых тенденций развития окружающей среды необходим для успешного функционирования организации. Он представляет собой четко действующий механизм оценки реализации стратегических решений администрации организации и является связу-

ющим звеном между организацией и окружающей средой [4]. Данный анализ должен проходить непрерывно, так как изменение среды прямо влияет на функционирование организации в целом.

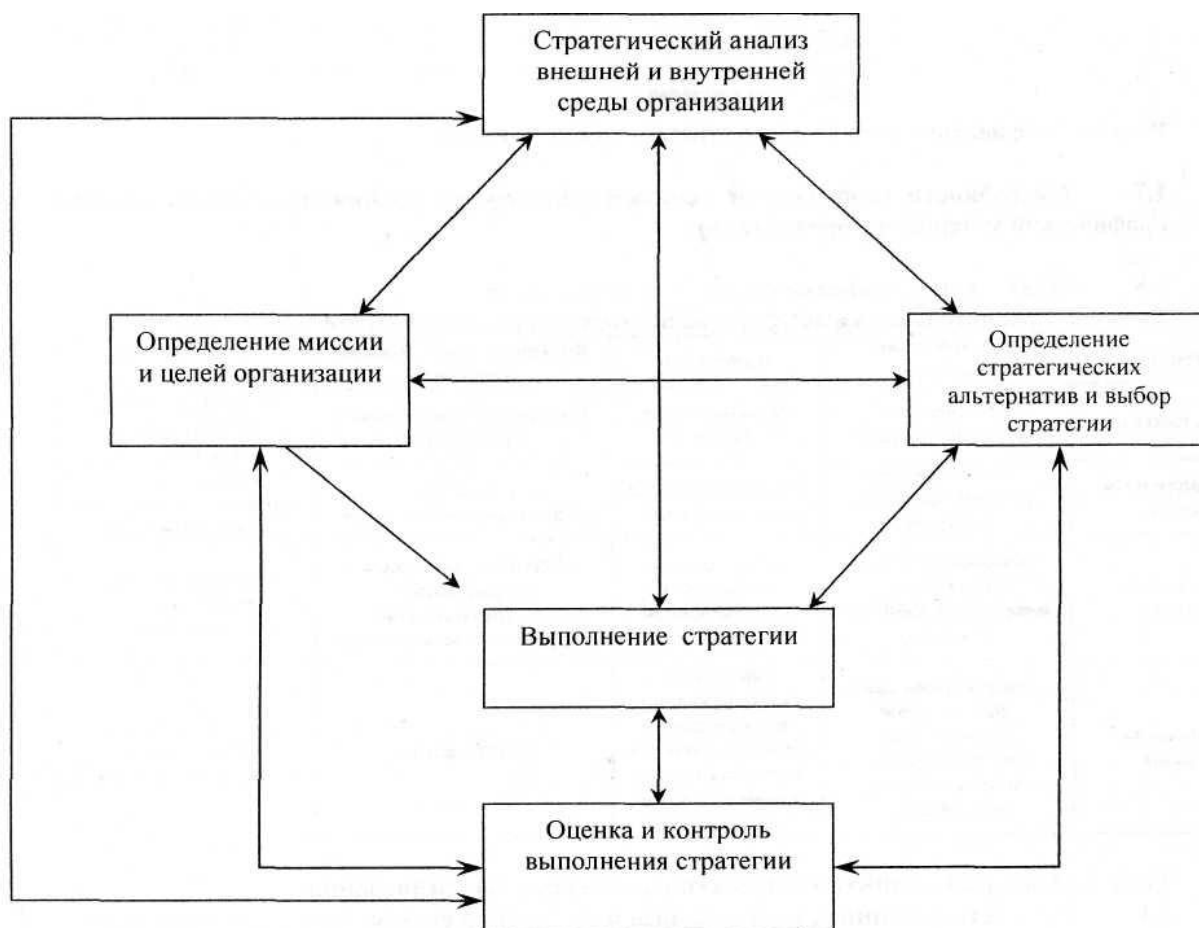

Рисунок 1 – Сущность стратегического анализа среды организации

Современная практика отечественного стратегического управления организацией осуществляется в условиях неопределенности и риска. Необходимость приоритетного изуче-

ния макросреды, в которой действует организация, диктуется ее непосредственным окружением [1].

Макроокружение включает в себя общие условия функционирования организации. Стоит отметить, что, несмотря на то, что изменчивость макроокружения оказывает влияние на все организации, функционирующие в определенной области, учет изменений макроокружения обязателен. Динамически развива-

ющаяся макросреда сказывается на достижении долгосрочных, стратегических целей организации.

Анализ макроокружения позволяет изучить экономические, политические, социальные, технологические компоненты, а также правовое регулирование.

Рисунок 2 – Факторы макроокружения организации

При оценке экономической составляющей проводится анализ уровня инфляции, нормы налогообложения, процентной ставки, платежного баланса страны и ВВП [2]. Необходимо учесть также тенденции изменения цен на рынке, доступность ресурсов, наличие конкуренции, уровень доходов населения, рынок рабочей силы.

Каждый из перечисленных выше компонентов оказывает прямое влияние друг на друга. Это обусловлено тем, что все они являются звеньями единой функционирующей системы. Влиянию макросреды больше всего подвержены крупные организации, имеющие свои представительства или филиалы в других странах.

Основные положения ситуационного анализа являются базисом для разработки рекомендаций о корректировке и выработке стратегии организации, ее тактики.

В таком случае стратегический анализ будет включать в себя исследование и оценку следующих компонентов:

1) информации, которая была получена в процессе международных контактов (сотрудничество с государственными структурами);

2) информации, которая была получена при участии членов организации при их участии в семинарах, конференциях, научных ярмарках, симпозиумах;

3) информации, которая была опубликована в СМИ;

4) оценка результатов работы консалтинговых фирм.

Выработке эффективных стратегических управленческих решений также способствует анализ влияния предшествовавших изменений макроокружения организации и оценка их влияний на результаты деятельности предприятия.

Оценка и анализ непосредственного окружения организации включает в себя анализ конкурентов, покупателей и поставщиков [3].

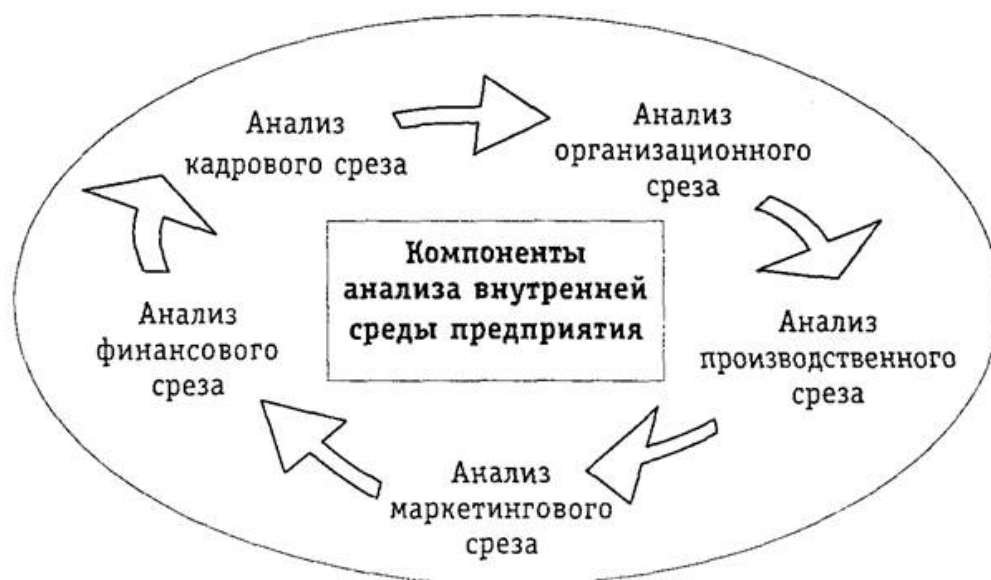

Рисунок 3 – Анализ внутренней среды предприятия

Внутренняя среда предприятия неразрывно связана с корпоративной культурой самой организации. Она помогает предприятию обеспечить конкурентные преимущества, успешно функционировать на рынке товаров и услуг, от нее зависят отношения внутри организации, отношения с клиентами и методы ведения конкурентной борьбы [7].

Анализ факторов внешней и внутренней среды в значительной степени сказывается на разработке принимаемых управленческих решений. В таком случае целесообразно применение метода факторного анализа. Благодаря ему на основе статистических данных

появляется возможность выявить наиболее важные факторы, которые определяют основные «сценарии» развития ситуации, исследовать и оценить их сравнительную весомость.

Если в среде организации происходят более значительные, глобальные изменения, то использование факторных моделей принесет намного менее ощутимую пользу, так как повышается вероятность иного развития событий.

В таком случае применяется инструментальный экспертный анализ и прогнозирование, что позволит разработать новый сценарий развития событий [6].

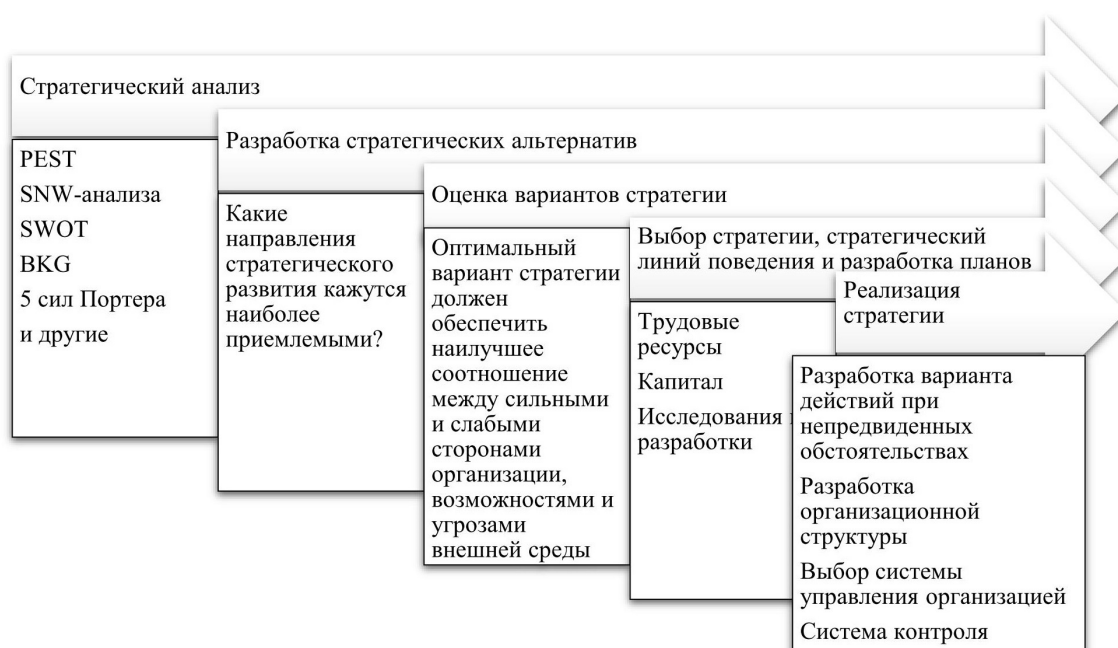

Рисунок 4 – Инструментарий стратегического анализа

Процесс принятия руководителем эффективного стратегического управленческого решения тесно связан с элементом неопределенности, так как возможность прогнозирования последующего сценария развития событий всегда носит вероятностный характер. Иногда в данном вопросе существенную помощь могут оказать высококвалифицированные специалисты-эксперты, имеющие большой опыт в той области, в рамках которой должно быть принято стратегическое решение.

Далеко не все руководители организаций прибегают к помощи экспертов – они предпочитают вырабатывать стратегические решения, основываясь только на личном опыте. Такая оценка вероятностных событий бывает наименее точной.

Основная задача руководителя организации состоит в том, чтобы организовать процесс разработки и принятия стратегического решения, а не детально изучить все проблемы, с которыми ему придется столкнуться в процессе работы. Исходя из этого, эффектив-

ные стратегические решения будут приниматься с наибольшей степенью вероятности.

Повышению эффективности принимаемых стратегических решений способствует привлечение не только внешних экспертов, но и специалистов, которые работают непосредственно внутри самой организации.

Владение современными стратегическими технологиями управления также положительно влияет на разработку и принятия управленческих решений, так как автоматизированные системы поддержки и сопровождения процесса принятия управленческого решения напрямую связаны с успешным функционированием организации [5].

Одной из основных проблем при разработке решения является снижение уровня неопределенности, которая предопределена степенью риска. Эффективному управлению риском способствует оценка природы и характера, присущие прогнозируемому риску, а также определение его вида.

Рисунок 5 – Классификация рисков, присущих организации

Следует обратить внимание, что значительные денежные ресурсы подвергаются риску наиболее часто. Размер вероятностного ущерба, который может понести организация при определенных действиях руководителя, характеризуется степенью риска.

Совокупность стратегии и приемов, используемых для управления риском, называется риск-менеджментом. Каждое предприятие самостоятельно определяет перечень мероприятий, который способствуют снижению риска.

Рисунок 6 – Способы снижения финансовых рисков организации

Таким образом, профессионального руководителя всегда отличает умение правильно оценить риск и, исходя из этого, принять эффективное стратегическое решение.

Список литературы и источников:

1. Бараненко С.П. Стратегический менеджмент. – М.: Центрполиграф, 2019. – 480 с.
2. Шалимов И.В., Телегина О.В., Ковалев С.Ю. Интеллектуальные продукты и услуги в контексте международной торговли / «Наука и современность»: сб. статей междунар. научно-практ. конф. (28 апреля 2016 г, г. Сызрань). В 3 ч. Ч.1. –Уфа: МЦИИ ОМЕГА САЙНС, 2016.– С. 183-185.
3. Шалимов И.В., Телегина О.В., Ковалев С.Ю. Особенности внешнеторгового регулирования в условиях глобализации // Всероссийское научное содружество (ВНС). Единый всероссийский научный вестник. – 2016. – №3. – С. 92-95.

4. Шалимов И.В., Телегина О.В., Ковалев С.Ю. Сущность и роль управления инновациями на предприятии / «Вопросы современной экономики и менеджмента: свежий взгляд и новые решения»: сб. научн. трудов по итогам международной научно-практической конференции. № 3. – Екатеринбург, 2016. – С. 155-157.

5. Шалимов И.В., Телегина О.В., Ковалев С.Ю. Эффективность управления денежными потоками на основе прямых и косвенных индикаторов// Дельта науки. – 2017. –№3. – С. 76-80.

6. Шалимов И.В., Телегина О.В. Разработка маркетинговой и товарной стратегии на предприятии //Провинциальные научные записки. – 2016. – № 2. – С. 106-110.

7. Шалимов И.В., Телегина О.В. Сущность и особенности торговли сырьевой продукции на международном рынке // Научный альманах центрального Черноземья. – 2017. –№ 1. – С. 33-36.

I.V. Shalimov, University Professor, Regional Open Social Institute (Kursk), (e-mail: shalimov89@mail.ru)

THE IMPLEMENTATION OF MANAGEMENT DECISIONS IN CONDITIONS OF UNCERTAINTY AND RISK

The article examines the uncertainty and risks of the external and internal environment of the organization, the process of making strategic decisions in conditions of uncertainty and risk, assesses the main task facing the head of the organization, provides a classification of risks, and highlights fundamental measures to reduce risk.

Keywords: management decisions, macro-environment of the organization, strategy of the organization, risk, degree and assessment of risk, risk management.

УДК 339.56

И.В. Шалимов, ст. преподаватель, ЧОУ ВО «Региональный открытый социальный институт» (Курск), (e-mail: shalimov89@mail.ru)

Л.П. Скрипова, специалист, ЧОУ ВО «Региональный открытый социальный институт» (Курск), (e-mail: lineagle@yandex.ru)

ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ МЕЖДУНАРОДНОГО БИЗНЕСА

В статье рассматриваются основные особенности международного бизнеса, мотивы организации международного бизнеса, его причины и характер. Также исследованы этапы организации международного бизнеса.

Ключевые слова: бизнес, конкурентоспособность, ресурсы, импорт, экспорт, реэкспорт, реимпортная операция, консорциум, зарубежный филиал, ассоциация, кооперация, стратегический союз, международное лицензирование, портфельные инвестиции.

Современное понятие «бизнеса» в контексте международной интеграции и кооперации может иметь несколько значений: во-первых, это вид предпринимательской, коммерческой деятельности, целью которой является получение дохода (максимизация прибыли), а во-вторых, это торговое предприятие, форма локального или международного со-

трудничества нескольких субъектов предпринимательских отношений, направленное на систематическое получение прибыли. Однако стоит отметить, что бизнес, имея под собой международную «основу» приобретает сложную структуру и ряд более сложных, серьезных проблем, требующих оперативного вмешательства и решения.

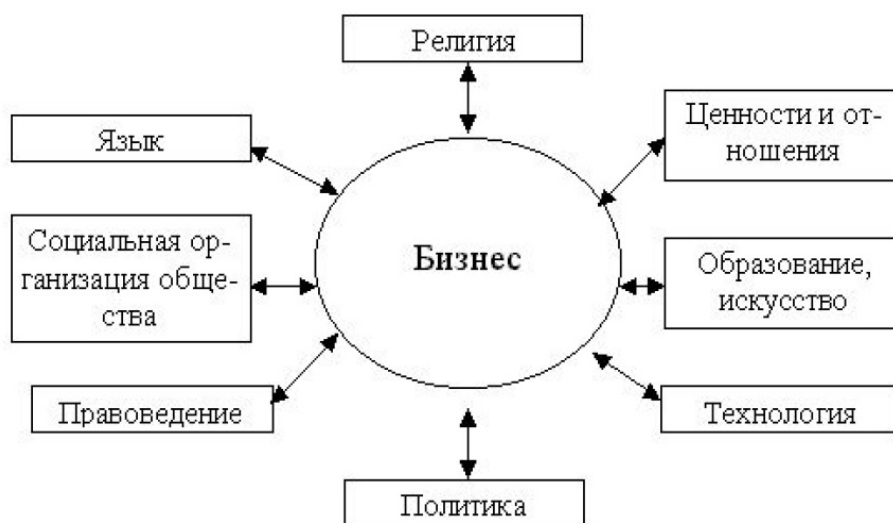

Рисунок 1 – Основные компоненты бизнеса

Основными особенностями международного бизнеса являются:

- 1) направление и стремление к международным и региональным стандартам;
- 2) целевая ориентация на конкурентоспособность и внешнеэкономическую стратегию страны (отрасли, национальной экономики);
- 3) широкий диапазон субъектов предпринимательской деятельности, заинтересованных в международном сотрудничестве;

- 4) динамично-развивающаяся, неопределенная внешняя среда, вносящая свои коррективы в ведение внешней и внутренней торговли;

- 5) особое государственное регулирование в сфере международной торговли;

- 6) высокий уровень конкурентоспособности хозяйствующих субъектов, развивающийся быстрыми темпами ввиду глобального сотрудничества и международной интеграции стран;

7) финансовые ресурсы и нематериальные активы (интеллект) - основа международного сотрудничества, наиболее выгодные ресурсы для покупки (обмена);

8) многоотраслевой характер международного сотрудничества;

9) потребность в учете индивидуальных социально-культурных особенностей стран-партнеров;

10) изменение валютного курса при расчетах во внешнеторговых операциях;

11) логистические операции и телекоммуникационные технологии играют наиболее важную роль в международных сделках;

12) широкое использование трансфертных цен.

Как видно из вышеизложенного, международный бизнес носит специфичный и многовариантный характер. Поэтому первым этапом выхода на международный рынок является маркетинговая составляющая – предпринимательская деятельность на внутреннем рынке, изучение его особенностей и направлений развития, что способствует организации международного бизнеса.

Маркетинговые исследования являются важной формой исследований бизнеса, одним из основных направлений прикладной социологии.

Впервые маркетинговые исследования стали применяться в виде статистической науки в 20-х гг. XX в. известным маркетологом А. Нильсеном [1].

Рисунок 2 – Направления маркетинговых исследований

Основными причинами существования различных обоснований международных экономических отношений считаются коренное различие в обеспеченности стран экономическими ресурсами, уровень технологического развития, а также международное разделение труда [2]. Таким образом, мотивом для организации международного бизнеса служит получение конкурентных преимуществ на внутреннем рынке за счет дефицитных (редких) товаров или высококонкурентных зарубежных ресурсов (оборудование, сырье, материалы, инвестиции, бренды, опыт в управлении).

Другими мотивами организации международного бизнеса может быть стремление:

- освоить новую, наиболее приоритетную нишу в рынке сбыта;
- повысить эффективность производства, расширяя его масштабы;
- снизить уровень риска, используя диверсификацию бизнеса;
- следовать основным и дополнительным потребностям и желаниям потребителей использовать слабые стороны конкурентов себе на пользу;
- использовать для бизнеса благоприятную конъюнктуру стран;

- реализовав стремление руководства к первенству в международном сотрудничестве, стать международной компанией, обладать высокой деловой репутацией [3].

На первом этапе организации международного бизнеса руководством компании выбирается иностранный партнер, согласовывается юридическая составляющая будущей сделки, оптимальная форма кратковременного или долгосрочного сотрудничества.

Под формой сотрудничества понимается особый вид взаимоотношений между контрагентами в процессе создания или ведения международного бизнеса [4]. Такими формами могут быть:

- 1) импорт;
- 2) экспорт;
- 3) реэкспорт;
- 4) реимпортная операция;
- 5) международная кооперация;
- 6) интеграция производства;
- 7) лизинг;
- 8) лицензирование;
- 9) франчайзинг;
- 10) иностранные инвестиции (прямые и портфельные);
- 11) совместное предпринимательство.

Импорт представляет собой покупку у иностранного контрагента товара для последующего использования или перепродажи на

внутреннем рынке. Покупая иностранный товар компания стремится получить статус дистрибьютора, что позволит ей самостоятельно организовывать сбыт купленных товаров. Статус «генерального дистрибьютора» позволит компании быть единственным представителем зарубежного производства в стране.

Экспорт – операция обратная импорту.

Реэкспорт – покупка у иностранного партнера товара для ввоза на территорию своей страны с целью последующего вывоза в третью страну [5]. Данная операция используется в том случае, когда зарубежные партнеры не в состоянии самостоятельно выйти на международный рынок по каким-либо экономическим, политическим и иным причинам.

Реимпортная операция связана с приобретением и ввозом из-за границы ранее экспортированного товара, который не подвергся переработке.

Однако необходимо учесть, что для успешного осуществления внешнеэкономической сделки необходимо лицо, которое хорошо знало бы рынок, на котором будет совершена торговая операция. Такие лица носят статус «торгового представителя». За каждую заключенную сделку торговым представителям выплачивается комиссионное вознаграждение.

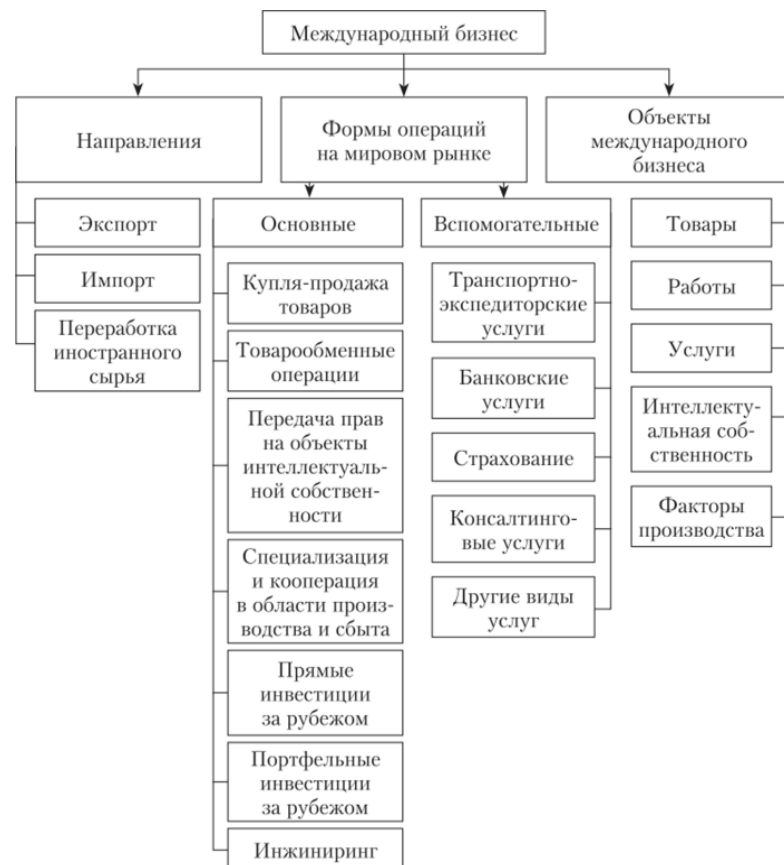

Рисунок 3 – Структура международного бизнеса

В международной практике имеет место ситуация, когда на внешнем рынке от имени и по поручению головной компании действует организация, имеющая схожее наименование (зарубежный филиал) [6]. Филиал не является юридически и хозяйственно самостоятельным, а также не является резидентом страны базирования.

Создание такого филиала сопряжено с довольно большим риском. Он связан с мало-знакомой хозяйственной средой. Поэтому в данной ситуации приходится выходить на иностранный рынок посредством местных посредников.

Довольно часто предприятия могут заключить договор о сотрудничестве в научно-исследовательской, производственной деятельности. Такие предприятия называются ассоциированными или аффилированными.

Договорные отношения между предприятиями в большинстве случаев носят сложный многоступенчатый характер. Он сопряжен с международными договорными объединениями (международные ассоциации, консорциумы, стратегические союзы и т.д.) [7].

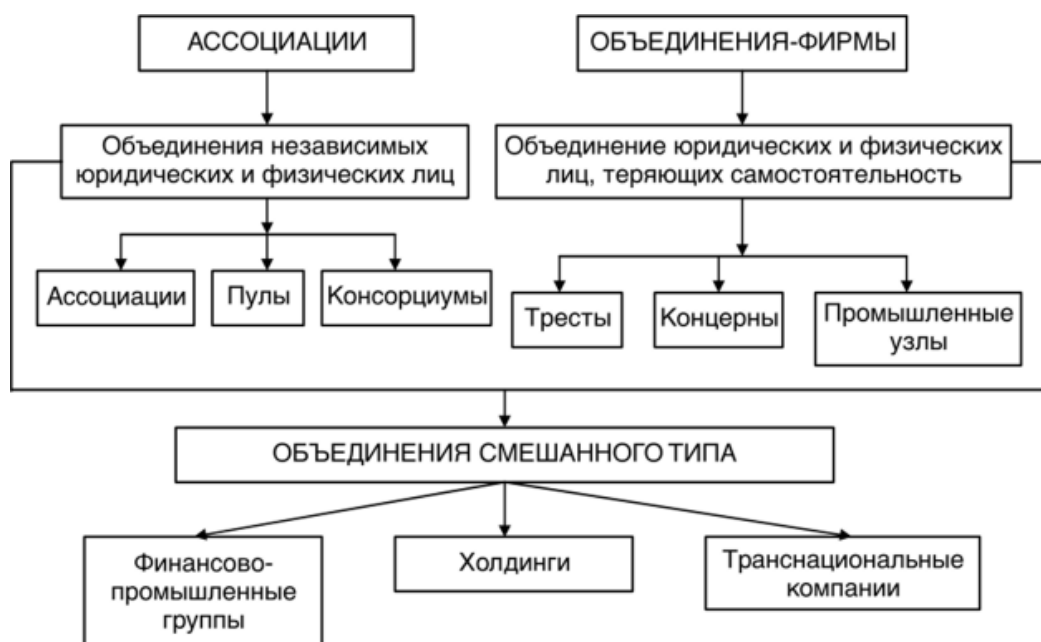

Рисунок 4 – Международные объединения хозяйствующих субъектов

Международные ассоциации представляют собой договорное объединение на временной основе независимых предприятий с целью совершения последующей сделки [8]. Компании вносят свои доли капитала, пропорционально которым впоследствии пользуются результатами сделки.

Международный консорциум создается на более длительный срок для реализации крупномасштабных проектов.

Разработка и осуществление общей стратегии развития на определенном рынке – главная цель стратегических союзов.

Благодаря международному лицензированию происходит организация процесса производства на основе переданных зарубеж-

ным партнером технологий, изобретений и иных видов нематериальных активов.

Важную роль в организации международного бизнеса играют прямые и портфельные зарубежные (иностранные) инвестиции [9].

Портфельные инвестиции представляют собой долгосрочные вложения иностранного капитала в финансовые активы предприятия, полностью исключив контроль над ним и его деятельностью.

Прямые зарубежные инвестиции, в свою очередь, характеризуются получением контроля над финансово-хозяйственной деятельностью предприятия, которое, впоследствии, становится дочерним по отношению к головному.

Рисунок 5 – Формы инвестирования

Таким образом, создание и развитие международной компании, а также организация международного бизнеса, сопряжено со сложным многоуровневым комплексом управленческих отношений между странами-партнерами, их представителями, национальной составляющей и культурной самобытностью, специфической сферой деятельности, а также особенностями международного менеджмента.

Список литературы и источников:

1. Андреева Н.Н. Формы современного прямого маркетинга и их классификация //Маркетинговые коммуникации. –2018. –№ 4. – С. 236 –247.
2. Золотарев А.А., Телегина О.В., Шалимов И.В. Повышение конкурентоспособности отечественной продукции – важнейшее направление аграрной политики // Провинциальные научные записки. – 2015. –№ 1. – С. 23-28.
3. Корнев А.И., Золотарев А.А., Шалимов И.В. Совершенствование организации коммерческой работы по розничной продаже товаров/ Исследования в региональном дискурсе – 2019: сборник материалов научно-практической конференции в рамках «Недели науки» РОССИ (г. Курск, 22-27 апреля 2019 г.)/ Сост. А.М.Черкашина, А.С.Рудых; Региональный открытый социальный институт. – Курск: Изд-во РОССИ, 2019. – С. 268-274.
4. Шалимов И.В. Импортозамещение мясной продукции в России // Провинциальные научные записки. – 2015. –№ 2. –С. 139-142.
5. Шалимов И.В., Телегина О.В., Золотарев А.А. Экономическая безопасность страны и проблемы ее обеспечения в России // Национальная ассоциация ученых (НАУ), XIII международная научно-практическая конференция «Отечественная наука в эпоху изменений: постулаты прошлого и теории нового времени» // Ежемесячный научный журнал. –2015. –№8 (13), часть I. – С. 153-156.
6. Шалимов И.В., Телегина О.В., Ковалев С.Ю. Пути повышения финансовой устойчивости предприятий АПК на современном этапе // Актуальные вопросы инновационного развития агропромышленного комплекса (материалы Международной научно-практической конференции, 28-29 января 2016 г., г. Курск, ч.1). – Курск: Изд-во Курск. гос. с.-х. ак., 2016. – С. 183-187.
7. Шалимов И.В., Телегина О.В., Ковалев С.Ю. Сущность и роль управления инновациями на предприятии// Вопросы современной экономики и менеджмента: свежий взгляд и новые решения / Сборник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции. № 3. –Екатеринбург, 2016. – С. 155-157.
8. Шалимов И.В., Телегина О.В. Международные стандарты финансовой отчетности и практика их внедрения на российских предприятиях // Научный альманах центрального Черноземья. –2018.– № 1. –С. 22-26.
9. Шалимов И.В., Телегина О.В. Расчеты по международным банковским операциям как важный элемент внешнеэкономических сделок // Научный альманах центрального Черноземья. – 2018. – № 2. – С. 64-68.

I.V. Shalimov, University Professor, Regional Open Social Institute (Kursk), (e-mail: shalimov89@mail.ru)
L.P. Skripova, specialist, Regional Open Social Institute (Kursk), (e-mail: lineagle@yandex.ru)

THE FEATURES OF THE ORGANIZATION OF INTERNATIONAL BUSINESS

The article discusses the main features of international business, the motives for organizing international business, its causes and nature. The stages of international business organization are also studied.

Keywords: *business, competitiveness, resources, import, export, re-export, re-import operation, consortium, foreign branch, Association, cooperation, strategic Union, international licensing, portfolio investment.*

ТРУДЫ ФРАНКО-РОСССИЙСКОГО НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ЦЕНТРА РЕГИОНАЛЬНЫХ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

УДК 32

Бартелеми Курмон, профессор, Католический Университет Лилля (Франция), (e-mail: barthelemy.courmont@univ-catholille.fr)

Наталья Гильви-Суликашвили, доктор философии, заместитель декана по вопросам международного сотрудничества факультета гуманитарных наук, Католический университет Лилля (Франция), (e-mail: natalia.sulikashvili@univ-catholille.fr)

УПРАВЛЕНИЕ ПАНДЕМИЕЙ COVID-19 В КИТАЕ И РОССИИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Статья двух французских ученых, построенная по принципу «вопрос-ответ», посвящена внутренней и внешней политике двух великих держав – России и Китая – в условиях массового распространения COVID-19. Авторы рассматривают особенности реакции правительств Китая и России на пандемические явления, изучают особенности внешней политики двух стран на фоне общемировой проблемы. Кроме того, их интересует вопрос, какую позицию стремится занять Россия в мультиполярном мире на этапе борьбы с пандемией.

Ключевые слова: пандемия, коронавирус, Россия, Китай, международная политика

La Chine a été le premier pays touché par le Covid-19, mais elle est également sortie de la pandémie la première. Que nous révèle la gestion de la pandémie par Pékin sur l'état réel du pays, notamment sa gouvernance ?

La gestion de la crise sanitaire par Pékin nous fournit de nombreux enseignements, tant en ce qui concerne les moyens de réaction dont dispose un pays comme la Chine qu'au niveau politique. Et ces enseignements indiquent à la fois que la Chine a considérablement progressé, depuis l'épidémie de SRAS de 2003 notamment, mais qu'elle reste confrontée à des problèmes structurels qui ont un impact négatif sur la gestion d'une crise sanitaire de cette ampleur.

Il y a bien sûr une spécificité chinoise dans la réponse à cette crise : elle apparaît en Chine, et les autorités locales et nationales n'ont donc pas de recul face au risque sanitaire, et aucune capacité d'anticipation. Il faut donc déployer des moyens importants dans l'urgence, et sans avoir une connaissance précise du virus et de sa transmission. C'est d'ailleurs une des questions qui est souvent évoquée pour mettre en avant à la fois les lenteurs dans la réaction chinoise, et les

connivences avec l'OMS, cette dernière ayant officiellement considéré jusqu'à la mi-janvier que le Covid-19 n'était pas transmissible par voie humaine, en dépit par exemple d'alertes en provenance de Taiwan, dès la fin décembre. Se pose aussi la question de l'ampleur de l'épidémie, et donc de la question des tests, considérant que là aussi on est dans une situation d'urgence et on ne dispose pas du moindre recul sur la bonne méthode. En quelques semaines, ce qui est présenté par les détracteurs de Pékin comme un délai trop long, mais ce qui reste cependant très rapide compte-tenu du contexte, la Chine met en place un plan d'urgence d'une échelle inédite, avec notamment le confinement d'une gigantesque métropole, Wuhan, et de plusieurs autres régions où sont relevés des cas. Au total, on parle de 250 à 300 millions de personnes (ce qui correspond à la quatrième population mondiale, juste derrière les Etats-Unis, pour se faire une idée précise) qui entrent dès janvier dans une phase de confinement extrêmement strict, puisqu'on s'appuie même sur les mécanismes à échelle des quartiers pour les approvisionnements en nourriture, permettant ainsi d'éviter les contacts physiques. Wuhan est ainsi complètement à l'arrêt, et le restera pendant

plus de 70 jours. Notons ici que la Chine fut le premier pays à instaurer un confinement dans la crise du Covid-19, exemple qui sera reproduit dans un très grand nombre de pays, à plus ou moins grande échelle. Pour identifier les malades et les soigner, on mobilise également le personnel médical de tout le pays, qui est acheminé dans les zones infectées, et on renforce les capacités d'accueil dans les hôpitaux, notamment en construisant en quelques jours des bâtiments provisoires à Wuhan. La réaction chinoise fut donc spectaculaire tant dans la priorité accordée au confinement que dans les moyens colossaux déployés pour endiguer la maladie.

La réponse chinoise trouve aussi ses spécificités dans la nature de son régime autoritaire qui puise sa légitimité dans une gouvernance jugée bonne en ce qu'elle produit de la croissance et de l'enrichissement personnel. On parle ici d'un « contrat social » chinois. Mais cette gouvernance fut fortement chahutée dans les premières semaines de la crise sanitaire, avant que Pékin ne reprenne les choses en main. Le contrat social reste cependant en question, et sera suspendu à la reprise de l'activité économique et le retour de la croissance. Dans les premières semaines de crise sanitaire, les réseaux sociaux chinois ont multiplié les signes d'inquiétude mais aussi de défiance, avec des témoignages de lanceurs d'alertes et l'évocation de retards autant que d'un manque de transparence. Ce n'est pas parce que le régime chinois est autoritaire qu'il n'existe pas dans ce pays, de façon sectorielle, de lieux de contestation, et la gestion du Covid-19 en fut un. Cependant, après une période de critiques, le pouvoir central a repris les choses en main début février, en limogeant des responsables locaux et en renforçant le contrôle des informations circulant sur les réseaux sociaux. Xi Jinping, qui fut pendant deux semaines en retrait, réapparut de manière habile au moment où la situation semblait mieux contrôlée. Cependant, il serait précipité de considérer qu'il sort vainqueur de cette crise sanitaire, qui a permis à son Premier ministre Li Keqiang – un homme de Hu Jintao, pas de Xi – d'être au centre de la gestion (il visita notamment Wuhan dès janvier), et laisse présager des rivalités en interne. Par ailleurs, si le pouvoir sort renforcé, il reste exposé aux résultats de l'économie, à la gestion de la crise de Hong Kong ou encore aux risques d'une « seconde vague » de Covid-19. Le pouvoir chinois a démontré sa capacité à gérer cette crise, mieux que le SRAS il y a deux décennies, mais il reste confronté à des défis que cette crise n'a fait qu'amplifier, aussi les effets se feront peut-être ressentir dans la durée, en fonction de l'habileté des dirigeants chinois.

De son côté, la Russie a été exposée plus tardivement à la pandémie, mais celle-ci s'est développée à grande échelle, faisant de ce pays l'un des plus touchés au monde. Faut-il y voir des problèmes dans la réponse apportée par les pouvoirs publics ? Et si oui, lesquels ? Et comme dans le cas chinois, doit-on considérer que Vladimir Poutine sort renforcé ou au contraire affaibli de cette crise ?

Moscou fut l'un des premiers pays à prendre des dispositions importantes. La frontière longue de plus de 4 200 km avec la Chine fut ainsi fermée dès janvier 2020, ce qui a retardé une arrivée néfaste de la maladie sur le territoire russe. Vers la fin du mois de mars toutes les frontières nationales ont été fermées et le trafic aérien suspendu. Le 14 mars, Vladimir Poutine déclarait que l'épidémie était sous contrôle, mais dans les faits tout ne se passe pas comme prévu. Cette crise du Covid-19 se double notamment très rapidement d'un choc pétrolier et bouscule les plans du président russe qui doit affronter une chute des prix du pétrole et par conséquent la mise en péril du budget fédéral. Le referendum destiné à lui permettre de rester au pouvoir jusqu'en 2036 est même repoussé, tandis que la grande parade militaire du 9 mai est annulée. Ce n'est que le 25 mars que le président russe s'adresse à la population dans un discours officiel et l'avertit du danger en l'incitant à se confiner pour une semaine. En réaction, son taux de popularité est alors en chute libre. Pour conserver une image de dirigeant fort il semble prendre une distance et délègue la gestion de l'épidémie aux gouverneurs des régions, qui ont pourtant vu leur pouvoir de plus en plus contrôlé depuis 20 ans. Le principe de la verticale du pouvoir n'est ainsi plus respecté, et le gouvernement explique cela par le fait que le territoire est vaste.

Vladimir Poutine signe le 1 avril une loi qui confère au gouvernement le droit de décréter le régime de situation d'urgence ou l'état d'alerte avancée sur tout ou partie du territoire en cas d'épidémie. Il a également invité les gouverneurs à gérer la crise dans leur région de façon autonome avec la possibilité d'adapter les mesures selon l'urgence. Mais le fait que les mesures sanitaires appliquées ne sont pas homogènes pour l'ensemble du territoire explique en partie l'essor de la pandémie. Chaque région où la situation varie fortement a ainsi décidé localement d'un allègement des mesures restrictives à partir du 11 mai. Il est important de préciser que les dirigeants locaux ne disposent pas de beaucoup de moyens. Ils manquent notamment d'experts médicaux, et la

corruption absorbe les aides fédérales et les taxes locales. Selon le premier ministre Michoustine, l'Etat a débloqué en janvier 33 milliards de roubles pour augmenter le nombre de lits dans les hôpitaux et encore 32 milliards en avril (équivalent de 800 millions d'euros). Vers mi-avril Vladimir Poutine déplorait que les autorités régionales n'utilisent pas ces sommes avec suffisamment d'efficacité. De fait, les fonds du soutien médical seraient dépensés à hauteur de moins de 10%. Il est fort probable que les gouverneurs soient embarrassés par une marge de liberté inhabituelle qui leur a été accordée par le pouvoir central, ce qui pourrait expliquer cette difficulté à utiliser les fonds alloués. Mais dans le même temps sur le terrain, les hôpitaux ne sont pas suffisamment équipés et manquent de matériel. Les médecins russes auraient de leur côté seize fois plus de risque de mourir du virus que leurs homologues étrangers dans les mêmes stades d'épidémie, et certains d'entre eux choisissent de désertir leur poste. Après avoir désigné les gestionnaires de l'épidémie, Poutine leur demande des comptes et les menace en précisant que si les bonnes mesures ne sont pas prises au bon moment il considérera cela comme une négligence criminelle. Dans ce contexte trois chefs de régions de Komi, d'Arkhangelsk et du Kamtchatka ont pris la décision de démissionner. D'autres pilotent en tâtonnant et sont parfois prêts à lever les restrictions malgré le taux d'infection élevé. Sur le plan économique, 40% de la population a vu son pouvoir d'achat chuter, et 10% des Russes ont perdu leur travail, selon les estimations de l'école des hautes études en économie.

Fin juin les frontières sont toujours fermées et la Russie maintient l'interdiction d'entrée sur son territoire aux ressortissants étrangers. Le nombre de cas par million d'habitants est 3,5 fois supérieur à la moyenne internationale, tandis que le nombre de morts par million d'habitant est équivalent à la moyenne internationale. Le taux de mortalité est de 1,4%. Le nombre de tests par million d'habitants, 130 530, est assez élevé. Au total 13% de la population a été testée, ce qui est un excellent taux au niveau mondial (USA 9,7%, France 2,1%). Le président russe a quant à lui vu sa popularité tomber de 4 points entre mars et avril et de 10 points depuis janvier. L'institut de statistiques Levada indique qu'elle est à 59%, donc au plus bas historiquement. Cependant, et comme c'est le cas depuis un certain temps la population ne voit pas une alternative à la candidature de Poutine car il manque en Russie une opposition forte et organisée. Malgré le mécontentement de la population, le régime actuel peut ainsi compter sur un soutien fort.

*La Chine a développé une « diplomatie du masque » et anticipé l'impact de la pandémie dans les pays en développement en mettant à disposition des masques, kits de tests, vêtements de protection, équipes médicales... Dans le même temps, Pékin est la cible de ceux qui dénoncent son « entrisme » diplomatique. La Chine sort-elle sur le plan diplomatique plutôt affaiblie ou au contraire, renforcée ? Et a-t-elle gagné, comme le suggère Kishore Mahbubani dans *Has China Won ?**

La Chine a rapidement évalué les possibles opportunités à saisir en sortant le plus vite possible de la crise et en se projetant à l'international, tandis que d'autres grandes puissances, les Etats-Unis en particulier, se repliaient sur elles-mêmes et laissaient en suspens leur politique étrangère. Il est d'ailleurs intéressant à ce titre de noter que la Chine s'adapte à la politique étrangère américaine, et profite de la vacance du leadership américain quand Washington ne peut pas, ou ne veut pas, prendre des initiatives à l'international. C'est exactement ce que nous observons à l'occasion de cette crise qui est ici, comme sur d'autres sujets, un révélateur à grande échelle et un accélérateur de réalités qui étaient déjà observables auparavant. Comme souvent, la Chine s'appuie sur deux caractéristiques pour relancer cette « grande séduction » : d'une part un soft power mis en avant par un discours modéré et favorisant la multipolarité ; d'autre part des moyens financiers considérables, et dont les autres grandes puissances ne disposent pas. La « diplomatie du masque » s'inscrit ainsi dans la continuité de la stratégie de soft power chinois – pensée dès les années 1990 et mise en œuvre à partir des années 2000 – et de la Belt and Road Initiative (BRI), que nous présentons souvent comme les « nouvelles routes de la soie ». Détail intéressant, cette stratégie de main tendue ne se limite pas à quelques acteurs, mais se veut, comme la BRI, globale. Les pays européens, sévèrement frappés par la crise à partir de février, bénéficièrent ainsi de cette offensive de charme chinoise, mais c'est également le cas du continent africain, du Moyen-Orient ou de l'Asie du Sud-est (qui est cependant moins impactée à ce stade). Et si le président brésilien n'était pas Bolsonaro, ce pays serait sans aucun doute en tête de la liste des bénéficiaires de cette diplomatie du masque (qui concerne matériel médical et même équipes de soins en certains cas). Si ces aides sont bienvenues, il fait cependant ne pas se montrer naïf. La Chine a besoin de relancer une mondialisation dont elle est devenue le principal acteur, et c'est donc par nécessité plus

que par choix que Pékin cherche à faire sortir au plus vite ses partenaires économiques et commerciaux de la crise sanitaire. Mais au final, c'est une Chine à la fois capable et volontaire qui est mise en avant, à un moment où le leadership américain fait défaut.

Est-ce que pour autant, comme l'affirme l'ancien diplomate singapourien Kishore Mahbubani, la Chine a gagné ? Le livre de Mahbubani s'inscrit dans la continuité d'autres travaux sur l'affirmation de la puissance chinoise. On peut par exemple mentionner le livre du britannique Martin Jacques, *When China Rules the World*, publié en 2010. Jacques avait à l'époque reçu de très vives critiques dans les cercles académiques occidentaux, qui lui reprochaient d'être un « panda kiss-er » (pro-Pékin), là où il semblait plutôt chercher de manière objective à démontrer que la Chine était en train « de gagner ». On peut mentionner également les travaux de Joshua Cooper Ramo qui avait identifié dès 2006 le consensus de Pékin et n'avait que peu été pris au sérieux à l'époque, ou le regretté Erik Izraelewicz auteur de *Quand la Chine change le monde* en 2005 et *L'arrogance chinoise* en 2011. Pour ma part, j'avais développé la question du soft power chinois dans *Chine, la grande séduction* en 2009 et la relation Washington-Pékin dans *Une guerre pacifique* en 2013. Mahbubani avance donc sur un terrain dans lequel il n'est pas isolé, et il bénéficie même, involontairement, du soutien du président des Etats-Unis, Donald Trump, ce dernier ayant déclaré en 2018 en réponse à une question sur les guerres commerciales avec la Chine que ces dernières ne datent pas d'hier, et que les administrations ayant précédé la sienne les ont perdues. Une autre manière de dire que la Chine a gagné, et que les mesures mises en place consisteraient ainsi à tenter d'inverser la tendance, mais pas d'anticiper.

Les défis chinois restent cependant importants, sur la scène intérieure comme on l'a vu mais aussi sur la scène internationale. L'hégémon chinois est ainsi l'objet de vives résistances en Asie, et l'image de Pékin est encore affectée par la nature du régime. Le rapport de force avec Taiwan et le problème de Hong Kong (nous y reviendrons) sont autant de limites à l'affirmation de la puissance chinoise, cette dernière étant contestée à ses marges et chez ses voisins. Reste que la Chine sort renforcée sur la scène internationale et, par le principe des vases communicants, les Etats-Unis en sortent affaiblis.

Quelle a été la stratégie de la Russie en direction des autres pays sévèrement frappés par la pandémie ? Moscou y-a-t-il vu une opportunité

de renforcer sa présence dans certains Etats, soit à l'intérieur de l'espace post-soviétique, soit dans d'autres régions ?

Sur le plan international, la Russie a manifesté le recours au soft power dans le cadre de l'aide humanitaire. L'aide internationale offerte par la Russie démontre sans doute certaines de ses priorités diplomatiques, qu'il s'agisse de l'aide apportée au Venezuela ou de l'envoi des masques et de l'aide médicale à l'Italie, la livraison de matériel médical aux Etats-Unis et à la Serbie. Ces actions poursuivent un double objectif d'afficher la bienveillance russe d'une part, et de souligner d'autre part l'incapacité des dirigeants européens à sortir de cette crise. De cette manière Moscou agit par mimétisme envers son partenaire chinois et montre également qu'elle compte dans ce type de gestion d'une crise internationale. Les nombreux reportages et tweets sur l'aide apportée aux Etats-Unis étaient tout d'abord destinés à l'audience occidentale et à la Chine pour renforcer le message que la Russie assiste la première puissance mondiale quand celle-ci est en difficulté. De cette manière, la Russie se positionne comme un intermédiaire entre Washington et Pékin dans un contexte de rivalité profonde entre les deux premières puissances. En ce qui concerne l'Italie, un détachement de 66 médecins et militaires russes venant des forces de défense chimique a été largement médiatisé. Les images des véhicules militaires russes parcourant 600 km entre Rome et Bergame porte cependant plutôt le visuel de hard power, surtout qu'il s'agit d'un pays membre fondateur de la construction européenne et de l'OTAN. Cette assistance peut aussi être interprétée comme une tentative de faire pression sur le gouvernement italien dans le but d'obtenir un soutien dans l'assouplissement des sanctions européennes. La demande de levée des sanctions, compte-tenu de la crise épidémique, a d'ailleurs été la seule contribution de Vladimir Poutine à l'agenda du G20 du 26 mars 2020. L'aide médicale transportée par les militaires russes vers la Serbie poursuit de son côté l'objectif de consolider les positions de Moscou dans les Balkans occidentaux face aux influences de l'UE, de l'OTAN et de la Chine. En outre, la Russie renforce sa campagne mensongère médiatique à travers les chaînes d'Etat pour utiliser cette crise à son avantage dans la lutte contre l'Occident. A titre d'exemple on peut citer l'information que le virus a été créé comme un arme de l'OTAN pour affaiblir les autres pays.

En ce qui concerne l'étranger proche qui est au cœur des priorités stratégiques de la Russie, un million de kits de test a été envoyé aux parte-

naires de la CEI (Communauté des Etats Indépendants), les pays de l'espace post-soviétique. 217 millions de dollars sur 10 ans ont été prêtés à la Moldavie à un taux d'intérêt annuel bas de 2%, et un soutien a été accordé à l'Ouzbékistan et aux pays membres de l'Union économique eurasiatique (Arménie, Belarus, Kirghizstan). Vladimir Poutine a également signé un décret interdisant l'expulsion des étrangers ressortissants des républiques ex-soviétiques et l'extension automatique de la validité de leurs visas et titres de séjour entre le 15 mars et le 15 juin. Cependant, la fermeture des frontières russes a eu un impact sur les pays membres de l'Union économique eurasiatique. Elle a eu pour conséquence la restriction des transports de marchandises, mais a aussi empêché l'entrée de milliers d'ouvriers venant d'Asie Centrale de participer aux travaux agricoles de la saison estivale. Ce fait aura un impact sur l'agriculture russe et également sur les pays d'Asie Centrale dont l'économie dépend en grande partie des travailleurs immigrés. En se montrant assez peu solidaire dans la gestion de la crise, la Russie manifeste bien que la création de cette union a des buts purement géopolitiques qui sont devenus secondaires lorsqu'elle affronte ses propres problèmes économiques causés par la pandémie. D'une manière générale, absorbée par la gestion de la crise à l'intérieur du pays et ses conséquences, la Russie est moins présente sur la scène internationale.

La pandémie a mis en exergue une confrontation de plus en plus marquée entre Washington et Pékin. Va-t-on vers une contraction des relations internationales (ChinAmerica) ou un éparpillement (à travers la concurrence et l'émergence de nouvelles instances de régulation du système international - G20 ; BRICs ; mais également les organisations sous-régionales, telles que l'Organisation de Coopération de Shanghai (OCS), la Conférence pour l'Interaction et les mesures de Confiance en Asie (CICA)...-, dont Pékin pourrait aussi bénéficier ?

La « Chinamérique », ou G-2, est une idée avancée dans les années 2000 pour décrire une nouvelle bipolarité, un équilibre mondial articulé autour de Washington et Pékin. Cette idée est aussi à l'origine des interprétations, parfois hasardeuses, sur une « nouvelle guerre froide ». Cette idée n'est donc pas nouvelle, elle semble même assez dépassée, mais elle fut pourtant l'objet d'un ouvrage publié récemment par Graham Allison, politologue américain plus connu pour ses travaux sur l'Arms control que l'Asie, dans lequel il invoque le piège de Thucydide pour prophétiser une transition de puissance qui conduirait à une

confrontation. Et avec la crise du Covid-19, la mention de guerre froide a envahi la sphère médiatique, témoignant sans doute d'un binarisme que la fin de la guerre froide – la vraie – n'est pas parvenue à effacer. Qu'il s'agisse d'une guerre froide ou d'un conflit ouvert, cette lecture de la relation entre les deux pays, assez en vogue outre-Atlantique et invoquée plus que constatée dans les cercles atlantistes, me semble très inappropriée pour de nombreuses raisons. D'abord, il n'y a pas aujourd'hui de lutte idéologique entre la Chine et les Etats-Unis, or l'idéologie était précisément au cœur de la guerre froide. On constate par ailleurs une très grande dépendance mutuelle – pas une interdépendance pour autant, ce qui était précisément l'argument de ceux qui voyaient se profiler une « Chinamérique » - entre Washington et Pékin, l'un et l'autre évoluant dans le même système-monde, or la guerre froide était une opposition de deux systèmes-monde. La guerre froide fut une rivalité revendiquée par les deux principaux intéressés, ce qui n'est pas le cas actuellement, puisque seul Washington semble adhérer au principe d'une confrontation de type-guerre froide. Les alliances, au cœur de la bipolarité, sont aujourd'hui remises en cause côté américain, et difficiles à composer côté chinois. On ne relève pas ainsi deux blocs en compétition comme ce fut le cas entre 1945 et 1991.

La multipolarité a également montré ses limites, et des plateformes comme le G-20 ou le G-8 (redevenu G-7, ce qui est significatif) sont de plus en plus contestées, comme le sont les organisations onusiennes. Nous vivons dans un monde où les désaccords prennent le dessus sur la coopération, et où les actions unilatérales s'imposent face à la multipolarité. Dans ce décor, les sombres prophéties de Ian Bremmer sur le G-zéro semblent malheureusement plus en phase avec les déséquilibres mondiaux que nous observons. Ce G-zéro signifie une absence de leadership, un concert des nations articulé autour de tensions et rivalités plus que la coopération entre les puissances. Il signifie aussi des zones d'influence et une implication à la carte, en fonction de l'évaluation de l'intérêt national et de la prise de risque. Et d'autres termes, sur certains dossiers des puissances comme les Etats-Unis et la Chine pourraient coopérer, tandis qu'elles seraient rivales sur d'autres et, en certains cas, absentes.

Ce G-zéro, architecture de la rivalité d'une certaine manière, suppose aussi que les grandes puissances cherchent à prendre l'ascendant sur les autres, en privilégiant certains dossiers sur lesquelles elles sont en position de force, et misant sur des partenariats régionaux ou mondiaux, sectoriels ou plus ambitieux. Mais dans

tous les cas, il ne s'agit pas ici de recomposer des systèmes d'alliance, et les initiatives de Pékin en direction des BRICs ou de ses voisins dans le cadre de l'OCS répondent à un opportunisme plus qu'à une logique de bloc (le fait de trouver dans l'OCS des pays rivaux comme l'Inde et le Pakistan l'illustre bien). Les coalitions « à la carte » et les alliances de circonstance, tout autant qu'un leadership fluctuant, semblent traduire l'équilibre – ou déséquilibre – mondial dans lequel nous entrons.

Comment la Russie adhère-t-elle à la vision de la multipolarité ? Et quel regard Moscou porte sur la rivalité entre la Chine et les Etats-Unis à la lumière des développements récents ?

Face au processus de constitution d'un monde multipolaire, les dirigeants russes ont formulé la notion de démocratie souveraine. Vladimir Poutine a exprimé ce constat à plusieurs reprises en soulignant qu'il n'y aura pas d'organisation de la communauté des nations sans le respect de la souveraineté de chacune d'entre elles. Il estime qu'il ne peut pas y avoir de légalité sans existence d'une légitimité. Cette dernière se construit dans un univers structuré par des intérêts divergents et valeurs multiples sur la base de la souveraineté. Le rôle de l'Etat est donc très important. Dmitrii Trenine, politologue russe constate que la crise du covid-19 va dans le sens de cette thèse chère aux autorités russes : « à l'heure où la communauté internationale se fragmente et où l'ordre libérale recule, l'Etat se réaffirme comme le principal acteur sur la scène globale ». Sergei Lavrov, ministre des Affaires Etrangères, a mentionné de son côté que partout dans le monde où existent ou non des structures d'intégration, ce sont les Etats qui ont géré la pandémie. Cela appuie fortement le constat sur l'inefficacité relative des organisations multilatérales face à la pandémie et les autorités russes visent notamment l'Union européenne. D'après Lavrov, « cette crise a coïncidé avec le débat croissant sur l'équilibre entre le fonctionnement des institutions supranationales et les responsabilités des gouvernements locaux ».

D'après Dmitri Trenine, dans le contexte actuel les Etats-Unis renoncent progressivement à un leadership global qui leur est devenu pesant pour se focaliser sur des enjeux nationaux. L'inquiétude concernant la place de la Russie dans le duel Chine – Etats-Unis est visible. La Chine est perçue par les Etats-Unis comme un concurrent stratégique sérieux et même un rival systémique, susceptible de faire de l'ombre au leadership américain sur le plan international. La Russie est pour sa part vue comme une puissance pauvre qui ne dispose ni des ressources ni des

forces suffisantes pour rivaliser avec les Etats-Unis, mais qui ne rate jamais l'occasion de nuire à leurs intérêts. Entre Washington et Pékin, la Russie a pour principal objectif de maintenir ses frontières actuelles, tout en gardant le territoire de la Crimée et le régime mis en place par Vladimir Poutine, basé sur une idéologie.

Le partenariat avec la Chine est important pour la Russie malgré le fait qu'il est fragile compte-tenu de son caractère asymétrique. Le pays est très fragilisé par son déclin démographique, sa dépendance aux hydrocarbures et aux matières premières. Un de ses objectifs est de développer le potentiel économique à l'est de son territoire sans trop dépendre des investissements chinois en Sibérie. Cette dépendance pourrait en effet conduire à une sinisation de ces régions tandis que 80% de la population vit dans la partie européenne. Il est important pour Moscou de garder une certaine indépendance en matière de politique étrangère et diversifier ses relations économiques, ce qui pourrait générer des tensions avec Pékin.

Des experts russes en politique étrangère appellent de leur côté à la diversification de la politique étrangère et affirment que la Russie devrait prendre une nouvelle posture globale pour peser davantage dans la nouvelle période qui s'ouvrent. Sa politique internationale devrait être qualifiée de pragmatique. Poutine a profité de la chute des prix du pétrole pour établir un canal bilatéral de dialogue énergétique avec président américain. Il est évident que la Russie va défendre son « partenariat stratégique » avec la Chine tout en évitant de devenir un partenaire « secondaire », et économiquement dépendant. Les intérêts russes et chinois coïncident partiellement mais divergent également sur de nombreux points. Ainsi, Pékin ne soutient pas la Russie sur la question ukrainienne et ne reconnaît pas le rattachement de la Crimée. Moscou ne partage pas la position de la Chine sur les questions territoriales en mer de Chine méridionale et sur ses désaccords avec New Delhi et Hanoi. Par ailleurs la Russie va certainement entreprendre des efforts pour développer plus des partenariats avec les pays d'Asie, notamment l'Inde et le Japon, l'un et l'autre étant perçus comme de potentiels rivaux de Pékin. Dans cette optique de recherche d'une nouvelle posture globale, la Russie va enfin renforcer ses relations avec l'Europe qui est son partenaire économique le plus important. Cela pourrait impliquer pour elle des concessions sur la question ukrainienne.

La Chine a choisi la fermeté dans sa manière de communiquer avec notamment une diplomatie dite du « loup combattant » qui semble débrider la puissance de la Chine, définie par la

Commission européenne comme un « partenaire stratégique » mais aussi un « adversaire systémique ». Est-on à l'aune d'un changement durable de stratégie diplomatique de Pékin vis-à-vis de l'Europe ?

La puissance chinoise s'affirme, et ne se contente plus des chiffres élogieux d'une croissance économique soutenue – bien que ralentie désormais. Cela signifie que le sentiment de fierté nationale retrouvée, sans lequel on ne saurait comprendre le rapport de la Chine au monde depuis un siècle-et-demi, est aujourd'hui exacerbé, au risque de l'arrogance, quand on regarde la manière avec laquelle la Chine fait pression sur des pays plus faibles. Ce sentiment de fierté, qui puise sa légitimité dans l'ascension spectaculaire de la Chine et son retour sur le devant de la scène, s'exprime à la fois dans la population et chez les responsables politiques. On voit ainsi une diplomatie plus décomplexée et qui semble avoir abandonné les préceptes de Deng Xiaoping sur la nécessité de garder un profil bas sur la scène internationale. Mais le « petit timonier » avait fait cette recommandation au début des années 1990, et les temps ont bien changé en trente ans. Cette diplomatie plus agressive n'est pas nouvelle, puisqu'on relève depuis une quinzaine d'années de plus en plus de réponses au tac-au-tac de Pékin aux critiques, mais elle est de plus en plus visible, et avec les « loups combattants », en référence au film chinois à grand succès *Wolf Warrior 2*, les diplomates ont désormais pour mission, aux côtés de leur rôle comme exécutants du soft power chinois, de montrer la fermeté et la détermination du régime. Nous ne sommes effectivement pas habitués à ces pratiques, les diplomates chinois étant jusqu'à récemment restés très discrets, et ne permettaient pas de faire des commentaires sur les pratiques des autres pays, en vertu d'une non-ingérence systématiquement invoquée par la Chine. Mais quand on critique la gestion des EPHAD en France pendant la crise du Covid-19, il s'agit bien d'une ingérence. De tels incidents se répéteront, ils pourraient même se multiplier en ce qu'ils témoignent de cette affirmation de puissance de la Chine.

La question de la dépendance économique et commerciale est étroitement associée à ce phénomène, en vertu d'une équation très simple : plus un pays est dépendant de l'économie et des investissements chinois, moins sa marge de manœuvre est importante. Dans le voisinage de la Chine, on parle d'un hégémon et même parfois d'une néo-vassalité pour décrire un rapport de force déséquilibré à l'avantage de la Chine, cette dernière en tirant profit. Les incidents sont nombreux, et ont concerné des pays comme le Laos, la Mongolie (l'un et l'autre très dépendants de la

Chine) et même, à l'occasion de la crise des THAAD en 2017, la Corée du Sud – Pékin avait alors engagé des mesures de rétorsion économique pour faire pression sur les choix stratégiques de Séoul. En Europe, certains pays sont plus « dépendants » de la Chine que d'autres, et leur marge de manœuvre s'en trouve ainsi plus limitée. Notons d'ailleurs à ce titre que la Chine agit ici comme n'importe quelle grande puissance, et on pourrait par exemple imaginer les mesures de rétorsion de Washington dans les années 1950 face à un pays bénéficiaire du plan Marshall qui aurait osé critiquer les desseins hégémoniques américains en Europe ! Mais dans le cas de la Chine s'ajoute à ce déséquilibre la nature du régime. Ainsi, est-il possible pour un pays très dépendant de Pékin de critiquer les violations des droits de l'homme, le traitement des minorités, le contrôle de l'information ou encore le discours martial à l'égard de Taiwan ? C'est pourquoi le partenariat avec la Chine, qui est une nécessité économique, ne doit pas se faire au détriment des valeurs et de la souveraineté politique des pays européens. Plutôt que de bomber le torse avec fierté et refuser en bloc ce partenariat – sans aucune alternative, rappelons-le, car la ré-industrialisation est une fable et les autres partenaires ne sont pas au niveau de Pékin – la bonne attitude consiste à établir une relation d'égal à égal, et à avancer sans naïveté, mais sans tentation de diaboliser non plus.

Comment la Russie se positionne-t-elle sur cette relation entre la Chine et l'Europe, compte-tenu de sa localisation géographique et de ses intérêts stratégiques et économiques ? Et la fermeté affichée de Pékin aurait-elle des répercussions sur Moscou ?

Malgré les désaccords sur la question ukrainienne, l'Union européenne reste le principal partenaire économique de la Russie et représente entre 40 et 50% de ses échanges extérieurs, donc trois fois le volume du commerce avec la Chine. L'UE reste également le premier investisseur. Même culturellement les Russes se sentent européens. A leur tour les Européens, par la proximité géographique, sont des excellents clients mais contrairement à la Chine ne peuvent pas offrir autant sur le plan stratégique. C'est pour cette raison qu'il est erroné de penser que la Russie se rapprochera inexorablement de l'Europe au détriment de la Chine, la réalité étant plus contrastée.

La politique de fermeté adoptée par la Chine pendant la crise de Covid-19 l'a positionnée en tête des puissances perturbatrices aux yeux des pays occidentaux, plaçant de fait la Russie au second rang des puissances nuisibles. La dégrada-

tion des relations sino-américaines et sino-européennes pourrait déclencher un nouveau paradigme des relations internationales, surtout commerciales. Contrairement à Washington, les Européens ne considèrent ni la Russie ni la Chine comme des adversaires, mais la crise fait émerger une opinion que la Chine est un partenaire à risque. Le rapport de la Commission européenne de mars 2019 la définit ainsi comme un partenaire, un concurrent et un rival systémique. Dans ce contexte, Moscou bénéficie indirectement du durcissement de la position de l'UE envers la Chine. La crise aura également nourri une prise de conscience de l'interdépendance trop forte avec l'économie chinoise et de la nécessité de diversifier des chaînes de production ou d'approvisionnement. Dans cette recherche de diversification, la Russie peut être gagnante.

Contrairement à l'agressivité de la communication chinoise, la Russie s'est mise ne retraits et semble mettre une pause sur son hostilité envers l'Occident. En parallèle elle démontre la capacité de projection de sa puissance au sein de l'Union Européenne en affichant sa générosité via l'aide humanitaire pour souligner l'incapacité des dirigeants européens à gérer la crise. En contrepartie de la main tendue, Vladimir Poutine demande l'arrêt des sanctions adoptées en marge du conflit ukrainien. Cette demande a été refusée par les Etats-Unis et l'UE et le ton conciliant adopté par Moscou n'a pour l'heure rien changé à la question ukrainienne. Même si certains pays européens comme la France souhaitent renouer des liens avec Moscou, ce n'est pas le cas des pays d'Europe centrale et orientale, qui considèrent la Russie comme une menace

КРАТКОЕ СОДЕРЖАНИЕ СТАТЬИ

Управление пандемией в Китае

Рассматривая внутреннюю политику Китая в условиях пандемии, нужно обратить внимание на национальную специфику реакции на этот кризис. Вирус появился в Китае, местные и национальные власти не были способны предвидеть его развитие, у них не было ни малейшего представления о правильном методе управления пандемией. Через несколько недель, которые недоброжелатели Пекина считают слишком длительной задержкой, но, тем не менее, быстрой с учетом контекста, Китай реализует чрезвычайный план беспрецедентного масштаба, в частности изоляцию гигантского мегаполиса Ухань и нескольких других регионов, где выявлены случаи заболевания. В общей сложности, мы говорим о 250-300 миллионах человек, которые в январе вступают в фазу чрезвычайно строгой изоляции. Таким образом, Ухань

полностью изолирован и будет оставаться таковым более 70 дней.

Чтобы выявлять больных и лечить их, был также мобилизован медицинский персонал со всей страны, увеличено количество мест в больницах, в частности, путем строительства временных больничных зданий в Ухане за несколько дней. Поэтому реакция Китая была впечатляющей с точки зрения колоссальных средств, используемых для сдерживания болезни.

В первые недели кризиса китайские социальные сети проявили признаки озабоченности, а также и недоверия, со свидетельствами очевидцев и упоминаниями о задержках, а также об отсутствии правдивой информации. Не потому, что китайский режим является авторитарным, в этой стране нет места для недовольств. Борьба с Covid-19 явилась наглядным примером этому. Однако, после периода критики, центральное правительство взяло ситуацию в свои руки, уволив в начале февраля местных чиновников и усилив контроль над информацией, распространяемой в социальных сетях. Си Цзиньпин, который находился в стороне в течение двух недель, вернулся на сцену, когда ситуация, казалось, лучше контролировалась. Однако он поспешил бы считать, что вышел победителем из этого кризиса, который позволил его премьер-министру Ли Кэцян - человеку Ху Цзиньтао, а не Си - быть в центре управления (он, в частности, посещал Ухань с января). Эта ситуация предвещает внутреннее соперничество.

Управление пандемией в России

К концу марта были закрыты все государственные границы и приостановлено воздушное сообщение. 14 марта Владимир Путин заявил, что эпидемия находится под контролем, но на самом деле не все идет по плану. Негативный эффект пандемии Covid-19 удваивается из-за нефтяного шока и расстраивает планы президента России, которому предстоит столкнуться с падением цен на нефть и, следовательно, угрозой для федерального бюджета. Референдум, назначенный для внесения поправок в Конституцию, был даже отложен, а грандиозный военный парад 9 мая отменен. Лишь 25 марта российский президент обратился к народу с официальной речью и предупредил его об опасности, призвав самоизолироваться на неделю. В результате популярность президента резко падает. Чтобы сохранить имидж сильного лидера, президент делегирует управление эпидемией губернаторам регионов. 1 апреля Владимир Путин подписывает закон, который дает правительству право

объявлять режим чрезвычайной ситуации на всей или части территории России в случае эпидемии. Он также предложил губернаторам самостоятельно управлять кризисом в своем регионе с возможностью адаптации мер в соответствии с развитием ситуации. Но тот факт, что применяемые меры по охране здоровья не являются единообразными по всей стране, отчасти объясняет рост пандемии. Таким образом, каждый регион, где ситуация сильно отличается, решал на местном уровне снизить ограничительные меры с 11 мая. Важно отметить, что у местных лидеров не так много ресурсов. Но в то же время больницы недостаточно оснащены и испытывают нехватку материальных средств. По оценкам Школы перспективных экономических исследований, с экономической точки зрения у 40% населения снизилась покупательная способность, а 10% россиян потеряли работу. К концу августа границы все еще были закрыты, и Россия сохраняла запрет на въезд на свою территорию для иностранных граждан.

Международная политика Китая в ситуации кризиса

Как это часто повторяется, Китай применяет два метода чтобы возобновить свое «великое соблазнение»: с одной стороны, мягкая сила и многополярность; с другой стороны, значительные финансовые средства, которых нет у других великих держав. Таким образом, «дипломатия масок» является неотъемлемой частью китайской стратегии мягкой силы - продуманной еще в 1990-х и реализованной в 2000-х - с инициативой «Нового шелкового пути». Интересно, что эта стратегия помощи не ограничивается несколькими игроками, она предназначена для глобального масштаба. Таким образом, европейские страны, серьезно пострадавшие от февральского кризиса, извлекли выгоду из этого «китайского очарования», но это также касается африканского континента, Ближнего Востока или Юго-Восточной Азии. И если бы бразильским президентом не был Болсонару, эта страна, несомненно, была бы в верхней части списка бенефициаров этой дипломатии масок (это касается медицинского оборудования и даже медицинских бригад в некоторых случаях). Однако, Китай не показывает себя наивным. Ему необходимо возобновить глобализацию, в которой он стал главным игроком, и поэтому Пекин стремится как можно быстрее вывести своих экономических и торговых партнеров из кризиса по необходимости, а не по собственному выбору. Но, в конце концов, это Китай, способный и своевольный, он выдвигается

вперед в то время, когда американское лидерство отсутствует.

Российская международная политика в условиях кризиса

Международная медицинская помощь, предлагаемая Россией, несомненно, демонстрирует некоторые из ее дипломатических приоритетов, будь то помощь Венесуэле, отправка масок и медицинской помощи в Италию или доставка медицинского оборудования в США и Сербию. Эти действия преследуют двойную цель - продемонстрировать российскую благосклонность, с одной стороны, и подчеркнуть неспособность европейских лидеров выйти из этого кризиса, с другой. Таким образом, Москва подражает своему китайскому партнеру, а также показывает, что она способна управлять международным кризисом. Более того, предложение об отмене санкций в условиях пандемии была единственным вкладом Владимира Путина в повестку дня G20 от 26 марта 2020 года. Что касается ближнего зарубежья, которое находится в центре внимания стратегических приоритетов России, миллион тестов был разослан партнерам из СНГ, странам постсоветского пространства. 217 миллионов долларов США на 10 лет были предоставлены Молдове под низкую годовую двухпроцентную ставку. Также поддержка была оказана Узбекистану и странам-членам Евразийского экономического союза (Армения, Беларусь, Кыргызстан). Владимир Путин также подписал указ, запрещающий депортацию иностранцев из бывших советских республик. Он также предусматривает автоматическое продление срока действия виз и видов на жительство с 15 марта по 15 июня. Однако закрытие границ с Россией оказало влияние на страны-члены Евразийского экономического союза. Это привело к сокращению перевозок товаров, но также предотвратило въезд тысяч рабочих из Средней Азии для участия в сельскохозяйственных работах в летний сезон. Этот факт повлияет на сельское хозяйство России, а также на страны Центральной Азии, экономика которых во многом зависит от трудовых мигрантов. Проявляя небольшую солидарность в управлении кризисом, Россия ясно показывает, что создание этого союза преследует чисто геополитические цели, которые стали второстепенными, когда она столкнулась с собственными экономическими проблемами, вызванными пандемией. В целом, поглощенная управлением кризисом внутри страны и его последствиями, Россия меньше присутствует на международной арене.

Какую позицию занимает Россия в мультиполярном мире и в соперничестве между Китаем и Америкой

Несмотря на разногласия по украинскому вопросу, Европейский Союз остается основным экономическим партнером России и составляет от 40% до 50% ее внешней торговли, что в три раза превышает объем торговли с Китаем. ЕС также остается крупнейшим инвестором. Даже культурно россияне чувствуют себя европейцами. В свою очередь, европейцы в силу своей географической близости являются отличными клиентами, но, в отличие от Китая, не столь интересны стратегически. Именно по этой причине неверно предполагать, что Россия будет неумолимо приближаться к Европе и удаляться от Китая, реальность более неоднозначна.

Твердая политика Китая и агрессивная коммуникация

Твердая политика, принятая Китаем во время кризиса, связанного с Covid-19, позиционирует его как ведущую разрушительную силу в глазах западных стран, фактически помещая Россию на вторую позицию среди вредоносных держав. Ухудшение китайско-американских и китайско-европейских отношений может вызвать новую парадигму в международных отношениях, особенно в

торговле. В отличие от Вашингтона европейцы не видят в России или Китае противников, но кризис заставляет думать, что Китай является рискованным партнером. Таким образом, в отчете Европейской комиссии за март 2019 года он определяется как партнер, конкурент и системный соперник. В этом контексте Москва косвенно выигрывает от ужесточения позиции ЕС в отношении Китая. В этом стремлении к диверсификации Россия может оказаться победителем.

Россия, похоже, отказалась от проявлений враждебности по отношению к Западу. В то же время она демонстрирует способность проецировать свою мощь в Европейском Союзе, демонстрируя свою щедрость в виде гуманитарной помощи, чтобы подчеркнуть неспособность европейских лидеров справиться с кризисом. В обмен на протянутую руку Владимир Путин призывает к отмене санкций, принятых на почве украинского конфликта. Эта просьба была отклонена Соединенными Штатами и ЕС, и примирительный тон Москвы пока не изменил украинский вопрос. Даже если некоторые европейские страны, такие как Франция, хотят восстановить отношения с Москвой, это не относится к странам Центральной и Восточной Европы, которые видят в России главную угрозу.

Dr. Barthélémy Courmont, Maître de Conférences à l'Université Catholique de Lille (France), (barthelemy.courmont@univ-catholille.fr)

Dr. Natalia Guilluy-Sulikashvili, Vice Doyen de la Faculté des Lettres et Sciences Humaines à l'Université Catholique de Lille (France), (e-mail : natalia.sulikashvili@univ-catholille.fr)

LA CHINE ET LA RUSSIE FACE AU COVID-19 : APPROCHE COMPARATIVE

La gestion de la crise du Covid-19 relève des différences très prononcées entre les différents pays fortement impactés par la pandémie. Les Etats-membres de l'Union européenne ont ainsi adopté des stratégies très différentes, avec des résultats contrastés, et l'Amérique du Sud offre des gestions parfois totalement opposées entre pays limitrophes, comme le Brésil et l'Uruguay. La Chine et la Russie, qui partagent une frontière de plusieurs milliers de kilomètres et ont fortement développé leurs relations, économiques et politiques, au cours des dernières années, n'échappent pas à ces contrastes, tant dans la réactivité des pouvoirs publics face à la crise sanitaire que dans la capacité à en sortir puis à proposer un nouvel agenda politique et géopolitique. Aussi, et compte-tenu du niveau de partenariat entre Moscou et Pékin, il convient de dresser un comparatif de la manière avec laquelle ces deux pays ont fait face à la pandémie, et de soulever la question de l'évolution des équilibres internationaux qui y est directement associée.

Mots-clés: pandémie, coronavirus, Russie, Chine, politique internationale

УДК 91

Бартелеми Курмон, профессор, Католический Университет Лилля (Франция), (e-mail: barthelemy.courmont@univ-catholille.fr)¹

ТУРИСТИЧЕСКИЕ ПУТЕВОДИТЕЛИ ПО СТРАНАМ АЗИИ: СПУТНИКИ В «ИНАКОВОСТИ»

Статья посвящена процессу написания путеводителей по странам Восточной Азии. Опираясь на обширный опыт путешествий и наблюдений в большом количестве стран, автор описывает процесс встречи с другой культурой и трудности, возникающие при передаче опыта исследователя.

Автор обращает внимание на то обстоятельство, что путеводители – постоянные «спутники» путешествий в наше время, обусловленное развитием туризма в мире вообще и в Восточной Азии в частности, – часто являются основным подспорьем, доступным путешественникам как при подготовке туристической поездки, так и в пути. Сочетая в себе исторические факты и практическую информацию, они позволяют познать малоизвестные культуры. В то же время, содержание путеводителей пронизано личным опытом автора. Таким образом, они являются результатом произвольного соединения объективной информации и субъективного взгляда на культурные особенности того или иного народа.

Путеводители отражают в себе опыт исследователя, его знания в данной области, а также потребности читателя. Они, кроме того, должны отвечать требованиям издательства. Необходимость соответствовать всем обозначенным требованиям порой приводит к немалым сложностям при составлении путеводителя. Особенно это характерно для стран и направлений с очень неоднородными культурными характеристиками. В таких случаях органичное сочетание авторских впечатлений от поездки и практической информации оказывается проблематичным.

Ключевые слова: путеводители, записки путешественника, культурные особенности, Азия, встречи.

Faire des voyages me semble un exercice profitable. L'esprit y a une activité continuelle pour remarquer les choses inconnues et nouvelles, et je ne connais pas de meilleure école pour former la vie que de mettre sans arrêt devant nos yeux la diversité de tant d'autres vies, opinions et usages.

Montaigne, *Essais*, III, 9.

Le travail d'enquêteur-rédacteur de guides de voyage est le résultat d'une rencontre et la consécration d'une altérité culturelle, dont l'objectif est d'offrir au lecteur des informations qui restent subjectives, mais doivent dans le même temps lui permettre d'organiser et de construire son propre voyage dans les meilleures conditions. Le guide de voyage est ainsi un compagnon de voyage qui accompagne son lecteur autant qu'un document qui le guide dans son itinéraire. Selon les collections, les auteurs de ces documents sont plus ou moins mis en avant, leur identité dévoilée, et les anecdotes ayant accompagné leurs recherches développées. La collection australienne – mais très rapidement mondialisée – *Lonely Planet*

propose ainsi des notices biographiques des différents auteurs, et les interroge sur leurs expériences favorites. A l'inverse, le *Guide du routard* – principale collection de guides de voyage en français – ne mentionne jamais le nom du rédacteur-enquêteur, adoptant le mode de la collégialité et d'un travail d'équipe. Le *Petit futé* mentionne de son côté les noms de tous les enquêteurs-rédacteurs, incluant ceux des éditions précédentes à partir desquelles le guide de voyage a été construit. C'est pour cette collection que j'ai travaillé, sur différentes éditions en Asie, à quatre reprises sur Taiwan, trois sur la Corée du Sud et deux sur la Birmanie, sur les guides Japon, Séoul, Corée du Nord, Mongolie, Malaisie, Singapour,

¹ Профессор Католического Университета Лилля, директор научных исследований Института Международных и Стратегических Отношений (IRIS) и автор около тридцати книг по международным отношениям, очерков и романов, Бартелеми Курмон жил и преподавал несколько лет в Азии. Он также является автором двадцати пяти путеводителей в коллекции *Petit Futé*, включая такие направления, как Китай, Бирма, Малайзия, Сингапур, Узбекистан, Монголия, Япония, Тайвань, Северная Корея, Южная Корея и Сеул.

Chine et Chine du Sud. Ces différentes missions, associant enquête de terrain afin de recueillir les informations nécessaires et porter un regard sur la destination, et rédaction des descriptions autant que des généralités historiques, géographiques, culturelles, sociales ou politiques de ces pays, constituent un exemple caractéristique de la rencontre entre des cultures éloignées – et très différentes les unes des autres – et les difficultés qui y sont associées.

Afin de mieux comprendre les différences entre les outils qui sont à la disposition des voyageurs, il convient d'établir dans leur finalité – et par conséquent leur style – une distinction entre les récits de voyage, qui racontent une expérience de voyage, et les guides de voyage, dont l'objectif est de préparer le lecteur à son propre voyage. Cependant, on retrouve un certain nombre de similitudes dans les deux exercices, en particulier dans l'approche choisie par l'auteur. Il est d'ailleurs assez courant que des auteurs de guides de voyage soient également auteurs de récits de voyage (Wheeler, 2007 ; Courmont, 2013). Par ailleurs, la généralisation des sites Internet d'informations aux voyageurs ont eu pour effet de rapprocher les guides de voyage des récits de voyage, les deux styles étant le plus souvent confondus sur ces plateformes. Ainsi, l'auteur d'un guide ne peut se contenter de fournir des informations brutes, au risque d'être exposé à la concurrence des sites Internet, celle-ci étant renforcée par l'utilisation des *smart phones* – et donc une utilisation en amont du voyage, mais également sur place – et la force de frappe des forums et du travail des influenceurs. Il lui faut donc commenter les informations, les expérimenter et, d'une certaine manière, les humaniser afin de mettre le lecteur en situation. De cette manière, il ouvre la voie au lecteur et sa démarche rejoint celle de l'auteur du récit de voyage, en ce qu'elle est le fruit d'une expérience de terrain. La subjectivité est ici évidente, malgré un effort constant de mise à disposition du lecteur, et le contenu d'un guide de voyage n'a pas d'intérêt si l'auteur ne prend pas le soin de commenter, voire de mettre en scène des situations auxquelles il fut exposé. Il y a dès lors une certaine similitude dans le contenu et dans la relation entre l'auteur et le lecteur, au-delà du style propre aux récits de voyage (Speake, 2003).

L'Asie orientale présente un cas particulier en matière de tourisme et plus encore en ce qui concerne l'invitation à la découverte, pour plusieurs raisons. D'une part, les connaissances du lecteur concernant la destination restent souvent assez limitées, et il attend dès lors plus qu'une simple liste d'informations factuelles. Le guide de

voyage doit pour lui être une véritable initiation au voyage, mais aussi à la culture du pays qu'il projette de visiter, aux coutumes ou encore à une histoire qu'il connaît peu, et parfois pas du tout. Les passages consacrés à ces différents éléments tiennent donc une place très importante, qui peut aller jusqu'à 30 ou 40% de l'ensemble du guide selon les cas, et c'est dans ceux-ci que l'auteur met en avant sa propre perception de la destination. Dans les pages consacrées à la description et à l'information sur place, qui constituent le reste du guide, l'auteur porte un jugement subjectif en sélectionnant ce qui lui semble le mieux adapté, et répond ainsi au besoin du lecteur d'être « pris en main » sur une destination que l'écart culturel rend difficilement accessible, que ce soit pour des raisons linguistiques ou liées aux fonctionnements sociaux. Un guide de voyage sur une destination en Asie orientale doit ainsi être à la fois une vitrine sur cette destination, et une sorte de boussole permettant au lecteur non initié de se repérer dans un environnement mal connu et difficile à appréhender, mais lui permettant dans le même temps d'assouvir son désir de connaître et un niveau d'exigence qui accompagne le développement du tourisme (Michel 2004).

Afin d'analyser le travail d'enquête et rédaction d'un guide de voyage en Asie orientale, cet article reprend les quatre temps qui le composent ; d'abord l'enquête préliminaire et la première rencontre avec la destination ; vient ensuite la deuxième phase de l'enquête, qualifiée ici d'entrée dans une autre culture ; s'en suit la rédaction du guide avec les choix parfois difficiles qui l'accompagnent ; puis s'impose la promotion du produit terminé, comme une sorte de retour à la normale.

Phase 1 : enquêter et rencontrer une altérité

Selon la légende d'Ulysse, c'est en poussant le voyage le plus loin possible que l'on découvre des différences culturelles. Mais quel est le sens à donner à ces différences auxquelles François Jullien préfère le terme écarts, considérant que « la différence est un concept identitaire (...) ; il n'y a pas d'identité culturelle possible » (Jullien, 2012 : 6). De même, comment s'opère le moment de la rencontre, et quel peut être son effet ? La généralisation du voyage au cours du XXème siècle et l'émergence progressive d'un tourisme de masse (Heorner, 2008 ; Dehoorne, 2013) ont modifié le rapport à l'autre, le sens à donner à l'exotisme et la découverte, en plus de la multiplication des voyageurs, et des leurs regards parfois très différents sur la même destination. Le profil de l'écrivain-voyageur en fut ainsi progres-

sivement transformé (Cogez, 2004). Pour autant, le travail d'enquête reste une rencontre avec une altérité, plus ou moins affirmée selon l'environnement culturel. A ce titre, les pays d'Asie orientale, de culture confucéenne (et parfois animiste), constituent pour François Jullien une extériorité plus qu'une altérité, compte-tenu de l'immense écart culturel qui les sépare de l'Occident (Jullien, 2007 ; Objois, 2013). Mais dans le cadre d'un travail d'enquête pour un guide de voyage, nous pouvons considérer que la rencontre avec une altérité est de manière générale la caractéristique principale d'une démarche qui dès lors s'inscrit dans la même catégorie que les récits de voyage. Il n'y a ainsi pas de différence fondamentale, sur des destinations comme l'Asie orientale, entre le travail d'enquête et de découverte de l'auteur d'un récit et celui d'un auteur de guide de voyage.

La phase d'enquête est à la fois la plus exaltante et la plus difficile pour l'auteur. Il lui faut accumuler les connaissances nécessaires – avant et pendant son enquête sur le terrain – lui permettant de comprendre cette altérité, la mettre en perspective avec certaines idées-reçues et certitudes mal évaluées (Balme, 2013 ; Lincot, 2013), déchiffrer des codes culturels et inscrire dès lors sa démarche dans le cadre d'une communication interculturelle dont il devient de cette manière l'un des vecteurs. Plusieurs générations de Français se souviennent par exemple de Tintin dans *Le Lotus Bleu* faisant écho à *La tentation de l'Occident* (Malraux, 1926) et expliquant au jeune Tchang comment ses compatriotes occidentaux percevaient les Chinois: fourbes, cruels, infanticides... (Hergé, 1936). Nombre de ces stéréotypes, d'une manière latente, survivent dans l'imaginaire collectif, et le guide de voyage, qui constitue souvent la lecture de référence pour les voyageurs, a pour mission de les atténuer tout en laissant une place à l'imaginaire. Le guide de voyage doit ainsi tordre le cou à des idées reçues et des préjugés tout en entretenant le mystère sur la destination choisie et le rêve d'un « ailleurs ».

Cette rencontre avec une altérité suggère la superposition de deux démarches : une découverte qui rejoint la démarche de l'auteur d'un récit de voyage ; et une collaboration avec les professionnels du tourisme et de la culture dans le pays visé, notamment les offices du tourisme, afin de récolter les informations nécessaires et de ne pas faire l'impasse sur des éléments importants. L'exemple du Japon est ici particulièrement éclairant. L'empire du soleil levant a été l'objet d'une multitude de récits de voyage, dont certains travaux récents qui mettent en avant ses particularités culturelles parfois difficiles à appréhender

pour un occidental (Barthes, 2005 ; Ferrier, 2008 ; Poupée, 2008 ; Macfarlane, 2009). En raison de sa civilisation, de son histoire et des coutumes spécifiques à sa société, le Japon est un pays pour lequel l'effort de l'enquêteur pour déchiffrer les codes est considérable. On ne peut ainsi comprendre la société japonaise – et donc en offrir une description qui soit la plus juste possible – sans prendre connaissance de ces particularités (Sabouret, 2004). Les autres cultures asiatiques, souvent fortement imprégnées de tradition confucéenne, présentent un décalage culturel comparable. Le cas de la Mongolie, pays connu pour ses immenses steppes et un style de vie qui y est adapté – qualifié de nomade, mais qui s'apparente davantage de nos jours à de la transhumance – et dont les codes sociaux et culturels sont très éloignés des cultures urbanisées, y-compris dans la région. Le nomadisme, ses contraintes, ses contours spatiaux – qui sont parfois illimités –, mais aussi ses croyances et ses rites d'initiation sont ainsi à la base de toute compréhension de la Mongolie et de ses habitants.

L'altérité peut aussi se colorer de décalages en termes de développement, d'urbanisation, ou de comportements liés à une croissance économique accélérée au cours des dernières décennies. Le sens de la « modernité » ne saurait ainsi être compris de la même manière dans les sociétés occidentales et dans les pays d'Asie orientale. Les sociétés japonaise, coréenne ou taïwanaise offrent ainsi une « autre modernité », avec un rapport à l'urbanisme, aux sites naturels, à des questions d'ordre sanitaire, sécuritaire, ou plus généralement social, qui est très différent de celui des sociétés occidentales (Poupée, 2008 ; Dayez-Burgeon, 2011). Les écarts de richesse sont également parfois très prononcés, et l'Asie du Sud-est offre à ce titre une mosaïque de peuples et de civilisations, mais aussi de grands écarts sociaux entre Singapour, l'un des pays les plus riches de la planète et des pays comme le Laos ou la Birmanie qui font partie des plus pauvres. Sur des distances parfois très réduites, ces écarts sont très prononcés, ce qui n'est pas le cas dans de nombreuses autres régions. Enquêter dans le cadre d'un guide de voyage dans ces pays, c'est aussi prendre la mesure de tels décalages afin d'en informer au mieux le lecteur. Une expérience du voyage dans d'autres régions et une bonne connaissance de l'Asie orientale sont précieuses, en ce qu'elles réduisent les risques d'incompréhension liés à ce décalage, et permettent à l'auteur d'offrir une description qui soit la plus juste possible et dont le principal écueil est de tomber dans un « exotisme » nourri

par les écarts de richesse plus que par les caractéristiques culturelles (Cazes, 1992).

L'altérité peut enfin être d'ordre politique, même si cet élément ne doit *a priori* pas être déterminant dans la description de la destination. Il est cependant incontournable. Le cas de la Corée du Nord est ici le plus significatif. S'il n'existe que très peu de guides de voyage consacrés à la Corée du Nord, ce pays n'en demeure pas moins ouvert au tourisme, par le biais d'agences spécialisées, et on relève même un nombre significatif de visiteurs, sans doute attirés par le caractère mystérieux de ce pays, lié à la nature de son régime politique. Tony Wheeler, le créateur de la collection *Lonely Planet*, s'est ainsi essayé à décrire ce pays dans un récit de voyage consacré aux Etats dits voyous (Wheeler, 2007). La plupart des guides de voyage consacrés à la Corée du Sud doivent également intégrer des passages consacrés à la Corée du Nord, que ce soit dans les parties historiques et culturelles, en raison des liens unissant les deux pays, ou dans la description, afin de fournir au lecteur les informations lui permettant s'il le souhaite de se mettre en contact avec une agence de voyage spécialisée, et de prendre connaissance de certaines informations. Les guides Corée du Sud consacrent ainsi un « dossier » à la Corée du Nord, ce qui pose un certain nombre de problèmes liés au différend politique et même idéologique entre les deux pays. Les professionnels du tourisme en Corée du Sud comprennent ainsi par exemple difficilement qu'un guide consacré à leur pays traite également de la Corée du Nord, pour laquelle ils portent par ailleurs un jugement souvent sévère ou au moins dubitatif à l'égard des touristes désireux de s'y rendre. Enfin, il va de soi que les descriptions de la Corée du Nord ne peuvent être aussi exhaustives que celles de la Corée du Sud, en raison des restrictions de l'accès aux sites, et c'est pourquoi ce pays ne fait que très rarement l'objet d'un guide à part entière. Cependant, « l'attractivité » de ce pays et la curiosité qu'il suscite – qui est d'ailleurs étroitement associée à son régime politique – a poussé quelques collections à publier un guide de voyage qui lui est consacré, et c'est le cas de la Corée du Nord. Je fus ainsi chargé de la rédaction de ce guide, dont l'essentiel du texte s'est articulé autour des informations d'ordre culturel, historique, mais surtout politique, l'objectif étant de faire comprendre au lecteur les réalités du pays qu'il choisit de visiter. Dans la galaxie des tourisms à thème, la découverte de régimes politiques en décalage avec la majorité des pays du monde occupe une place à part entière, et le rôle de l'auteur est de renseigner sur les réalités, y-compris les plus pénibles.

Dans le cas de la Chine et de Taiwan, cette altérité politique est accentuée par le développement rapide de l'activité touristique, et du statut particulier de ces deux entités sur la scène politique et diplomatique, marqué par l'absence de reconnaissance mutuelle, et un différend non résolu depuis 1949. Aucun guide de voyage ne peut ainsi associer ces deux destinations, au risque de faire le jeu de Pékin (en plaçant Taiwan dans un guide Chine), ou plus hypothétiquement en faisant le jeu de Taipei (en appelant ce guide « République de Chine », ou « Taiwan »). C'est pourquoi toutes les collections proposent deux guides distincts, et donc un consacré à Taiwan, ce qui soulève d'autres problèmes liés à la reconnaissance implicite, aux yeux de la Chine, de Taiwan comme une entité souveraine, voire indépendante. L'auteur doit tenir compte de la coexistence de ces deux Chines, et porter sur la Chine continentale un regard à la fois objectif et libéré de toute contrainte lié à la nature du régime au pouvoir. Comme dans le cas de la Corée du Nord, mais aussi du Vietnam et de tout autre régime autoritaire, il convient dès lors de ne pas faire de complaisance, mais sans non plus transformer un support de guide de voyage en essai politique. La difficulté consiste ainsi dans certains cas à distinguer le régime politique du pays et son potentiel touristique et culturel.

Ces différents niveaux d'altérité, sorte de baptême du feu pour l'auteur de guides de voyage, se retrouvent de manière très nette dans les pages consacrées aux généralités du pays, qui sont consultés avant et pendant le voyage, parfois même après, et celles-ci sont particulièrement indispensables dans le cas de guides traitant de destinations pour lesquelles les écarts ou décalages culturels sont très nets.

Phase 2 : Entrer dans une autre culture

Comment se passe l'entrée dans une autre culture, passage obligé avant de pouvoir la décrire et en partager la fascination ? Et quelle en est l'utilité pour le lecteur ? Auteur d'une *Chronique japonaise* puis d'un carnet de son séjour au Japon intitulé *Le vide et le plein*, l'écrivain-voyageur Nicolas Bouvier y reprend le style développé dans *L'usage du monde*, son premier récit de voyage entre la Yougoslavie et l'Afghanistan dans les années 1950 (Bouvier, 2004). Son récit est une invitation à sortir de sa propre culture pour entrer dans une autre, et s'inscrit ainsi dans la ligne des travaux de François Jullien, que Bouvier met d'une certaine manière en pratique. Pour Bouvier, l'écriture naît du voyage et de la contemplation que ce dernier

procure, comme le raconte d'ailleurs François Laut dans la biographie qu'il lui a consacré (Laut, 2008). Une phrase de Bouvier résume l'état d'esprit qui l'anima lors de ses nombreux voyages : « un voyage se passe de motif. Il ne tarde pas à prouver qu'il se suffit à lui-même » (Bouvier, 2004). Une phrase qui fait écho à la célèbre citation de Victor Hugo dans *Les misérables*, « Voyager c'est naître et mourir à chaque instant », ou à celle attribuée à Lao Zu, « Plus on voyage au loin, moins on se connaît ». Mourir et renaître, se perdre dans une autre culture : voilà ce qui pourrait résumer cette entrée dans une autre culture, fut-elle agréable ou douloureuse. Donald Richie, américain installé de longue date au Japon et expert reconnu du cinéma japonais, développe cette sensation dans le cas du pays qui l'a accueilli, « cet inconnu », que « vous pouvez vivre comme un attrait à savourer pleinement ou comme un inconfort à déplorer » (Richie, 2006). Il faut donc, pour l'enquêteur-rédacteur d'un guide de voyage dans des régions « au loin » comme l'Asie orientale, entrer dans cet inconnu et sortir des référents culturels auxquels il se rattache, l'objectif de son travail n'étant ainsi pas uniquement de décrire, mais aussi de comprendre, ou du moins de donner au lecteur les clefs lui permettant de construire sa propre compréhension.

En raison des écarts culturels importants qui les caractérisent, les pays d'Asie orientale soit laissent plutôt indifférents, soit au contraire passionnent et accessoirement divisent ceux qui cherchent à en percer les mystères, et portent sur eux un regard qui leur est propre. Le cas de la relation entre la France et la Chine est à cet égard éclairant. La distance – moins géographique que celle creusée par l'usage de ces langues très différentes que sont le français et le chinois – a largement nourri la part de fascination qui s'exerce pour les deux cultures qui, dans les faits, sont longtemps restées indifférentes l'une à l'autre (Lincot, 2013). Pourtant connue de longue date et racontée par Marco Polo à la fin du XIIIème siècle, il faut attendre le XVIIème siècle pour que la Chine commence à intéresser les décideurs français et le XVIIIème siècle pour qu'elle s'invite dans les débats philosophiques et parvienne à diviser profondément les penseurs des Lumières. Voltaire voyait ainsi dans l'empire du Milieu « la nation la plus sage et la plus policée de tout l'univers », tandis que Montesquieu considérait à l'inverse la Chine comme despotique, et donc à ses yeux le pire des régimes (Brizay, 2013: 87-100). On remarque ici que ces perceptions sont souvent fortement liées à des référents culturels du pays d'origine, et « l'entrée dans une autre culture » ne s'est ainsi pas effectuée. La mission

diplomatique britannique dirigée par Lord McCartney, qui rencontra l'empereur chinois Qianlong en 1793, présente un autre exemple intéressant d'échec de l'entrée dans une autre culture, caractérisé par l'incapacité des deux parties à communiquer et s'entendre. L'un des membres de cette ambassade, Aeneas Anderson, raconte ainsi que « nous entrâmes à Pékin comme des mendiants, nous y séjournâmes comme des prisonniers et nous en sortîmes comme des voleurs », comme pour mieux illustrer l'échec de cette mission et de l'échange interculturel qui devait la caractériser. D'autres voyageurs, comme Victor Segalen, sont cependant parvenus à entrer dans cette autre culture, et ont ainsi ouvert la voie de ce que doit être le dépassement de l'altérité (Segalen, 1973 ; Cheng, 2008).

Dans la relation entre les cultures occidentales et asiatiques, le problème vient le plus souvent d'une tentation qui consiste à idéaliser, ou au contraire à vulgariser à l'extrême des civilisations très différentes de l'Occident, à la manière de la description très critique de la civilisation chinoise rédigée par Pierre Loti lorsqu'il entra dans Pékin en 1900 aux côtés du corps expéditionnaire occidental (Loti, 2006). Le même Loti avait au préalable idéalisé le Japon, qu'il avait même comparé à un « Eden », et sa description très négative de Pékin en est presque le miroir. Aussi utiles que fussent ces récits, ils n'en demeurent pas moins marqués par un contexte particulier – Loti est entré à Pékin juste après les événements de la répression contre les Boxers – et une idéalisation de contrées lointaines, que Loti lui-même confesse au début de son récit consacré à la civilisation khmère et intitulé *Un pèlerin d'Angkor*, en racontant ses rêves d'enfant en Normandie. Pour François Jullien, dans la continuité des explorations ébauchées à la fin des années 1960 par Michel Foucault, la Chine est une hétérotopie, une sorte de localisation physique de l'utopie (Jullien, 2007 ; Foucault, 2009). Le même regard peut être porté sur les autres pays d'Asie orientale (Foucault estime ainsi qu'on retrouve des hétérotopies dans toute culture), du Japon à l'Indonésie, qui continuent d'alimenter l'imaginaire des sociétés occidentales, malgré des écarts culturels qui semblent s'effacer devant une homogénéisation des sociétés engendrée par l'accélération de la mondialisation. Les cultures asiatiques conservent leurs caractéristiques très fortes, et dans le même temps une sorte de mystère continue de les entourer, justifiant souvent le choix de ces destinations pour les voyageurs.

Fort de son observation et des contacts qu'il noue sur place pendant son enquête et parfois au préalable, l'auteur de guides de voyage est

progressivement initié à une autre culture, et la découverte des écarts doit lui permettre d'établir des distinctions entre la culture du pays qu'il offre à visiter, et celle de ses lecteurs. Il lui faut ainsi non seulement comprendre les référents culturels de la destination, et tenir compte de l'effort que devront fournir les visiteurs pour, à leur tour, entrer dans cette culture s'ils le souhaitent. Il lui faut ainsi, à la manière de Pierre Bourdieu, définir des champs qu'il superposera, afin que son texte puisse être utile pour plusieurs types de lecteurs, aux besoins différents, aux connaissances inégales, et aux objectifs pouvant varier. L'auteur doit entrer dans la culture qu'il cherche à décrire pour en extraire le sens et le proposer ensuite à ses lecteurs, et cette entrée est d'ailleurs le moment le plus exaltant de sa mission.

Phase 3 : définir les priorités dans la rédaction

La phase de rédaction d'un guide de voyage est à la fois la plus longue et la plus laborieuse ; d'abord parce qu'elle vient après l'enquête et ne suscite pas le même intérêt en dépit de l'excitation liée à la possibilité de partager des expériences et des perceptions avec le lecteur ; ensuite et surtout parce qu'elle impose des choix dans l'organisation des informations transmises, et la priorité accordée à certains sites ou établissements au détriment d'autres jugés moins pertinents – cette remarque pouvant même concerner des localités dans leur ensemble. Un guide de voyage doit offrir des repères au lecteur, et c'est à partir de ceux-ci qu'il pourra s'accaparer son voyage en le complétant avec ses propres expériences. La responsabilité de l'auteur est dès lors considérable, car c'est lui qui va définir quels sont les incontournables de la destination, quelles sont les meilleures adresses, et de manière plus sensible encore quels sont les lieux qu'il faut privilégier, selon la durée et la nature du voyage. Dès les premières pages du guide, des itinéraires sont ainsi proposés au lecteur, classés selon la durée du séjour et en proposant des thèmes. C'est également l'auteur qui identifie des zones, autant dans les agglomérations que dans les régions, et des points de repère à partir desquels le lecteur pourra s'orienter et préparer son voyage. La subjectivité est là encore évidente, mais elle doit s'effacer au maximum devant l'impératif de proposer une information facile à mettre en pratique, et qui répond à une certaine logique. Les itinéraires sont ainsi une sorte de compagnon de route dans les escapades que le lecteur effectuera lors de son voyage, et il est dès lors indispensable qu'il dispose de toutes les informations pratiques lui permettant de ne pas passer à côté des imman-

quables. C'est d'ailleurs par ce terme, « immanquables », que la collection *Petit futé* identifie, au début de chaque chapitre, les points d'intérêt et attractions les plus emblématiques de la destination. Les critères de sélection sont forcément subjectifs, de même que le sont les descriptifs, mais l'idée est de mettre en avant ces sites par rapport aux autres options qui se présentent au lecteur, en insistant sur leur caractère historique, culturel, esthétique ou encore un cadre naturel qui mérite une certaine attention.

La rédaction d'un guide de voyage est également étroitement associée à la promotion de certains établissements. Un guide de voyage, et c'est d'ailleurs l'une de ses distinctions avec un récit de voyage, doit proposer des adresses d'hôtels, de restaurants, voire dans certaines localités de cafés, lieux de sorties et même des commerces. La mise en place de la liste, qui est très sélective compte-tenu du format du support, s'appuie sur des critères de prix, d'accès, de qualité des services et privilégie parfois des situations particulières, comme un patron d'établissement parlant français, ou le caractère insolite des lieux. Cette sélection est parfois un véritable casse-tête pour l'auteur, pris entre la nécessité d'offrir une gamme de prix large et qui puisse satisfaire tous les types de lecteurs, l'impératif de ne pas passer à côté d'établissements incontournables, et le souci de rester le plus neutre possible tout en aiguillant le lecteur en lui présentant les arguments forts de telle ou telle enseigne. Devant la profusion des établissements dans les grandes agglomérations asiatiques, de Tokyo à Singapour, en passant par Séoul, Taipei, Pékin, Shanghai, Hanoi ou Bangkok, les choix sont parfois difficiles mais nécessaires, afin de ne pas proposer un produit final qui ne se distingue pas des informations accessibles sur Internet – ou la quantité des informations prend le dessus sur la qualité – mais un vrai jugement sélectif mettant en avant les enseignes les plus intéressantes dans leur catégorie de prix.

L'accent doit également être mis sur des informations très pratiques, notamment en ce qui concerne les transports et les facilités d'accès aux différents lieux mentionnés. L'auteur a ici l'impératif de fournir des informations fiables, précises, et utiles en toutes circonstances. Mais il ne peut dans le même temps énoncer de manière exhaustive toutes les informations relatives aux transports, au risque de noyer le lecteur. Il lui faut donc sélectionner les meilleures options, se mettre à la place du lecteur, et imaginer ainsi toutes les situations face auxquelles ce dernier pourrait être confronté. Le guide de voyage doit dans ce cas être une bouée de secours, un compagnon de

voyage permettant de se repérer, et de se déplacer d'un point à l'autre en suivant des directives précises et logiques. Cet impératif est d'autant plus fort que les pays d'Asie orientale ont pour une majorité d'entre eux leur propre système d'écriture, et une logique parfois très différente de celle des pays occidentaux. C'est pourquoi les guides de voyage prennent le soin de retranscrire le nom des localités, des sites et des établissements dans la langue d'origine, afin de permettre au lecteur d'utiliser ce support pour demander son chemin si nécessaire. L'auteur doit également créer une rubrique sur les us et coutumes, intitulée généralement « à faire et à ne pas faire », dans laquelle il fournit des informations essentielles permettant d'éviter des situations délicates, et de faciliter ainsi la communication interculturelle.

La phase de rédaction doit enfin s'adapter à l'impératif du format, et équilibrer les développements des différentes parties. C'est à cette occasion que la vision subjective de l'auteur doit se diluer au profit d'une mise à disposition du lecteur. Une hiérarchisation s'impose, mais elle ne doit pas être imposée, le lecteur devant disposer du guide comme d'un simple outil si les recommandations de l'auteur ne lui conviennent pas. L'auteur de guides de voyage est ainsi un « œil qui écrit » (Laut, 2008), mais cet œil doit pouvoir être utilisé par le lecteur selon ses souhaits, et pas de ceux de l'auteur, ce dernier devant par conséquent s'effacer derrière les exigences de son public. Il s'agit de la différence fondamentale avec un récit de voyage, qui ne s'embarrasse pas du moindre compromis.

Phase 4 : entre promotion et écarts entre deux mondes

L'ultime phase de mise en place d'un guide de voyage, qui concerne la maquette, la promotion puis enfin la vente, est souvent celle au cours de laquelle l'auteur s'efface malgré lui au profit des experts en marketing. C'est aussi au cours de cette phase que quelques tensions peuvent apparaître, en ce qui concerne le choix des photos illustrant le texte ou de la couverture, ainsi que des passages à mettre en évidence afin de susciter l'intérêt des lecteurs pour la destination. Ces tensions résultent d'un dialogue difficile entre un auteur familiarisé avec la destination et des professionnels du tourisme qui n'ont pas la même expérience, et ne connaissent parfois pas la destination – en particulier quand celle-ci est lointaine et « exotique ». Ces tensions s'expliquent par la collision de deux subjectivités : celle de l'auteur qui fort de ses connaissances de la mission porte un regard critique sur certaines destinations ; et celle de l'éditeur qui est à l'inverse marquée par

l'absence de connaissances précises, et est plus facilement exposée aux idées-reçues. L'éditeur est aussi directement concerné par la demande des consommateurs, dont l'étude repose sur des techniques de marketing et les courriers des lecteurs. De tels impératifs n'existent pas dans le rapport de confiance qui s'établit entre l'auteur d'un récit de voyage et son éditeur.

Dès la signature du contrat qui précède la mission, un certain nombre de directives sont imposées à l'auteur, résultant de l'évaluation par l'éditeur des besoins pour la destination. Ces directives sont autant d'objectifs que doit remplir le guide, et ont pour mission d'équilibrer le travail prospectif et le mode du récit. C'est cet équilibre qui permet au guide de voyage de trouver sa place entre le récit et l'accès à l'information brute, mais non commentée, souvent accessible sur Internet. Le guide de voyage n'est pas une simple liste d'informations, c'est un outil qui sert l'image de la destination. Il est à cet égard intéressant, dans le cas de partenariats avec les organismes chargés du tourisme dans les pays d'Asie orientale, de noter quelques tensions pouvant résulter de cette phase. Cela concerne la nature des régimes politiques, mais aussi le monde du tourisme plus spécifiquement. Les offices du tourisme voient ainsi d'un œil méfiant toute mention négative dans le guide consacrant leur destination. Les organismes officiels du tourisme au Japon sont ainsi peu enthousiastes à la lecture de passages faisant mention des crimes de guerre japonais pendant la Seconde guerre mondiale. De même, des pays comme la Corée du Sud ou Taiwan ne voient pas l'utilité de décrire les régimes autoritaires qui dirigèrent ces pays jusque dans les années quatre-vingt, et Singapour ne comprend pas le regard critique porté sur son régime politique autoritaire et les restrictions parfois très fortes dans la vie quotidienne. L'office du tourisme chinois enfin se méfie des pages traitant des minorités, des droits de l'homme ou encore des relations que Pékin entretient avec les autres pays de la région. Enfin, en raison des différends territoriaux et maritimes, l'usage de certains noms propres, comme Mer de l'Est (pour les Coréens) ou Mer du Japon (pour les Japonais) est à manier avec précaution, de même que les litiges frontaliers avec leur avatar culturel et touristique – cas du temple khmer de Preah Vihear, à la frontière entre le Cambodge et la Thaïlande et revendiqué par les deux pays.

Lors de ce processus, c'est aussi le regard des lecteurs qui prend le dessus sur celui de l'auteur, et deux subjectivités s'affrontent ainsi avec l'arbitrage de l'éditeur, soucieux de voir le produit répondre aux attentes du lecteur, mais désireux dans le même temps de mettre en avant l'observation de l'auteur et le mode narratif qu'il a choisi pour commenter, louer ou critiquer. La

collection *Lonely Planet* est sur ce point intéressante, car en mettant en avant l'auteur, elle lui confie l'entière responsabilité du contenu, et des choix qui l'accompagnent, à la manière d'un éditeur avec l'auteur d'un récit de voyage. Les éditions successives sont ainsi très différentes les unes des autres, en ce qu'elles sont accaparées par l'auteur, qui établit ainsi un lien direct entre sa vision de la destination et le lecteur. La majorité des autres collections favorisent un équilibre, qui a parfois pour conséquence de limiter la marge de manœuvre de l'auteur, afin de répondre à des objectifs commerciaux. On retrouve nettement cette tendance dans la valorisation de la destination. Ainsi, « les pratiques touristiques se trouvent dans un rapport paradoxal à l'économie: d'un côté, il est courant de valoriser le marche touristique ; de l'autre, les touristes et les professionnels du tourisme coproduisent un déni des caractéristiques marchandes des services et une relation enchantée au monde social » (Réau et Poupeau, 2007 : 10). De fait, par sa fonction de véritable promoteur du tourisme, le guide de voyage doit mettre en suspens la réalité ordinaire pour proposer au lecteur une vision parfois idéalisée de la destination dans laquelle ils projettent de se rendre. Aucun guide de voyage ne commencerait ainsi son texte par une formule du type « n'y allez pas, il n'y a rien à y voir d'intéressant », et à l'intérieur des différents guides, les régions les moins attirantes, si elles sont plus succinctement traitées que les principaux points d'intérêt, sont cependant l'objet de descriptifs. Dans la démarche commerciale et le rapport au client, le guide de voyage s'éloigne ainsi très nettement du récit de voyage, qui peut se permettre de sélectionner sans aucune contrainte les lieux décrits, et porter un regard parfois très critique sur certaines destinations, des comportements, ou toute situation considérée par l'auteur comme une mauvaise expérience qu'il ne recommande pas nécessairement.

On remarque ainsi en guise de conclusion le décalage pouvant parfois exister entre l'expérience de l'auteur, d'autant plus marquée dans les pays d'Asie orientale qu'elle se traduit dans la grande majorité des cas par des écarts culturels importants, et un produit finalisé dans lequel il est invité à donner son avis et partager sa perception, mais doit dans le même temps s'adapter à un public qui témoigne une curiosité certaine pour la destination et cherche un compagnon le guidant dans ses choix, mais souhaite dans le même temps construire sa propre aventure, quitte pour ce faire à pratiquer ce que François Jullien qualifie « d'indifférence » de la culture asiatique pour laquelle il manifeste cependant de la curiosité (Jullien, 2012 : 4). Le guide de voyage peut chercher à briser cette indifférence, et la contribution à un dialogue est ce qui ressort le

plus souvent de l'enquête menée par l'auteur, mais il se heurte inévitablement aux écarts persistants entre deux mondes.

Bibliographie

1. Balme, S. (2013), *La tentation de la Chine. Nouvelles idées reçues sur une puissance en mutation*, Paris: Editions Le Cavalier Bleu.
2. Barthes, R. (2005), *L'Empire des signes*, Paris: Seuil.
3. Bouvier, N. (2004), *Œuvres*, Paris: Gallimard.
4. Brizay, B. (2013), *La France en Chine. Du XVIIème siècle à nos jours*, Paris: Perrin.
5. Cazes, G. (1992), *Tourisme et tiers-monde. Un bilan controversé. Les nouvelles colonies de vacances ?*, Paris : L'Harmattan.
6. Cheng, F. (2008), *L'un vers l'autre. En voyage avec Victor Segalen*, Paris: Albin Michel.
7. Cogez, G. (2004), *Les écrivains voyageurs au XXème siècle*, Paris: Seuil.
8. Courmont, B. (2013), *Avant Eden. Sur les routes d'Europe et d'Asie*, Québec: Septentrion.
9. Dayez-Burgeon, P. (2011), *Les Coréens*, Paris: Tallandier.
10. Dehoorne, O. (2013), « Une histoire du tourisme international : de la déambulation exotique à la bulle sécurisée », *Revue internationale et stratégique*, n°90 (été) : 77-86.
11. Ferrier, M. (2008), *Le goût de Tokyo*, Paris: Mercure de France.
12. Foucault, M. (2009), *Les Hétérotopies - Le Corps Utopique*, Paris: Editions Lignes.
13. Hoerner, J-M. (2008), *Géopolitique du tourisme*, Paris : Armand Colin.
14. Jullien, F. (2007), *La Pensée chinoise dans le miroir de la philosophie*, Paris: Seuil.
15. Jullien, F. (2012), « L'écart et l'entre ou comment penser l'altérité », Working Paper n°3, Paris : Fondation Maison des sciences de l'homme (février).
16. Hergé (1936), *Le lotus bleu*, Bruxelles: Casterman.
17. Laut, F. (2008), *Nicolas Bouvier l'œil qui écrit*, Paris: Payot.
18. Lincot, E. (2013), *Esquisse de Chine*, Paris: Belin.
19. Loti, P. (2006), *Les derniers jours de Pékin*, Paris: Kailash.
20. Macfarlane, A. (2009), *Enigmatique Japon. Une enquête étonnée et savante*, Paris: Autrement.
21. Malraux, A. (1926), *La tentation de l'Occident*, Paris: Grasset.

22. Michel, F. (2004), *Désirs d'ailleurs. Essai d'anthropologie des voyages*, Québec : Presses de l'université Laval.
23. Objois, F. (2013), « François Jullien ou l'homme des frontières », *Monde chinois, nouvelle Asie*, 36 (hiver).
24. Poupée, K. (2008), *Les Japonais*, Paris: Tallandier.
25. Réau, B. et F. Poupeau (2007), « L'enchantement du monde touristique », *Actes de la recherche en sciences sociales*, 5, n° 170 : 4-13.
26. Richie, D. (2006), *Les honorables visiteurs*, Monaco: Editions du Rocher.
27. Sabouret, J.F. (2004), *Japon, peuple et civilisation*, Paris: La Découverte.
28. Segalen, V. (1973), *Stèles*, Paris: Gallimard.
29. Speake, J. (2003), *Literature of Travel and Exploration: An Encyclopedia*, New York: Fitzroy Dearborn.
30. Wheeler, T. (2007), *Dans les pays de l'axe du mal*, Paris: Lonely Planet.
31. Les guides de voyage couvrant les destinations en Asie du Nord-est dans les collections *Petit futé*, *Lonely Planet*, *Guide du routard*, *Rough Guide*, *Frommer's* et *Lets Go*.

Dr. Barthélémy Courmont, Maître de Conférences à l'Université Catholique de Lille (France), (barthelemy.courmont@univ-catholille.fr)²

LES GUIDES DE VOYAGE SUR L'ASIE, COMPAGNONS DANS L'ALTÉRITÉ

Véritables compagnons de voyage à une période marquée par le développement généralisé du tourisme dans le monde en général et en Asie orientale en particulier, les guides de voyage sont souvent le seul instrument dont disposent les voyageurs, tant dans la préparation de leur périple qu'une fois en chemin. Associant le mode du récit et de l'information pratique, ils sont le fruit d'une rencontre avec des cultures parfois mal connues, et leur contenu est imprégné des expériences de l'auteur. Ils sont ainsi à la fois le résultat d'un regard subjectif sur une altérité culturelle très marquée, et une compilation d'éléments factuels et de détails nécessaires au lecteur. Il s'agit d'un travail qui doit associer l'expérience de l'enquêteur ainsi que sa connaissance du terrain et les besoins du lecteur ainsi que les attentes d'une collection. Cela peut parfois créer un décalage entre différentes perceptions, surtout dès lors qu'il s'agit de destinations présentant des caractéristiques culturelles très différentes, et ajouter à la difficulté qui consiste à retranscrire par écrit des impressions de voyage associées à des informations plus pratiques. Basé sur des expériences de terrain dans un nombre important de destinations, cet article explore le processus d'enquête et de rédaction de ces guides en prenant l'exemple des pays d'Asie orientale, la rencontre d'une autre culture et la difficulté à en partager l'expérience.

Mots-clefs : Guide de voyage, récit de voyage, altérité, Asie, rencontre.

² Professeur à l'Université catholique de Lille, directeur de recherche à l'Institut de Relations Internationales et Stratégiques (IRIS) et auteur d'une trentaine d'ouvrages de relations internationales, d'essais et de romans, Barthélémy Courmont a vécu et enseigné plusieurs années en Asie et est également auteur de vingt-cinq guides de voyage dans la collection Petit futé, parmi lesquels des destinations comme Chine, Birmanie, Malaisie, Singapour, Ouzbékistan, Mongolie, Japon, Taiwan, Corée du Nord, Corée du Sud et Séoul.

УДК 91

Наталья Гильви-Суликашвили, доктор философии, заместитель декана по вопросам международного сотрудничества факультета гуманитарных наук, Католический университет Лилля (Франция), (e-mail: natalia.sulikashvili@univ-catholille.fr)

Годфруа Кизаба, доцент, Политехнический Университет О-де-Франс (Валенсьен, Франция), (e-mail: godefroy.kizaba@orange.fr)

Абделуахид Ассаиди, доцент, Университет Лорансьена, Кампус Садбери (Онтарио, Канада), (e-mail: aassaidi@laurentian.ca)

КУЛЬТУРА И ГОРОДСКОЙ ТУРИЗМ:**ИНОВАЦИОННОЕ ПОЗИЦИОНИРОВАНИЕ ТЕРРИТОРИИ НА СЕВЕРЕ ФРАНЦИИ¹**

Статья посвящена проблемам формирования благоприятного туристического имиджа современными европейскими городами небольшого размера. Используя отдельный кейс, авторы задались целью проанализировать процесс формирования привлекательного образа небольшим городом на Севере Франции. Для этого были изучены туристический и коммерческий потенциал города Рубе и его конкурентные преимущества, а также процесс использования этих преимуществ властями города.

Для проведения данного исследования был выбран метод тематического анализа. Исторический и документальный подход вместе с тематическим анализом интервью были использованы для демонстрации инновационного подхода к позиционированию отдельно взятой территории. Авторами статьи был проведен сбор данных, историческое исследование, а также наблюдения и личные интервью с представителями администрации города Рубе.

В ходе исследования были сделаны выводы о том, что существует бесспорная связь между Porter's Diamond и моделью CERISE REVAIT®, поскольку они позволяют нам изучить рыночное предложение (в данном случае в сфере туризма) в полном объеме и выявить конкурентные преимущества. Результаты исследования показывают, что сектор искусства и культуры является наиболее конкурентоспособным на территории Рубе и, вероятно, в других аналогичных случаях. В работе показано, что именно этот сектор был значительно поддержан государственными властями и остается «копилкой» символов Рубе.

Несомненно, тематическое исследование одной конкретной территории может привести к обобщению проблемы. В рамках данного исследования был изучен только один город. Именно поэтому было бы интересно провести сравнительное исследование нескольких территорий одного размера во Франции или же в других странах.

Авторы полагают, что результаты их исследования могут найти и практическое применение. Комбинация моделей Porter Diamond и CERISE REVAIT® может быть использована маркетологами для изучения коммерческого и туристического предложения практически любой территории и ее конкурентных преимуществ.

Ключевые слова: Рубе, городской туризм, территориальный маркетинг, привлекательность, позиционирование территории, Porter Diamond model.

Introduction

Culture and tourism are important forces in the economic development of a territory (Smith, 2003; Gezici, Kerimoglu, 2010). This case study focuses on an analysis of Roubaix, a town in the north of France, and aims to explore how specific knowledge, together with cultural and institutional resources can make a town more attractive to tourists.

Using the Porter's Diamond and CERISE

REVAIT® models, this article will focus on the way this town has been transformed and rebranded as a tourist destination. It has gone from being the poorest town in France to being a town rich in culture, attractive to tourists despite the persistent poverty and unemployment problems.

Roubaix is a paradoxical town in northern France, located in the Lille metropolitan area with a population of 969,000 inhabitants. Once the world capital of textiles which rivalled the 19th

¹ Статья подготовлена в рамках проекта «Политика Европейского союза в сфере образования и культуры как фактор интеграции: история и современность» при финансовой поддержке Европейского Союза (Программа ЕС по образованию, профессиональной подготовке, молодежи и спорта ERASMUS+ (направление Jean Monnet Activities, проект № 611226-EPP-1-2019-1-RUEPPJMO-CHAIR)

century weaving workshops of Manchester, one century later it became the poorest town in France. Indeed, in the 1970s and 1980s, international competition and automation caused an industrial decline which resulted in the closure of many factories.

In the context of several redevelopment efforts, the town is experimenting with new methods and has been able to take advantage of some successful cultural and economic projects, with online retail and information technology, and seems now to be well on the way to reversing the decades of decline. The local authorities in Roubaix, owners of a rich cultural heritage, have been committed for the last twenty or so years to a deliberate and ambitious policy to recapture, conserve, restore and market this heritage.

As a result, in 2001 the town of Roubaix earned the prestigious national label "Town of Art and History" from the French Ministry of Culture. This was renewed in 2016. The town received the label in 2001 as the result of a wide-ranging campaign to protect and enhance its history. According to David Harvey (2008), in order for towns to come across as attractive, innovative and cosmopolitan, and be officially labelled as such, they "must develop monopoly revenues, which help build up a symbolic collective capital and even attract a flow of incoming capital." From this perspective, how can a town be regenerated so that it becomes both attractive and officially recognised? Traditions and local cultural innovation, "creative fields that may be changed later," aesthetics and identity may all act as springboards to success in this process of standing out from the crowd and obtaining financial resources (Giroud, Verschambre, 2009). Obtaining this label is one important source of such finance.

Similarly, culture and tourism face considerable challenges in the current context (Dichter, 1985, Bertoldi et al. 2007). To succeed in urban renewal, the image of the town has to be changed and confidence restored to its population. Cultural action has been associated with economic development and the physical renovation of the town (Sacco, Blessi, 2007, Roth, Frank, 2000; Richards, 2001, Murphy, Boyle, 2006).

The aim of this article is to show how the town of Roubaix has been trying to restore its image and reposition itself in the region, but also, to understand better how the town has been able to rebuild its attractiveness and overcome the decline of its textile industry over the last decades. To do this, Porter's Diamond Model is invaluable. This method has the advantage of being a practical tool, which, thanks to the Diamond tip inventory and external factors relating to a series of

clusters (historical events, politics etc.), is able to analyse concrete cases. In addition, our analysis has been completed by the CERISE REVAIT® model, a diagnostic tool for territorial marketing which was developed by V. Gollain in 2012. The combination of these two tools has resulted in an in-depth analysis of Roubaix and has facilitated the identification of its competitive advantages. To our knowledge, there is no previous study which has applied these two methods to Roubaix.

This study is divided into three parts. The relevant literature is reviewed in the first part. The second part is devoted to the methodological aspects of our study, while the third section focuses on the results of this inquiry and discussion of the issues raised, followed by a conclusion.

Literature Review

The theoretical corpus of works on territorial economics establishes territorial capital as a factor of development when evaluating the competitiveness of local territories (Camagni, 2006, 2009). The concept of territorial capital was defined by the OECD in its Territorial Outlook report in 2001 and has been restated by the DG for Regional and Urban Policy of the European Commission. Roberto Camagni (2009) defines it as "a system of localized production activities, traditional skills, know-how... of rules and practices defining local governance". Territorial capital can be considered as a multi-dimensional set of features of a particular place that form the basis of its attractiveness (ATTREG, 2013). It is based on a wide range of factors that determine the "quality of a place" which is sometimes difficult to measure. Towns are considered as attractive hubs in the economic network of a region. Their attractiveness is determined by their capacity to retain mobile factors of production and/or population and is partly understood in terms of accessibility (ATTREG, 2013). According to Florida (2002, 2003), attractiveness is also related to the quality of life and amenities that the territory provides, among which socio-cultural capital is considered as an important factor to attract an intelligent workforce.

As a reaction to territorial competition, institutions and local communities may equip themselves with more specific means in order to promote their town to investors, business creators and tourists as good place for them to invest, a location for their businesses or their tourist destination (Antunes, 2000; Saez, 2017; Mathieson, Wall, 1982; Ahmed, 1991; Johnson, Thomas, 1992). Taking into account a growing necessity to specialize when faced with evolving markets, territories have had to develop certain characteristics in

order to appear attractive and to sell themselves to investors, entrepreneurs, tourists, and even to their own inhabitants (Kuratko, Audresch, 2009; Corte-Real, 2016; Kim, Lee, 2015; Lawson, Band-Bovy, 1977; Dwyer, Kim, 2003).

In the light of the above, the study of competitive advantages is therefore indispensable for a territory. We consider that a thorough diagnosis can be made using the two models that we have chosen. In our view, the competitive advantages identified by the classic Porter's Diamond Model can be supplemented by CERISE REVAIT®, a territorial marketing tool. The combination of these two models can provide a more complete and relevant expertise of the territory in terms of competitive advantages.

1.1. Porter's Diamond Model

Porter (1990) suggests in *The Competitive Advantage of Nations* a model which explains competitiveness between nations based on geography. The idea is known as the "Diamond Model" and is applied in a business environment. This model has been used as part of numerous industrial development policies in Europe and in North America. It has recently been used for several research projects in tourism, (Nordin, 2003; Van der Yeught, 2008 ; Kim, Wicks, 2010) and provides ideas for experiments in developing tourist destinations throughout the world. The cluster concept is at the foundation of the Diamond model. It was revived by De Holan and Phillips (1997) who had already recommended using it to evaluate tourism in developing countries. Kim and Wicks (2010) similarly refer to Porter's Diamond Model to elucidate the dynamics at work in the tourism cluster. Even though this concept stems from industrial economics, it can easily be applied to tourism because it highlights the role of organisational proximity, resulting from spatial proximity, within the dynamics of competitiveness. It is important to note that this model is essentially concerned with what territories have to offer and it is for this reason that we have chosen to base our research on this model. To develop a territory, Porter talks about clusters. These are concentrations of interconnected businesses, specialized suppliers, service providers, related industries and associated institutions (universities, business associates, (non-)governmental organizations) in a particular domain which are in competition with each other but which also collaborate. These clusters are generally characterized by their geographic proximity and the synergy produced due to this proximity results in geographical interdependence. The scope of a cluster is related to distance in terms of information, transactions,

motivation and efficiency (Porter, 1998, 2000). The importance of these clusters lies partly in external details, such as similar technology, skills, knowledge, and the participants, who provide the basis of all relationships between business and industry (Porter, 2003). All of these external details allow the businesses within the cluster to develop through exchanges and cooperation at various levels.

A cluster groups together businesses and industries of different or similar sizes, united by common interests (comparable needs and fears), synergy or interdependence, and who willingly develop cooperation in one or several domains (Graitson, 2000).

The determining factors of competitiveness, differentiation and the creation of networks may be defined as follows:

- Factors and conditions: The factors of production which a nation or a territory possesses are vital to its success. Any competitive advantage is the result of a mixture of several factors. Human capital, physical resources, knowledge, financial resources and infrastructure represent the five big categories which are described as factors of production. These can be divided into two larger categories: basic factors, such as natural resources, and complex factors including infrastructure, highly qualified staff, and research-based universities. Today these complex factors form the basis of any competitive advantage.

- Domestic demand for goods or services: this demand constitutes a decisive factor for a competitive advantage at the national level. This demand influences the rhythm and quality of progress and inventions made by the companies in a particular country or region (Porter, 1990). A competitive advantage is obtained when local businesses adapt more quickly to this domestic requirement than their foreign competitors, in that national needs are easier to grasp and less expensive to satisfy. The domestic demand will therefore allow the business to innovate and reinforce its strategies.

- Related and support industries: Some of their activities described in the value chain can be coordinated or shared. The presence of related competitive industries on the international level will have several positive effects which enable the dissemination of information about new technology and new opportunities. These industries are like the core around which the industrial cluster is born. Cooperation between related industries and those within the cluster enrich research and development all the while emitting positive results in terms of expertise.

- Firms' strategies, structures and rivalries: the world is dominated by those working in dynamic conditions. Domestic competition encourages companies to work to increase productivity and to innovate. These determining factors interact and mutually reinforce one another in a dynamic process.

- A combination of factors, to which Porter adds luck and the State, which determine the chances of a given company in a specific country and a given industry building a competitive advantage in comparison with competing companies in other countries.

Events caused by chance and which escape human control are inventions, major advances in basic technology, war, economic crises, changing demands emanating from foreign markets etc. The government has an important role to play in choosing its policies at all Diamond levels.

The main reason for using this model is to obtain an overview of how all the tourist activities in a given territory are coordinated. Tourism businesses also benefit from networking, creating specific and inimitable resources. Denicolai et al. (2010, p. 262) also point out that "the competitive advantage of the tourism destination as a whole often relies on the overall inter-firm network configuration, more than on a few individual firm competencies." Furthermore, tourism researchers show that transfer phenomena and sharing knowledge encourage tourist destinations to innovate (Alvarez Gonzales, Gonzales Morales, 2006; Shaw, Williams, 2009).

1.2. The CERISE REVAIT® Method

The CERISE REVAIT® method is an analysis tool which may be used to assist the economic development of a territory, town or region (Gollain, 2009). From this perspective, Chamard (2014) describes it as an "approach which aims to develop, on the basis of knowledge of the environment (geographic, demographic, cultural, economic, social, political), what a territory has to offer from the point of view of increasing the attractiveness and hospitality of the town." This approach consists of promoting the attractivity of a territory, presenting its qualities, its characteristics, its identity, as well as the efficiency of its public services and also promoting its positioning and giving it a favourable image through a common language established by shared values. Also called "territorial marketing," this approach facilitates the construction of territorial assets that are culturally innovative and credible (Gollain, 2015). This method has already been applied to Paris and Lyon. The slogan "Only

Lyon" was created following a diagnosis made using this method, but Roubaix has not previously been studied with the help of CERISE REVAIT®.

This is a French method and in the abbreviation, each letter stands for a domain in French. If we translate the abbreviation into English, CERISE REVAIT® becomes HBNISP RSVSOT®.

This method uses the techniques of a classic survey and studies several markets or aspects: H-human capital, B-businesses, N-networks, I-infrastructure, S-structured corporate actions, P-professional sporting events, R-research/innovation, S-services, V-values, territorial identity, S-secondary businesses, O-outside image, T- new technologies, ®-natural, physical resources. It aims to improve the competitiveness of a territory for different target audiences: investors, future shoppers, chambers of commerce, public facilities, residents, consumers, tourists and politicians.

The aim of this method is also to help the territories position themselves against other competing territories. It uses a differentiation strategy (Ries, Trout, 2000) and determines the salient and distinctive characteristics of a given territory and uses these differences to make it attractive.

The name of the town can be used to increase its reputation and to enhance the positive connotations which give a competitive edge compared with other towns. The image of a town's brand is linked to its history, its economic dynamism and to feelings about it experienced by its inhabitants and visitors. Tangible and intangible components are considered within this model. Tangible elements include tourist attractions, hotel accommodation, people and facilities; intangible ones are linked to history, culture, feelings, values, etc. (Ekinici, Hosany, 2006).

To summarize, there are three major uses for the CERISE REVAIT® method: analysing competitors, and notably their advertising discourse; identifying a territory's assets and key sectors bearing in mind the competitive environment; and creating a positive and attractive way of speaking about the territory (Gollain, 2010). Through these concepts, we see that this method is highly compatible with Porter's Diamond Model because it encourages the showcasing of competitive advantages.

The CERISE REVAIT® method is an approach used by towns and other territories in order to improve the attractiveness of their territorial offer, to reinforce their competitive position and to enhance their competitiveness. However, if being attractive and competitive enough to create attractions and facilities in line with what the

public desires turns out to be insufficient, it is necessary to manage and promote the town using an effective business development plan. It should be indicated that territorial marketing alone cannot fix the problems a region faces; it must rely on a global development plan based on Porter's suggestions (1990).

2. Research Methodology

2.1. Case study using a qualitative exploratory approach

This project has been undertaken as a classic case study using traditional methodology. According to Yin (2003a) "the distinctive need for case studies arises out of the desire to understand complex social phenomena" because "the case study method allows investigators to retain the holistic and meaningful characteristics of real-life events," such as showcasing a territory. In fact, case studies represent the preferred strategy when "how" or "why" questions are being asked, when the investigator has little control over events, and when the focus is on a contemporary phenomenon within some real-life context (Yin, 1981).

Roubaix was selected as we wished to find a representative example of this type of territory. Although our study focuses on a single town, it contributes to more general knowledge about how to showcase a territory. According to Yin (2003b, p. 8), "the single case study can represent a significant contribution to knowledge and theory-building. Such a study can even help to refocus future investigations in an entire field."

The second methodological decision concerned the type of research. The aim of this study was to investigate in depth the town of Roubaix and its competitive territorial advantages for tourism according to the Porter Diamond Model as well as the overall territorial assets based on the CERISE REVAIT® approach. A historical and documentary study of the territory, despite its limitations, made it possible to investigate the development of the town of Roubaix.

The historical and documentary approach together with a thematic analysis of interviews revealed several aspects of the territory and thus showcases the authorities' innovative approach to urban renewal and improving the town's image. Consequently, the territory may be the object of study from two points of view: an analysis of all the town has to offer and its competitive advantage.

The data collection, historical study, documentary data collection, as well as observations, were conducted from September 2018 to April 2019. To carry out data collection, face to face interviews were conducted with Loic Trinel (LT),

head of the Roubaix tourist office, Julie Bosquet (JB), chief receptionist at the Roubaix tourist office, and Nicolas Delaporte (ND), former regional director of France-Nord for Air France KLM, and who is currently working on territorial attractiveness issues. These interviews lasted six hours in total.

The interview guide was designed beforehand. It was composed of 20 questions. Each of the five groups of questions was based on one factor of the Porter Model and the various components of CERISE REVAIT®.

Several businesses were visited and documentary data was also collected. Data collection involved consulting regional archives, business documents and making direct observations. Some information concerning the strategic and international development of the town of Roubaix was available on the internet and in specialized journals.

This literature review inspired us to apply Porter's Diamond Model and the CERISE REVAIT® method in order to analyse the town, its regeneration, attractions and facilities.

On the one hand, we sought to analyse the current situation of the town, and on the other, to try and make its competitive advantages emerge. All statements are based on interviews as well as on observation and documentary research.

Four sets of data have been examined. The first is concerned with environmental factors or the development of the territory. The second concerns the competition and its influence on business strategies. The third looks at domestic demand and its influence on businesses. The fourth makes a study of secondary industries.

2.2. Case description

The town of Roubaix combines all the problems of old industrial towns: the collapse of traditional industries, the need for regeneration, urban restructuring and unemployment. Roubaix is entirely typical of such towns and may serve as a test case.

From the 1950s onward, many of the factories in the town started to fail as a result of the Europe-wide crisis in the textile industry. It was hit full force in the 1970s by an economic crisis: high unemployment, numerous redundancies etc. More and more companies went bankrupt, even then most solid and reputable among them. The regeneration of the textile industry using mail order catalogues was successful, but it was not sufficient to stop the movement towards an inevitable decline. As time went on, the town lost most of its industries and its urban fabric fell apart. The numerous industrial wastelands where factories

used to be became genuine eyesores. A sad picture was created of an industrial backwater and this contributed to the deterioration of the town's image, which is the ultimate factor of decline. It is not surprising that in these conditions Roubaix developed a worryingly high concentration of negative social indicators. In addition, the town faced problems with a large community of immigrants and their descendants (around 50% of the population) whom manufacturers had used when they needed a large workforce, but who later proved particularly vulnerable to unemployment. Poverty and discrimination against immigrants, notably regarding employment, made it hard for them to fit in. However, more recently, the town has been working hard to fight against the difficulties linked to the industrial decline of the 1970s-1980s. Today, noticeable things have changed for the better in Roubaix. Many university and college antennae have been built in the town of Roubaix, bringing thousands of students (EDHEC Business School, ENSAIT School of Engineering for the Textile Industry, ESAAT School of Applied Arts and Textile Design, the Modern Languages and Communication departments of the Université de Lille). The development of new digital industries is important, so are creative and cultural factors, such as an innovative cultural policy leading to a vibrant cultural life in the town (La Piscine Museum, the André-Diligent Art and Industry Museum, the Condition Publique creative laboratory, the Colisée theatre, the National Archives of the World of Work [Archives Nationales du Monde du Travail], Street Art etc).

The town today has 45 historical attractions, it is recognised for its artistic and historical sites, and it has the Barbieux Park which was designed as a prestigious promenade for Roubaix's wealthy elite, but also as a recreational area for all. It welcomes tourists. The "Town of Art and History" team within the Department of Culture and the Tourism Office in Roubaix offer numerous packages to enable visitors to discover the wealth of its history through visits, exhibitions, events and workshops. A solid tourist infrastructure has been developed to provide everything the tourists need. 2019 has been a great year for sport with the reopening of the Danille Lesaffre swimming pool at the beginning of the year, the mythical Paris-Roubaix bicycle race on April 14, the departure of the final stage of the Grand Prix for the Hauts de France region, the 4 days of Dunkirk bicycle race starting on May 19th and many other important sporting events. Roubaix is also demonstrating its great ability to innovate (Buy a house to renovate for 1 Euro, Zero waste, urban farming, digital communica-

tions projects). It is a rich town with several development projects and a strong identity is felt by its inhabitants and sometimes generates a strong attachment to the place. However, some socio-economic paradoxes persist today: 45% of the population lives on less than 977€ per month, and 39,83% [1] of the population did not vote in the last elections. With 28% of the population declared as unemployed, a major portion of the people of Roubaix are simply spectators of the changes in their town.

3. Results and discussion

3.1. Synopsis of interview results

The thematic choice for any research article is determined by the aim of the research. Following the analytical framework presented above, two sets of variables were examined. The first was related to the choice of strategies and their implementation, using CERISE REVAIT®. The second set of variables was examined using Porter's model, based on the ideas expressed by the people interviewed. The information was processed via a method of thematic analysis. According to Chiglione and Matalon (1978, p. 28), thematic analysis consists of "isolating the themes in a text in order to, on the one hand, reduce them to usable proposals, on the other to enable comparison with other texts processed in the same manner." This process led us to establish "a distinction between primary and secondary themes." Analysing primary themes makes it possible to explain the content of the segment of text being analysed. As for secondary themes, they enable us to identify specific aspects of the main themes.

The main elements of this type of analysis are as follows:

- Identifying significant, tangible or permanent parameters by examining historical facts and economic factors
- Understanding the municipal and regional authorities' underlying logic, policies and strategic actions
- Understanding personal judgements, experiences and organizational constraints
- Identifying developing trends in terms of organization and business approaches
- Identifying the external factors which determine both strategic moments and the decision to invest in activities linked to innovation
- Understanding the aspirations and motivations of economic actors and also municipal and regional authorities

These elements are further explained in the following table.

Table 1

Most notable findings from the interviews

Main points	CERISE REVAIT® (HBNISP RSVSOT®) elements	Contents
Environmental factors and specific conditions	S -structured corporate actions P -professional/sport events O -outside image T -territorial values and identity @ -natural/physical resources, iconic locations H -human capital	very difficult economic situation ; unemployment amongst the local population ; the industrial past, textiles ; entrepreneurship, mutual aid, resourcefulness of the population, willingness of the state and public authorities to develop the territory, artistic talent, cultural and sporting events, rich heritage, large and inexpensive spaces
The influence of competition on the business strategies in the territory	B -businesses/leading actors R -research/development innovation	the presence of businesses in the same field and in the same territory encourages innovation, research and development
Domestic demand and businesses	N -networks/linking points I -infrastructure/real estate S -services	Public demand becomes more and more sophisticated ; atypical places in the city attract more people
Related and support industries	S -secondary industries	Innovative start-ups, textiles, communication, SME, job creators

In terms of the main theories of international/interregional trade, regions do not compete with each other according to the Ricardian principle of ‘comparative advantage’—which guarantees each region a role in the international division of labour—but rather according to Smith’s principle of ‘absolute advantage’, which is similar in nature to Porter’s concept of ‘competitive advantage’ (Camagni, 2002).

The construction of a territorial competitive advantage requires territorial resources to be mobilized in order to emphasise “typical features from a specific territory which need to be developed” (Gumuchian, Pecqueur, 2007). This approach relies on economic, social and geographic as well as ideological components (history, values) that are specific to the territory concerned and supposes the willingness of those involved to cooperate. The people concerned do indeed play a key role in the identification, invention and promotion of new resources and should be capable of using them as springboards for the development of the territory (Oiry-Varacca, 2012).

Following these principles, attention is drawn to the territory’s competitive advantages through Porter’s Diamond Model and its overall territorial assets through CERISE REVAIT®. Such an approach can provide knowledge about the changes in and development of the territory and its competitive advantages.

This method sheds light on different factors – basic or complex – and on how they impact

the town of Roubaix, as well as on competitors, what the public wants, and any secondary industries developed in the area.

These results will be discussed in the following sections.

3.2. Environmental Factors and the Specific Conditions in Roubaix

In what Porter labels “chance that can impact a territory,” we can explore the town’s particular economic situation. Roubaix went through a lasting crisis starting in the 1950s. The dominant textile industry did not invest in the most modern technology and preferred to rely on the low cost of the work force, principally composed of immigrants. The number of jobs lost over the past 40 years or so is even larger than the tragedies encountered by the steel industry ...but this slow decline has affected the population’s way of thinking. In addition, urban redevelopment has been slow (David, 2003). Let’s see how LT described this situation:

The town went through a very difficult economic crisis and the inhabitants suffered from this. Mutual aid and resourcefulness helped create an attitude of resilience. Roubaix had all the right ingredients to survive as a town. The artists came in the 1980s. Thanks to a few willing helpers, the association “Art Action” was created. Then, the first places like the RITA workshop saw the light of day. Roubaix was the poorest town in France with very low rent for both professional premises

and housing, therefore this incited artists to come and live here. The opening of La Piscine Museum in 2001 accelerated this wave and Roubaix became a town where art and artists were able to develop. The town council built on this by creating the “Art Nights,” which take place twice a year. There are now seven art centres and large collective spaces which incite even Parisians to come and relocate here. They feel that the town is dynamic and that there are favourable conditions for them to make progress.

S – Structured Corporate Actions

This section is concerned with resources that are built into the framework of a public/private partnership, understanding a particular territory’s development strategy, and analysing the way that territory is governed (Hattem, 2007; Fayos-Solà et al, 2014, Argiolas et al., 2009). In his model, Porter gives great importance to the willingness of national and local authorities investing resources to make the territory attractive and competitive.

According to Porter, the competitiveness of a town does not depend on its resources but also on how effectively it uses them (Porter, 2003). Industries develop according to the needs and desires of the people in any town or country. In other words, the demand directly contributes to the development of industries. In addition, the presence of a potential domestic demand is essential for innovation and development. In fact, that is what has been happening in Roubaix, local demand contributes to the development of industries and entrepreneurship.

The national and local authorities have strongly encouraged the development of Roubaix. Town planning is both economic (preservation and development of services to access employment, training...) and social, equally concerned with education, public health and fighting poverty (David, 2003).

On the regional level, the Regional Council has defined three major objectives: balanced and equal investment in development for all parts of the region, encouraging the attractiveness of the region for inhabitants and visitors, and finally opening access to cultural programmes (Region Nord-Pas-de-Calais, 2011). In addition to helping and supporting artistic activities, valuing the town’s heritage and even developing decentralized cooperation, the Regional Council’s plan has led to the establishment of large projects brought about by local initiative (Grelet, Vivant, 2014; Douglas, 2005).

ND’s remarks underline the existence of this political commitment:

There have been emblematic figures in Roubaix. For example, the former mayor, René Vandierendonck, did a lot for the town, and the current mayor, Guillaume Delbar, who is a politician as well as being the director of a company, has brought a different – more entrepreneurial – vision to the territory.

P- Professional and Sporting Events

This variable includes all the professional events organized by the territory (conferences, fairs, markets, seminars, visits to sites, festivals etc.) as well as all the services and ancillary facilities for these events (hotel accommodation, reception, signs, information). Events cause information about the destination to be widely disseminated (Smith, 2005; Nadeau et al., 2008) and thus influence the creation of cognitive images about its assets (Gartner, 1993; Holbrook, 1978).

One of the most important events is the Paris-Roubaix race, one of the oldest bicycle races in the world. It started in 1896 and attracted 2 million visitors in 2017. Another key event was created by Xavier de Richemont, a video-painter who made a “video painting” about the history of Roubaix as part of URBA IXO [2].

The “I love Roubaix” Street Art Map is published annually in conjunction with #XU and highlights different murals and frescoes etc. across the town [3]. #XU was launched in 2015 to celebrate urban culture with mural paintings in the once-abandoned industrial areas. The town also has “Green Fashion Days” to be at the forefront of ethical fashion. The town council also organizes the biannual “Art Nights,” significant events in the town. LT and JB state:

Art Nights are very important events. There are two every year: one in May and one in December. They attract 20,000 people per year to the town.

LT continues in the same vein:

This artistic wave began naturally. The artists came and opened their workshops. Art Point M arrived in Roubaix over 20 years ago. The opening of La Piscine Museum a little later stems from political and municipal commitment, as do the festivals #XU and Art Night. And in addition to that, we noticed that one small event would associate with other small events and this often had a big impact on a big event. Therefore, we encourage this by creating a time we

call "Open Roubaix." It's the first weekend of the month when associations can organize their events and together attract a lot of people.

O- Outside Image

The outside image of the territory should be perceived as a factor that benefits everyone, notably when it gives the territory an edge over its competitors. The outside image or destination image is defined as "the sum of beliefs, ideas and impressions that a person has of a destination" (Bigné et al., 2001). To be effective, this territorial image should be "credible, simple, attractive and distinctive," because it constitutes a selection criterion for the choice of location for the person concerned (Merunka, Ouattara, 2007). Developing a positive destination image also encourages tourists to return frequently (Mathieson, Wall, 1982; Johnson, Thomas, 1992; Kim, Lee, 2015) and contributes to understanding the tourists' post-purchase behaviour (Bigné et al., 2001). In the case of Roubaix, obtaining the label "Town of Art and History" changed its outside image a lot.

Roubaix town council applied to the Ministry of Culture in 1998 in order to obtain the label "Town of Art and History," which it gained in 2001. This was done in order to transform the negative image of the town into a positive image and also to create a new momentum. The assets of the town were presented by the local authorities as a cultural and artistic breeding ground as well as highlighting a history strongly marked by the period of the textile industry. These interlocking elements, all connected to the town's heritage, have allowed the town to develop a positive image and seize the opportunity to relaunch the sense of pride for its inhabitants in belonging to Roubaix (Guinand, 2009).

LT confirms the importance of the label:

A great plan is essential to creating projects that work. The container is as important as its contents. Culture has been a catalyst for the economic dynamism of the town and it has changed the town's image. La Manufacture Museum, the Villa Cavrois, the arrival of artists and art galleries. The entrepreneurial side of the town often moves alongside the cultural side which contributes to its attractiveness.

JB reacts to his remarks:

Culture gives a dynamic image to the town and consequently start-ups come to set up here.

ND continues:

Regarding artistic activities, the town council has invested a lot in this field. The Condition Publique creative laboratory is a good example of a successful investment.

V – Territorial values and identity

These are the characteristic features shared by an entire territory (expertise, commitment, territorial identity). Territorial values and identity stem from the commitments and values of the men and women who live there. The relationship that individuals have with their territory is a strong element in this commitment. Therefore, it is also related to the territory's way of presenting itself. That is to say, in the general way economic actors represent events or behave ("love of a job well done," "time management," etc.) (Lee Sang, Peterson, 2000). Local development goals are established to encourage an attractive territory and a well-defined identity for it. (Vasile, 2015).

Roubaix is committed to several values.

First of all, work. This town has always been defined by work. Work used to be the purpose in life for the population as either boss or worker. Life was organized around the factories and the factories and neighbourhoods organized the social life, party life, community life, trade union life and even political life of the population. We can thus better assess the trauma that losing this work represented. When there was no longer any work, how could people make social contacts? That was the question asked by the political elite of the town. They felt that the town had a duty to organize a large and systematic effort to enhance the collective memory (David, 2003), as part of its strategy to make the most of its heritage.

According to ND:

Roubaix has also traditionally been well-known for its entrepreneurial spirit:

The entrepreneurial spirit is strong in Roubaix. Not only because there have been famous industrial families from this territory; but also on account of all the start-ups that have been established here, the people who have come here etc. Entrepreneurship is a good characteristic of this territory. There is also, historically, the relationship that company bosses had with their workers which had a paternalistic outlook that contributed a lot to entrepreneurship and goodwill.

According to JB:

Speaking of values, first of all, there is multiculturalism because of all of the different nationalities who live in Roubaix. The important elements to underline are work and a feeling of belonging to the town and to its heritage.

LT adds in turn:

Sport is an important value above all for the youth, in that the town's population is very young. Work and business are equally strong values for the people of Roubaix.

® – Natural and physical resources, iconic locations

These are resources “given by nature” and which may give a unique competitive advantage to a territory. They can be:

- The geographical position of the territory in the surrounding economic area, mineral or natural resources (wood, water, etc.), landscapes, climate, low level of pollution, etc.
- Cities or rural spaces that are particularly picturesque.
- A well-known historical heritage. According to Nuryanti (1996), this contributes to the destination image and provides visitors with chances to capture what was in the past and interpret it in the light of the current situation.

Roubaix opted for a policy of redevelopment with special emphasis on the fields of heritage and culture. Several former factories were transformed into cultural spaces: the Motte-Bossue factory houses the centre for the “Archives of the World of Work.” The Roussel factory welcomes ballet dancers from all over the region for rehearsals and the old wool processing factory (Condition Publique) is a cultural and artistic centre (Guinand, 2009).

Loic confirms the importance of heritage in creating Roubaix’s competitive advantage:

There are some very beautiful buildings. La Piscine Museum contributes a lot to the image of the town. We are lucky to have this rich, industrial heritage which has been rehabilitated and transformed into places one can visit. There are also art deco buildings. These heritage sites all give us large, available spaces to develop projects.

ND highlights that the image of the town is strengthened by the Piscine Museum:

The Piscine Museum in Roubaix is widely known. The visitors who arrive in the context of my work all wish to visit the Main Square in Lille, Lille’s Old Town and, after that, La Piscine Museum in Roubaix, because they’ve heard it talked about. It is a unique place. Even the word association is very strong: La Piscine means The Pool in French.

H - Human Capital

Human capital as an essential factor in economic growth, education and training are studied in this section. It also includes the question of individual salaries and financial rewards (Mincer, Polachek, 1974).

The presence of colleges and universities shows both state-funding and private investment in producing qualified human capital. But this is not all, because the State also encourages the development of human capital in the Arts. In

contrast, a notable discrepancy persists between the local population and the students and young professionals who work in the town.

This is how ND describes this situation:

The rate of unemployment is very high in Roubaix (more than 31% in 2017). In my opinion, there is a huge gap between what the town does today in terms of economic activity and the people who remain on the sidelines after the closure of the textile factories. Those who live here and those who work here do not have the same skills. Let’s take the example of the students from EDHEC who study in Roubaix but live in the centre of Lille. There could be a place for student life in Roubaix but I don’t get the impression that this exists. There have been projects that were not followed through. We get the impression that no one took responsibility for integrating the students and creating a way for them to live alongside the local population when student housing is a serious problem in Lille. The students are isolated. The different groups in the population do not interact with one another and thus new methods must be developed to stimulate this interaction.

In the same vein, LT confirms:

The students do not stay in Roubaix. They do not find the town attractive. Young workers leave to go abroad and few return later. There is still this tax-free zone which helps businesses move here, but there is a setback once the launch phase has ended and the businesses leave. They go to Lille or other big towns. In the 1990s-2000s, this happened to a lot of businesses and now their premises are empty. The start-ups are all situated in the small area between the Blanchemaille and Pleine Image buildings.

3.3 The influence of competition on business strategies in the territory

B – Businesses and leading actors

Businesses and emblematic economic actors from a territory or a selected sector are studied inside this variable.

This variable can be combined with Porter’s Diamond Model because it concerns the development of a cluster of large Northern French businesses such as Auchan, Flunch, Boulanger, Decathlon, Leroy Merlin, Les 3 Suisses and La Redoute, which are driven by direct competition to work on increasing productivity and innovation.

Created in Roubaix 180 years ago, La Redoute (textile sales) suffered a lot because of competition from the internet, but the mail order business has now been digitized. The site has been transformed into a start-up incubator specializing in e-commerce. The building baptized

“Blanchemaille” now houses specialists in distance selling who sell organic cosmetic products as well as a manufacturer of 3D printers. Furthermore, to distinguish itself from the competition, La Redoute have relaunched their “Made in Roubaix” textiles, manufactured in a Roubaix workshop [4].

JB’s argument strengthens this hypothesis:

The strong business presence pushes us to do innovative things and this gets people talking about our town. From an economic point of view, this creates jobs. Don’t forget that OVH was born in Roubaix. Crédit Agricole (bank) has created several jobs here since its establishment.

LT adds:

Apart from very large businesses, little organizations and SMEs innovate a lot. The town is brimming over with all these little companies which create jobs and are important in terms of our territory’s attractiveness. They are in the arts, textile innovation, and the digital domain.

R – Research, Development and Innovation

This is the State and private Research and Development profile of the territory (inputs, structuring areas, outputs), large scientific and technological facilities, professional networks in this environment, interface locations, access to financing facilities etc. This factor concerns teams, establishments and equipment, providing services and support for the businesses the territory wishes to attract (Van Laethem, 2005; Baccarani et al. 2019). There are numerous examples of research and development in Roubaix. We can cite the Centre for Research and Development in Innovative Textiles (CETI in French). New technology is also important because it makes a town smart and up-to-date, as well as making concrete contributions to the town’s development (Garau, 2014). The town council in Roubaix launched a procedure, called “Open Data”, for making the territory’s public data available to all citizens and actors in the territory. The portal was motivated by a desire for transparency, the modernization of public life, and the attractiveness and development of the territory. Roubaix was the first town in the North to provide open access to its data in 2016 [5]. Deputy Mayor Alexandre Garcin, in charge of the Smart City project, confirms that the town is eager to be at the cutting edge of innovation: “The town’s aim is to be as dynamic as possible in our experiments in the territory, which will enable us, working with all those concerned, to build and play our part in an intelligent, efficient, economically sustainable and people-

friendly town” [6]. Other examples amply illustrate the town’s innovative approach. The “Bobine” is a tourist office inaugurated in 2017 where visitors can go online and recharge their batteries or participate in a zero waste and creativity workshop. Visitors can borrow free scooters, take a break and drink a coffee on the sofa etc. Roubaix was the fourth town in France to sign the Green Digital Charter in 2015. Since 2017, the town has been regularly reserving new sites for individual and community allotments in order to cater for leisure activities and healthy eating, as well as encouraging social contact and increasing purchasing power for its inhabitants. More than eight hectares have been set aside for this project, there are around 30 sites and 350 family allotments in the town [7].

LT explains this phenomenon:

The town is often ready faster than Lille and its surrounding area to develop digital projects. Project Live – the connection of three towns [Roubaix, Marcq-en-Baroeul, Tourcoing] – is a good illustration of this policy. The man behind this Alexandre Garcin, is a great, dynamic person, who moves quickly. We have developed several applications for tourists, notably “Points in the City”. We have digitalized a map and we can create routes [around the tourist sites]. Of course, some people still ask for paper maps, but the digital map allows for more openness, and a better understanding of the town at any moment. At the heart of this is an official policy to go further and our political leaders, although not everyone, are making the most of the opportunity.

3.4. Domestic demand and businesses

N – Networks and linking points

Relationship networks demonstrate the influence that building links can have on individual behaviour, including on stress and on the dynamics created by the actions of people from a particular territory. They are therefore essential to the good functioning of any local economic system, but also to facilitating the insertion of new actors into the local business environment through professional agencies, networks for entrepreneurship etc. (Wennekers, Thurik, 1999; Stevenson, 1983).

Competitiveness centres are flexible structures linking businesses, public research laboratories and training organizations. Described as “nerve centres,” or “models of energy, intelligence and audacity,” these organizations aid the transfer of skills between businesses and the movement of work forces (Weil, Fen Chong, 2008; Cherchem, Fayolle 2008; Covin, Slevin, 1991).

Various networks for developing entrepreneurship are present in Roubaix. Positive Planet France is one organization that fights against unemployment in priority neighbourhoods and helps people who are having difficulty finding a job to create their own businesses. Plateforme Initiative France, based in Roubaix, provides expert advice and follow-up for business creators. In addition, La Fabrique à Entreprendre is a co-working space and a key place for business creation.

From our perspective, this variable can be linked to the domestic demand category in Porter's Diamond Model because the requirements of the population from within one economic area encourage businesses to constantly improve their competitiveness. Another very important factor in this territory is the fact that the economic difficulties frequently incite the inhabitants to create their own jobs.

I-Infrastructure/Real Estate

This refers to the type, quality and cost of resources available for those infrastructure creators who participate in the competition between territories. Infrastructure is also one of seven cognitive attributes of a destination's image which contributes to its attractiveness (Chaudhary, 2000; Beerli, Martin, 2004; Byon, Zhang, 2010). Some infrastructure and plans for new medium term projects already exist (large scientific facilities, housing, hotels, cultural institutions).

This category also includes the description of real estate offers and available land destined for economic activities (AZ = activity zones, buildings for logistics, land available for development, environmentally friendly sites: eco-hubs, eco-parks, buildings with positive energy...). As we have already documented a large number of the infrastructures in the other sections, here we are going to concentrate on the housing market which has increased exponentially.

JB's statement confirms this fact:

The installation of new housing is linked to the establishment of businesses and infrastructure. For example, the Velodrome and the presence of businesses has boosted the increase in bed and breakfast establishments and Airbnbs.

LT argues:

The hotels are normally fuller during the week than at the weekend. In the case of Roubaix, there is more business tourism than leisure tourism.

ND mentions the "large property availability, above all in atypical places like industrial wastelands."

LT follows up on this thought:

We have more well-equipped co-working spaces compared to Lille, such as La Maison d'Alfred and Be Square. When co-working spaces were set-up in Roubaix, it was new. The tourist office in Roubaix is soon going to move to a 1000m² building where there will be a reception area, a real restaurant, a concept store and a co-working space. All of this in a 1000m² tourist office.

JB states:

But I think this is also a fashion because people are more and more looking for things that are a little bit novel. They are more interested by things that are out of the ordinary and in places that are a little unusual. Public demand is becoming more and more sophisticated. Places like Condition Publique and other atypical places in the town attract a lot of people.

S- Services

These are all the profit-making services offered as support for economic activities. They comprise service activities which add to the dynamism of the production sector as well as service offers adapted to the needs of recently created or established businesses. This variable can be studied in conjunction with Porter's factors because these competitive advantages are difficult to reproduce elsewhere.

LT mentions the multiple services that help project leaders in the creation of their businesses: The town is using an old post office building which is called Avant Poste to create a contact point between project leaders and the relevant support services.

JB showcases the services linked to the stores at the Usine (Factory) Shopping Centre:

The stores at the Usine Shopping Centre are very important for the territory. The concept of a centre for factory shops started in Roubaix and a lot of people come here for this reason. The McArthur Glen Arcade has welcomed 2,000,000 visitors. 1,200,000 visitors per year go to the Usine Shopping Centre. The Usine works hard at keeping its customers: the carparks are centrally located, there are restaurants, and we notice that people travel for up to an hour and a half to come here and 60% of those who come to the Usine Shopping Centre also visit McArthur Glen. They come for the whole day.

JB follows up on this reasoning:

If you look at the Usine Shopping Center, this building has a historical heritage that has been preserved. The building had to be restored. The word "culture" comes up again. Sales are high and Restore takes products that are still in good condition to a waste recycling centre to put them back

into use. This project has existed for two or three years. It works pretty well and it's the opposite of sales. Restore participates in the alternative side of the town and in the town's Zero Waste Project. You imagine that the objects come from the rubbish collection, so they are the last survivors.

3.5. Related and support industries

S- Secondary businesses, economic fabric, sectors of excellence

T-NTIC

This section looks at the businesses, actors and economic individuals which comprise the sectors of excellence in a territory: the micro-enterprises, small and medium-sized companies with a strong potential for development which are strongly emblematic of the economic life of a territory. Micro-enterprises led by entrepreneurs are especially emblematic of the territory or the sector we are studying, as they have networks for outsourcing and are often the principal sectors or centres of excellence within a territory, etc. The principal sector or excellence networks are highlighted here.

The Union site provides one good example. This urban project aims to stimulate a new economic dynamic by locating the head offices of several regional groups of businesses all on one site and creating a quality urban environment with a five-hectare urban park and the restoration of industrial heritage buildings. The operational territory of the Union includes the Pleine Image project, a hub of creative industries, and this contributes to the attractiveness of an urban free zone that was created by the Regional Council (Grelet, Vivant, 2014).

LT's words fully prove this:

Clearly there is a political will to develop the Union Project with the presence of CETI (European Centre for Innovative Textiles), Pleine Image, etc. The towns of Roubaix, Tourcoing and Wattrelos have really fought for this project to be situated within their territory, and so Lille and the authorities for the whole metropolitan area regularly inject funds into this project. It's the political will and the available space which allow them to do this at a relatively low cost.

All the same, ND regrets that the textile industry has not been sufficiently exploited in this territory which has such a rich industrial past:

Manufacturing industries were abandoned and, to a great extent, Roubaix switched to the tertiary sector. In the tertiary sector, we see a well-designed digital strategy. This strategy has contributed greatly to the attractiveness and the establishment of start-ups. An ecosystem has been

created in Roubaix and the surrounding area so that start-ups can meet and exchange. This provides even more visible, coherent and powerful communication about the territory.

ND continues on the same idea:

There are a lot of creators but not a lot of textile manufacturers in Roubaix today. There was a campaign to attract start-ups and incubators. The cloud-computing company OVH is here now. The efforts made have been laudable, but the general population have fallen behind. The local people do not participate. There is no sign of a strategy for solving this problem.

3.6. Discussion

The results of this study demonstrate that structured corporate actions based on public/private partnerships have been successfully undertaken in the town and have led to its repositioning as an innovative location. The main competitive advantage of Roubaix relates to culture and appears among the first variable factors and conditions. Indeed, thanks to the strength of the town's natural resources, its architectural heritage and human capital encouraged by the State, the town has managed to overcome its difficult economic situation by relying on cultural development. A "quality prism" applicable to a specific territory may be a qualitative improvement enhancing the artistic and cultural heritage (Giannini, 2014). This is true for Roubaix. In fact, the State has strongly encouraged the development of Roubaix, by providing official assistance for three major aims: balanced and equal investment in development for all parts of the region, encouraging the attractiveness of the region for inhabitants and visitors, and finally opening access to cultural programmes.

Professional and sporting events are both organised and encouraged by the local authorities, including conferences, seminars, fairs, markets, festivals, etc., all of which improve its attractiveness and its reputation. Strongly supported by the authorities, investment in cultural heritage (La Piscine Museum, la Manufacture Museum, the Villa Cavrois, etc.) and culture has boosted the image of the town. In 2001, Roubaix obtained the "Town of Art and History" label which considerably changed its image with outsiders. These actions have been beneficial for the town and have encouraged start-ups to settle there.

Roubaix has strong territorial values and an identity stemming from the commitments and values of the people who live there. Roubaix is historically a town with a single industry (textiles) which grew quickly during the 19th century, and yet, the entrepreneurial spirit is still strong today.

Indeed, many start-ups have been established here. The town is also attached to its heritage and its multiculturalism because of the different nationalities who live there.

The presence of human capital is today constantly cited as a fundamental asset available to territories so that they can compete in the international arena by both strengthening local activities and attracting those from elsewhere. Indeed, qualified human capital plays an important role in the development of a country or a town (Becker, 1975; Schultz, 1961). The case of Roubaix is very revealing since it has taken the initiative in inviting prestigious business schools (EDHEC Business School), university campuses and engineering schools (ENSAIT) to come to the town. There are also many artists living in Roubaix. Nevertheless, the unemployment rate is very high and the territory is not yet attractive enough to keep knowledge workers for a long time.

There are many shops and businesses in Roubaix, such as Auchan, Flunch, Leroy Merlin, La Redoute (created 180 years ago), an incubator of innovative start-ups and the development of new technologies of information and communication. The economic role of territorial capital is to enhance the efficiency and productivity of local activities. Our results showed numerous cases of research, development and innovation, like for example the CETI (European Centre for Innovative Textiles) currently present in Roubaix.

This increasing number of local business and networks for developing entrepreneurship (Positive Planet, Fabrique à entreprendre) represents an attempt to reduce unemployment and revive domestic demand in order to improve the competitiveness of the town and at the same time energize the service sector. An effort has been made in infrastructure as well, with the construction of hotels and housing. Despite the presence of many businesses, the manufacturing industries, Roubaix's original specialization, have been abandoned and the town has largely switched to the tertiary sector which means that the population originally involved in textile production remains unemployed.

The results equally state that despite several innovative business efforts and the creation of ecosystems for the start-ups, unemployment problems and poverty continue to cause problems in this town. Roubaix is a two-speed territory, as if these efforts were made for people on the outside, while the local population does not benefit from them. From what has been stated, there is still no coherent strategic plan to reduce unemployment and keep businesses in the territory.

The diagnosis was made by combining Porter's Diamond model and the CERISE REVAIT® method, which are complementary. While Porter enables the researcher to describe a global economic environment, CERISE REVAIT® provides more details about this environment by exploring each factor in greater depth and giving more elements for a competitive survey. Porter is principally based on geographical factors and uses a system of clusters and examines both the competition and how resources are used. It can therefore be linked to the notion of territorial capital. According to Porter, any definition of possible growth strategies for each region, town or territory should necessarily rely on local assets, local potential how they may be full—and wisely—used: in short, on what is increasingly called territorial capital (Camagni, 2009). On the other hand, CERISE REVAIT® highlights collaboration, the attractiveness of a territory and its image and values. Porter uses clusters to emphasize the competitiveness of a territory and places greater stress on domestic demand, while CERISE aims to make it more attractive than other territories. As stated in the research project ATTREG 2009, in addition to the key determinants of attractiveness, good basic infrastructure and accessibility ... non-economic factors such as the quality of life and the attractiveness of the environment have an effect on a territory's development.

Meanwhile, despite the differences, the two models are essentially orientated towards what the territory has to offer and are based on organizational proximity as a key asset in increasing competitiveness. Moreover, the combination of the two models combine to provide a more profound analysis of two characteristics of a given territory: territorial capital and attractiveness.

CONCLUSION

The value of this study resides in the fact that it sheds light on the transformation and innovative repositioning of the town of Roubaix. It explores an important question concerning the competitive advantages of Roubaix. The territory was analysed using two complementary models: Porter's Diamond model and CERISE REVAIT®.

After having undertaken an in-depth analysis of the town of Roubaix, it can be stated that the art and culture cluster is the most competitive in this territory. This sector has been strongly supported by the local authorities and remains symbolic of Roubaix. By using the example of the town of Roubaix, this research has shown how a town with a rich heritage has committed itself to a deliberate and ambitious policy to restore and

reposition its territory. Indeed, this approach has enabled the town to repair its image and to become a town with a cultural wealth and the resources to develop urban tourism. The town has been regenerated thanks to a coherent policy and resources provided by the local authorities and political figures who have set up the relevant projects.

The combination of two methods made it possible to obtain a global vision of what the town could offer and to highlight its competitive advantages. These advantages can be considered as the ability of a given tourist destination to use its resources, adding to their value over time (Ritchie, 2004).

There appears to be an indisputable link between these two models, because CERISE REVAIT® allows us to study the town and its assets as a whole whereas Porter's Diamond Model enables us to bring to light its competitive advantages. Such an approach also makes it possible to identify promising sectors that may be developed on the initiative of both local and outside organizations and companies, with possible support from the local authorities.

The results have practical implications for political leaders, entrepreneurs, tourism businesses and institutions, the regional authorities and the official policy makers. First, they improve everyone's knowledge of Roubaix's competitive advantages and they can be applied to any other territory in any other country. The analysis provided by a combination of the two models helps local and regional authorities to improve their management of the town's attractions. Trip, 2007 defines this as the process "by which (part of the) territorial capital assets are mobilised and exploited by the actions of individual and collective agencies (as well as through more nebulous "market forces"), at different scales, but also by the way in which a territory is governed, in order to be more attractive."

Secondly, they can be used for further marketing, or strategic and competitive surveys about this territory. They can also constitute the basis of new programmes or policies specially designed to increase the attractiveness of Roubaix.

It is important to conclude with a cautionary remark that a case study approach can sometimes lead to generalizing the issue. Within the context of this research, only one town has been studied. It would therefore be interesting for future projects to make a comparative study of different territories of the same size.

Bibliographie

Ahmed, Z.U. (1991), "The Influence of the Components of a State's Tourist Image on Product Positioning Strategy", *Tourism Management*, Vol. 12 No. 4, pp. 331-340.

Alvarez Gonzales, J.A., Gonzales Morales, O. (2006), «L'apprentissage et la compétitivité dans les cultures touristiques : une étude comparée entre l'Espagne et l'Italie», *Revue d'Economie Régionale et Urbaine*, Vol. 4, pp. 551-574.

Antunes, F. (2000), "Algarve: the Tourism Chain and the New Management of the Territory", *International Journal of Contemporary Hospitality Management*, Vol. 12 No. 7, pp. 431-434.

Argiolas, G., Cabras, S., Dessi, C. and Floris, M. (2009), "Challenges for New Models of Territorial Governance: Learning from the Experience of Italian LAG's", in Solomon, G.T. (Ed.), *Proceedings of the Sixty Ninth Annual Meeting of the Academy of Management*, (CD).

ATTREG, 2013, The Attractiveness of European regions and towns for residents and visitors, Scientific research report within the framework of the Espon 2013 programme, available at: <https://www.epson.eu/country-selector> (accessed 15 November).

Baccarani, C., Cassia, F., Rossato, C. and Cayallo, D., (2019), "Territory, Firms and Value co-creation Synergies", *Journal of Place Management and Development*, Vol. 12 No. 2, pp. 197-208.

Bigné J.E., Sanchez, M.I. and Sanchez J. (2001), "Tourism Image, Evaluation Variables and After Purchase Behaviour: Inter-Relationship", *Tourism Management*, Vol. 36, pp. 269-278.

Becker, G. (1975), *Human Capital: A Theoretical and Empirical Analysis, with Special Reference to Education*, 2nd Edition, in NBER Books from National Bureau of Economic Research, Inc.

Beerli, A. and Martin, J.D., (2004), "Factors Influencing Destination Image", *Annals of Tourism Research*, Vol. 31 No. 3, pp. 657-681.

Bertoldi, B., Cerruti, E. and Russo, G. (2007), "Managing Culture Heritage Thinking to Community Benefits. Two innovative methods to Quantify Impact on Tourism and on Private Properties in a Wider EIM Model for Turin", *Progetto Capitale Culturale*, 2007, Torino and Research Olympics 2008, November 7-8, London.

Byon, K.K. and Zhang, J.J. (2010), "Development of a Scale Measuring Destination

Image”, *Marketing Intelligence and Planning*, Vol. 28 No. 4, pp. 508-532.

Camagni, R. (2002), “On the concept of Territorial Competitiveness: Sound or Misleading?”, *Urban Studies*, Vol.39, No.13, pp. 2395-2411.

Camagni R. (2006), « Compétitivité territoriale : la recherche d'avantages absolus », *Reflets et perspectives de la vie économique*, No. 1, pp. 95-115.

Camagni R., Maillat D. (2006), *Milieus innovateurs. Théories et politiques*, Economica/Anthropos, Paris.

Camagni R. (2009), « Modelling Future of Regional Development and the Concept of Territorial Capital », Conference of Colloquium on Sustainability, Disparities and Polycentritown, Prag, 19 th October.

Camagni, R., Capello R. (2009), “Territorial Capital and Regional Competitiveness: Theory and Evidence”, *Studies in Regional Science*, Vol. 39 No. 1, pp. 19-40.

Chamard, C. (2014), *Le marketing territorial: comment développer l'attractivité et l'hospitalité des territoires ?* de Boeck, 1st edition, Bruxelles.

Cherchem, N. and Fayolle, A. (2008), « Evolution du concept d'orientation entrepreneuriale : enjeux et perspectives, paper presented at study day Entrepreneuriat et stratégie, Bordeaux, 1er juillet.

Chiglione, R. and Matalon, B. (1978), *Les enquêtes sociologiques. Théories et pratiques*, Armand Colin, Collection U, Paris.

Chaudhary, M. (2000), “India's Image as a Tourist Destination – a Perspective of Foreign Tourists”, *Tourism Management*, Vol. 21 No. 3, pp. 293-297.

Covin, J. G. and Slevin, D.P. (1991), “A Conceptual Model of Entrepreneurship as Firm Behavior”, *Entrepreneurship: Theory & Practice*, Vol. 16 No. 1, pp. 7-25.

Corte-Real, M. (2016), “Shaping a Territory: Case Study -The Moorish Quarter in Lisbon (Mouraria)”, in Joac Teixeira Lopes, Ray Hutchison (Ed.) *Public Spaces: Times of Crises and Change Research in Urban Sociology*, Vol. 15, pp. 169-189.

David, M. (2003), « Les politiques de la ville : donner un sens au territoire », in *Etudes de communication*, langages, information, médiations, No 26 proceedings of the international conference in Roubaix, France, 2002, Spaces and Territories : from public to collective housing, 6-7 June.

De Holan, P.M., Phillips, N. (1997), “Sun, Sand and Hard Currency Tourism in Cuba”,

Annals of Tourism Research, Vol. 24 No. 4, pp. 777-795.

Denicolai, S., Cioccarelli, G., Zucchella, A. (2010), “Resource-based Local Development and Networked Core-competencies for Tourism Excellence”, *Tourism Management*, Vol. 31, pp. 260-266.

Dichter, E. (1985), “What is An Image”, *Journal of Consumer Marketing*, Vol. 2 No. 1, pp. 39-52.

Douglas, C. (2005), « Théories économiques de la ville ». *Revue L'économie Politique*, Vol.3 No. 27, pp. 67-82.

Dwyer, L. and Kim, C. (2003), “Destination Competitiveness: a Model and Indicators”, *Current Issues in Tourism*, Vol. 6 No. 5, pp. 369-413.

Ekinci, Y. and Hosany, S. (2006), “Destination Personality: An Application of Brand Personality to Tourism Destinations”, *Journal of Travel Research*, Vol. 45 No 2, pp. 127-139.

Fayos-Solà, E. and Alvarez, M.D. (2014), “Tourism Policy and Governance for Development”, in Eduardo Fayos-Solà, Maria D. Alvarez, Chris Cooper (Ed.) *Tourism as an Instrument for Development: A Theoretical and Practical Study* (Bridging Tourism Theory and Practice), Vol. 5, Emerald Group Publishing Limited, pp. 101-124.

Florida, R. (2002). *The rise of the creative class, and how it's transforming work, leisure, community and everyday life*, Basic Books, New York.

Florida, R. (2003). “Towns and the Creative Class”, *Towns & Community*, Vol. 2 No 1, pp. 3-19.

Garau, C. (2014), “From Territory to Smartphone: Smart Fruition of Cultural Heritage for Dynamic Tourism Development”, *Planning, Practice & Research*, Vol. 29 No. 3, pp. 238-255.

Gartner, W.C. (1993), “Image Formation Process”, *Journal of Travel & Tourism Marketing*, February 1993, vol.2, N°2/3, p.191-215.

Gezici, F. and Kerimoglu, E. (2010), “Culture, Tourism and Regeneration Process in Istanbul”, *International Journal of Culture, Tourism and Hospitality Research*, Vol. 4 No. 3, pp. 252-265.

Giannini, M. (2014), “Tourism, Territorial Development and Sustainability”, paper presented at 4th Annual Conference on Business Strategy and Organizational Behaviour (Bizstrategy 2014).

Giroud, M. and Veschambre, V. (2010), « Ville créatives, ville concurrentes : les candidatures françaises au titre de capitale européenne de la culture », *L'observatoire, la revue des politiques culturelles*, No. 36, pp. 73-76.

Gollain, V. (2009), « Comment identifier les atouts distinctifs de son territoire dans une perspective de marketing stratégique ? La méthode CERISE REVAIT », (revised version V4), available at http://www.orne-developpement.com/IMG/pdf/CERISE_REVAIT_Vincent.Gollain.pdf, (accessed 12 February 2019).

Gollain, V. (2010), *Guide de marketing territorial*, Territorial Editions, Paris.

Gollain, V. (2012), *Méthode Analyse Marketing CERISE REVAIT*, Paris.

Gollain, V. (2015), *Identifier et valoriser ses avantages comparatifs territoriaux avec la méthode CERISE REVAIT®*, 6ème Version, Paris.

Graitson, D. (2000), « Les grappes industrielles: concept et méthodologie » in *Conférence wallonne de l'innovation*, janvier.

Grelet, M. and Vivant, E. (2014), « La régénération d'un territoire en crise par la culture: une idéologie mise à l'épreuve. L'exemple de l'antenne de l'Institut du Monde Arabe à Tourcoing », *Belgeo Revue belge de géographie*, N°1, available at : <http://journals.openedition.org/belgeo/12803> (accessed 28 April, 2019).

Guinand, S. (2009), *Patrimonialisation dans les projets de régénération: entre integration et rejet. Les cas des villes Roubaix et D'Ain Sefra*, HAL Id: halshs-00386312, available at <https://halshs.archives-ouvertes.fr> (accessed 20 May 2019).

Gumuchian, H. Pecqueur, B. (2007), *La ressource territoriale*, Economica, Paris.

Harvey, D. (2008), *Géographie de la domination*, Les prairies ordinaires, Paris.

Hatem, F. (2007), *Marketing territorial: Principes, Méthodes, Pratiques*, Editions EMS, Paris.

Holbrook, M.B. (1978), "Beyond Attitude Structure: Toward the Informational Determinants of Attitude", *Journal of Marketing Research*, 15, pp. 545-556.

Johnson, P. and Thomas, B. (1992), *Choice and Demand in Tourism*, Mansell, London.

Kuratko, D. F. and Audresch, D. B. (2009), "Strategic Entrepreneurship Exploring Different Perspective of an Emergence", *Entrepreneurship: Theory and Practice*, Vol. 33 No.1, pp. 1 – 17.

Kim, H.B., and Lee, S. (2015), "Impacts of Town Personality and Image on Revisit Intention", *International Journal of Tourism Towns*, Vol.1 No. 1, pp. 50-69.

Kim, N., and Wicks, B. (2010), "Rethinking Tourism Cluster Development Models for Global Competitiveness", International Council on Hotels Restaurants and Institutional Education Conference, Scholarworks@UMassAmherst, <http://scholarworks.umass.edu/refereed/CHRIE_2010/Friday/28>.

Lawson, F. and Band-Bovy, M. (1977), *Tourism and Recreational Development*, Architectural Press, London. p. 210.

Lee Sang M. and Peterson, J. S. (2000), "Culture, Entrepreneurial Orientation, and Global Competitiveness", *Journal of World Business*, Vol. 35 No. 4, pp. 401 – 416.

Mathieson, A. and Wall, G. (1982), *Tourism: Economic, Physical and Social Impacts*, Longman, London.

Mincer, J. and Polachek S. (1974), "Family Investments in Human Capital", *Journal of Political Economy*, Vol. 82 No. 2, pp. 76-108.

Merunka, D. and Ouattara (2007), La ville en tant que marque: métaphore ou réalité, available on <http://www.ville-management.org/>, (accessed 24th February).

Murphy, C. and Boyle, E. (2006), "Testing a Conceptual Model of Cultural Tourism Development in the Post-industrial Town: A case Study of Glasgow", *Tourism and Hospitality Research*, Vol. 2 No. 2, pp. 111-126.

Nadeau, J. Heslop, L. O'Reilly, N and Luk, P. (2008), "Destination in a County-Image Context", *Annals of Tourism Research*, Vol. 35 No.1, pp. 84-106.

Nordin, S. (2003), *Tourism, Clustering and Innovation: Paths to Economic Growth and Development*, European Tourism Research Institute, Östersund, Suède.

Nuryanti, W. (1996), "Heritage and Post-modern Tourism", *Annals of Tourism Research*, Vol. 23 No. 2, pp. 249-260.

OECD, 2001, *Territorial Outlook*, Paris.

Oiry-Varacca, M. (2012), « Le « printemps arabe » à l'épreuve des revendications amazighes au Maroc. Analyse des enjeux territoriaux et politiques des discours sur l'identité », *L'Espace Politique*, Vol.18 No 3, on line, available on <https://journals.openedition.org/espacepolitique/2504>, (accessed 3 March 2019).

Porter, M. E. (1990), *The competitive advantage of nations*, The Free Press, New York.

Porter, M. E. (1998), "Clusters and Competition: New Agendas for Companies, Govern-

ments, and Institutions”, Working paper, No 98-080, March, Harvard Business School.

Porter, M. E. (2000), “Location, Competition, and Economy Development: Local Clusters in a Global Economy”, *Economy Development Quarterly*, Vol. 14 No. 1.

Porter, M. E. (2003), “Clusters and Regional Competitiveness: Recent Learnings”. In *International Conference on Technology Clusters*, November.

Porter, M. E., 2003, “The Economic Performance of Regions”, *Regional Studies*, Vol. 37 No. 6-7, p. 549-578.

Ries, A. and Trout, J. (2000), *Positioning The Battle for your Mind*, New York, McGraw-Hill.

Richards, G. (2001), “The Development of Cultural Tourism in Europe in G. Richards (Ed.) *Cultural Attractions and European Tourism*, CABI, London, pp. 3-29.

Ritchie, J. (2004), “Building an Appropriate Competitiveness for Impoverished Destination”, Ulysses Prize lecture, WTTO, Madrid.

Roth, S. and Frank, S. (2000), “Festivalization and the Media: Weimar, Cultural Capital of Europe 1999”, *International Journal of Cultural Policy*, Vol. 6 No. 2, pp. 219-241.

Sacco, P.L. and Blessi G.T. (2007), “European Culture Capitals and Local Development Strategies: Comparing the Genoa and Lille 2004 cases”, *Homo Oeconomicus*, Vol. 24 No. 1, pp. 111-141.

Saez, L., Perianez, I. and Heras-Saizarbitoria, I. (2017), “Measuring Urban Competitiveness: Ranking European Large Urban Zones”, *Journal of Place Management and Development*, Vol. 10, No. 5, pp. 479-496.

Schultz, T.W. (1961), “Investment in Human Capital”, *American Economic Review*, Vol. 51, pp. 1-17.

Shaw, G. and Williams, A. (2009), “Knowledge Transfert and Management in Tourism Organisations: an Emerging Research Agenda”, *Tourism Management*, Vol. 30 No. 3, pp. 325-335.

Stevenson, H. H. (1983), “A Perspective on Entrepreneurship”, Working Paper, #9-384-131, Harvard Business School.

Smith, M. K. (2003), *Issues in Cultural Tourism Studies*, Routledge, London.

Smith, A. (2005), “Reimagining the Town: The Value of Sport Initiatives”, *Annals of Tourism Research*, Vol. 32 No. 1, pp. 217-236.

Trip, J.J. (2007). “Assessing Quality of Place: a Comparative Analysis of Amsterdam and

Rotterdam”, *Journal of Urban Affairs*, Vol. 29 No 5, pp. 501-517.

Van Laethem, N. (2005), *Toute la fonction marketing*, Dunod, Paris.

Van Der Yeught, C. (2008), Favoriser le développement d’un cluster « tourisme durable » au sein d’une destination touristique : le cas des Cinq Terres (Italie): 9^{em} Congrès International Francophone en Entrepreneuriat et PME (CEFEPME), octobre, Louvain-la-neuve.

Vasile, E. (2015), “Wine Tourism in Europe and Romania – a Conceptual Approach with Application to Prahova County. Case Study at Halewood Wineries”, *Annals of Constantin Brancusi University of Targu-Jiu. Economy Series*, pp. 287-295.

Weil, Th. and Fen Chong St. (2008), « Les pôles de compétitivité français », *Futuribles* 342, juin pp. 5-26.

Wennekers, S. and Thurik, R. (1999), “Linking Entrepreneurship and Economic Growth”, *Small Business Economic*, Vol. 13 No.1, pp. 27- 38.

Yin, R.K. (1981), “The Case Study Crisis: Some Answers”, *Administrative Science Quarterly*, Vol. 26 No. 1, pp. 58-65.

Yin, R.K. (2003a), *Case Study Research, Design and Methods*, Vol. 5. Thousand Oaks, Sage.

Yin, R.K. (2003b), *Applications of Case Study Research*, Vol. 34. Thousand Oaks, Sage.

Footnotes

1. https://www.lexpress.fr/actualite/politique/elections/presidentielle-2017/resultats-elections/ville-roubaix-59100_59512.html

2. <https://roubaixxl.fr/ubra-ixo-un-video-painting-en-7tableau-sur-lhistoire-de-roubaix/>

3. <https://www.roubaixtourisme.com/en/a-vivre/roubaix-street-ert-town/>

4. <http://lavoixdunord.fr/archive/recup/region/roubaix-la-redoute-relance-le-textile-fabrique-a-roubaix-ia24b58797n3186411>, la voix du nord 27/11/2015

5. <https://www.roubaixxl.fr/roubaix-ouvre-portail-open-data/> « Roubaix ouvre son portail « Open Data », le 27 octobre 2016.

6. Alexandre Garcin, deputy mayor in charge of sustainable development, digital innovation and the « intelligent city » project. Le 27 avril 2018 : <https://www.roubaixxl.fr/smart-town-roubaisienne-cest-parti/>

7. <https://www.roubaixxl.fr/roubaix-lance-un-appel-a-projet-sur-lagriculture-urbaine/> « Roubaix lance un appel à projet sur l’agriculture urbaine », le 28 février 2019.

Dr. Natalia Guilluy-Sulikashvili, Vice Doyen de la Faculté des Lettres et Sciences Humaines à l'Université Catholique de Lille (France),

(e-mail : natalia.sulikashvili@univ-catholille.fr)

Dr. Godefroy Kizaba Maître de Conférences à UPHF, Université Polytechnique Hauts-de-France (Valenciennes, France), (e-mail : godefroy.kizaba@orange.fr)

Dr. Abdelouahid Assaïdi, Associate Professor à l'Université de Laurentienne, Sudbury Campus (Ontario, Canada), (e-mail: aassaïdi@laurentian.ca)

Culture and urban tourism: the innovative re-positioning of a territory in the North of France²

Purpose: *The purpose of our study is to show how the town of Roubaix has managed to make itself more attractive as a tourist destination. The competitive advantages of the town and all it has to offer tourists have been studied in order to learn about the changes that have been made so as to transform it from a post-industrial wasteland into a town which attracts visitors.*

Methodology: *A traditional case study method has been chosen for this research. The history of this town and its current situation have been studied using both documents and face to face interviews, which have then been analysed thematically.*

Findings: *An indisputable link exists between the Porter's Diamond model and the CERISE REVAIT® model, because they enable us to study all the assets of a town and discover its competitive advantages. Using these tools, we were able to conclude that Roubaix's strongest points were the Arts and Cultural Tourism. These have been strongly supported by the local authorities.*

Research limitations: *The limitation of a case study approach is that it can lead to generalisations. Within the context of this research, only one town has been studied. It would therefore be interesting to make a comparative study of different towns of the same size.*

Practical implications: *The combination of the Porter's Diamond and CERISE REVAIT® models can be used by market researchers to study what any given territory has to offer tourists and its competitive advantages.*

Originality/value: *The originality of this study resides in the fact that the two models have been combined and applied to Roubaix. CERISE REVAIT® allows researchers to study the tourist attractions and facilities of the town in their entirety and Porter's Diamond Model highlights the competitive advantages of the town. Despite the differences, the two models are essentially oriented toward what the territory has to offer and evaluate competitiveness in the context of the geographical proximity of the attractions and facilities available.*

Keywords: *Roubaix, urban tourism, territorial marketing, attractiveness, urban renewal, Porter's Diamond Model, CERISE REVAIT®.*

² The paper is prepared within the project «The European Union Policy in Education and Culture as an Integration Factor: from the Past to the Pre-sent» funded by the European Union (The program of the EU by training and education youth and sport of ERASMUS+ (the Jean Monnet Activities, the action No. 611226-EPP-1-2019-1-RU-EPPJMO-CHAIR)

СОБЫТИЯ

КОНФЕРЕНЦИЯ «ПРОБЛЕМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ РЕЛИГИОЗНОМУ ЭКСТРЕМИЗМУ И ПРЕОДОЛЕНИЕ МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ПРОТИВОРЕЧИЙ В РОССИИ И ЕС» (РОСИ, май 2020 г.)

Начиная с 2018 г. в Региональном открытом социальном институте ежегодно проводятся научно-практические мероприятия, посвященные проблемам плодотворного межконфессионального диалога. В предыдущие годы в стенах РОСИ по этой тематике организовывались семинары, круглые столы, конференции, собиравшие немалое количество участников – исследователей, педагогов, государственных служащих, представителей религиозных конфессий. Ситуация 2020 года внесла свои коррективы: из-за сложной эпидемиологической обстановки встречи в аудиториях пришлось приостановить. Тем не менее, конференция на тему «Проблемы противодействия религиозному экстремизму и преодоление межконфессиональных противоречий в России и ЕС» все-таки прошла – в дистанционном формате. Она была организована как часть проекта «Противодействие религиозному экстремизму и гармонизация межконфессиональных отношений: опыт Европейского союза», реализуемого институтом в рамках программы Эразмус+ (направление Жан Моне).

Представленные участниками материалы оказались достаточно интересны и многообразны. Большая часть тезисов принадлежат студентам курских вузов, познакомившимся в 2019/2020 учебном году с материалами учебного курса «Противодействие религиозному экстремизму и гармонизация межконфессиональных отношений: опыт ЕС». Под руководством преподавателей они провели небольшие исследования по тематике курса и оформили результаты в виде таких же небольших публикаций.

Естественно, свои доклады представили и сами преподаватели, включая членов команды модуля Жан Моне. Кроме того, в конференции приняли деятельное участие известные специалисты в области изучения современных конфессиональных процессов – Е.С. Силаков и А.В. Черныш, а также несколько педагогов-практиков из специализированных образовательных учреждений г. Курска.

По итогам конференции был опубликован сборник ее материалов. Он находится в открытом доступе на сайте проекта <http://cre-rosi.ru>.

А.В. Апанасенко,

*д-р ист. наук, проректор по науке и международным связям
ЧОУ ВО «Региональный открытый социальный институт»*

**КОНФЕРЕНЦИЯ «ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА
В ОБЛАСТИ ОБРАЗОВАНИЯ И КУЛЬТУРЫ
КАК ФАКТОР РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ:
ОПЫТ ЕС И РОССИЙСКАЯ ПРАКТИКА»
(РОСИ, май 2020 г.)**

В мае 2020 г. на базе Регионального открытого социального института прошла региональная научно-практическая конференция на тему «Государственная политика в области образования и культуры как фактор регионального развития: опыт ЕС и российская практика». Мероприятие было организовано в ходе имплементации научно-образовательного проекта “The European Union Policy in Education and Culture as an Integration Factor: from the Past to the Present” («Политика Европейского союза в области образования и культуры как фактор интеграции: прошлое и современность»), который, в свою очередь, реализуется в рамках европейской программы Эразмус+.

На конференцию были приглашены преподаватели высших и средних учебных заведений, сотрудники учреждений дополнительного образования, научные работники, государственные служащие, студенты, магистранты. В конечном итоге кроме Регионального открытого социального института на мероприятии оказались представлены Курский институт развития образования, Областное образовательное учреждение дистанционного образования «Новые технологии», Курский автотехнический колледж, Региональный открытый социальный техникум.

К сожалению, режим самоизоляции в условиях пандемии не позволил участникам встретиться лицом к лицу в стенах института: конференция оказалась заочной. Тем не менее, в оргкомитет были представлены интересные доклады, в которых анализируется история государственной политики в сфере образования и культуры в ЕС и России, воплощение масштабных программ развития образования, государственное, международное и общественное регулирование сферы культуры, региональные программы развития

образования и культуры. Часть докладов была подготовлена студентами Регионального открытого социального института, ставшими в 2019/2020 учебном году слушателями курса «Политика Европейского союза в сфере образования и культуры».

По итогам конференции опубликован сборник ее материалов. Сборник находится в открытом доступе на сайте проекта <http://eupolicy-rosi.ru>.

***А.В. Апанасенко,**
д-р ист. наук, проректор по науке и международным связям
ЧОУ ВО «Региональный открытый социальный институт»*

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

1. К публикации в «Провинциальных научных записках» принимаются актуальные материалы, содержащие новые результаты научных и практических исследований, не опубликованные ранее и не переданные в редакции других журналов.

2. Объем статьи, как правило, составляет от 6 до 10 страниц печатного текста, включая иллюстрации и таблицы.

3. Авторы статей должны представить в редакцию журнала:

- печатный вариант статьи, подготовленной в соответствии с настоящими правилами оформления,

- ее электронную версию;

- сведения об авторе (авторах) (фамилия, имя отчество, место работы, должность, ученая степень, звание, почтовый адрес, телефон, e-mail);

- по запросу редколлегии – разрешение на опубликование в открытой печати статьи от учреждения, в котором выполнена работа

4. Бумажный вариант статьи подписывается всеми авторами, что означает их согласие на передачу Институту прав на распространение материалов статьи с помощью печатных и электронных носителей информации.

5. Редакция не принимает к рассмотрению рукописи, оформленные не по правилам.

6. Основной текст рукописи статьи (кроме аннотации и ключевых слов) набирают в текстовом редакторе MS WORD шрифтом «Times New Roman» размером 14 пт с одинарным интервалом, выравнивание по ширине. Поля с левой стороны листа, сверху и снизу – 2,5 см, с правой стороны – 2 см. Абзацный отступ – 1,5 см.

7. Схема построения публикации: УДК (индекс по универсальной десятичной классификации), фамилия и инициалы автора(ов) с указанием ученой степени, звания, места работы (полностью), электронного адреса (телефона), название (полужирный, прописные), аннотация и ключевые слова, текст с рисунками и таблицами, литература. Авторы, название, аннотация и ключевые слова приводятся на русском и английском языках.

Перед основным текстом печатается краткая аннотация курсивом, отражающая краткое содержание статьи.

Например:

УДК 093.9

И.П. Кузнецов, канд. техн. наук, доцент, ЧОУ ВО «Региональный открытый социальный институт (Курск), (e-mail: kuznetcov@gmail.com)

ФЕНОМЕН ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ КАК ПРЕДМЕТ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

В статье рассматриваются различные подходы к анализу специфики постиндустриального общества. Автор рассматривает три основные концепции, представленные в отечественной гуманитарной науке и призванные объяснить феномен постиндустриальной цивилизации.

Ключевые слова: парадигма, постиндустриальное общество, социальные отношения, информация.

8. При формировании текста не допускается применение стилей, а также внесение изменения в шаблон или создание собственного шаблона. Слова внутри абзаца следует разделять одним пробелом; набирать текст без принудительных переносов; не допускаются разрядки слов.

9. При наборе формул и переменных следует учитывать, что полоса набора – 75 мм. Если формула имеет больший размер, ее необходимо упростить или разбить на несколько строк. Формулы, внедренные как изображение, не допускаются!

Все русские и греческие буквы (Ω , η , β , μ , ω , ν и др.) в формулах должны быть набраны прямым шрифтом. Обозначения тригонометрических функций ($\sin$, $\cos$, $\tg$ и т.д.) – прямым шрифтом. Латинские буквы – прямым шрифтом.

Статья должна содержать лишь самые необходимые формулы, от промежуточных выкладок желательно отказаться.

10. Размерность всех величин, принятых в статье, должна соответствовать Международной системе единиц измерений (СИ).

11. Рисунки и таблицы располагаются по тексту. Таблицы должны иметь тематические заголовки. Иллюстрации, встраиваемые в текст, должны быть выполнены в одном из стандартных форматов (TIFF, JPEG, PNG) с разрешением не ниже 300 *dpi* и публикуются в черно-белом (градации серого) варианте. Качество рисунков должно обеспечивать возможность их полиграфического воспроизведения без дополнительной обработки. Рисунки, выполненные в MS Word, недопустимы.

Рисунки встраиваются в текст через опцию «Вставка-Рисунок-Из файла» с обтеканием «В тексте» с выравниванием по центру страницы без абзацного отступа. Иные технологии вставки и обтекания не допускаются.

12. Список литературы к статье обязателен и должен содержать все цитируемые и упоминаемые в тексте работы. Пристатейные библиографические списки оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008. «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления». Ссылки на работы, находящиеся в печати, не допускаются. При ссылке на литературный источник в тексте приводится порядковый номер работы и цитируемые страницы в квадратных скобках. При ссылке на электронный источник в списке литературы указывается режим доступа и дата обращения.

13. В материале для публикации следует использовать только общепринятые сокращения.

Все материалы направлять по адресу: 305009, г.Курск, ул. Маяковского, 85. РОСИ, научно-исследовательский отдел.

Тел.(4712) 34-38-48, тел/факс (4712) 34-38-48

E-mail: nio@rosi-edu.ru